

ISSN 2308-6947 (Print)
ISSN 3034-3763 (Online)

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 31

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2025

Рецензенты

В. Н. Томили, д-р ист. наук, проф.,
Липецкий государственный педагогический университет;
М. И. Роднов, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. В. Кондрашин*, д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории РАН); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта);
З. А. Тимошенкова, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет);
Е. Н. Швейковская, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина художника А. А. Платова «Колхозный ток» (1949).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — Вып. 31. — 169 с.

Содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Основное внимание уделено конкретным сюжетам истории России. Затронуты вопросы экономического положения страны, социального развития российской деревни, реформ в сфере сельского хозяйства.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, интересующимся историей Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черкасова М. С.</i> Вотчинные инструкции первой половины XVIII века: демографические и социокультурные аспекты.....	4
<i>Степанова Л. Г.</i> Лес в материалах Генерального межевания Российской империи: особенности описания и картографирования.....	14
<i>Роднов М. И.</i> Смоленские метрики из уфимского архива	23
<i>Александров Н. М.</i> Земское ипотечное кредитование крестьян Ярославской губернии в конце XIX века.....	29
<i>Никулин В. Н.</i> Волостной старшина в структуре органов самоуправления сибирских крестьян в пореформенные годы.....	40
<i>Баринаева Е. П., Кабытов П. С.</i> Геополитические проблемы и внешняя политика Российской империи в дискурсе объединенного дворянства в 1908—1916 годах.....	51
<i>Дианова Е. В.</i> Агрокооперативная кинопропаганда 1920-х годов	62
<i>Филимонов А. В.</i> Переселение евреев из Псковского края в многоземельные районы страны в 1920-е годы.....	73
<i>Кондрашин В. В.</i> Кулак, середняк, бедняк в советской деревне в годы НЭПа и коллективизации.....	83
<i>Томилин В. Н.</i> Центрально-Черноземная деревня в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания	114
<i>Полх П. П.</i> Скотоводство в личных хозяйствах жителей и подсобных хозяйствах предприятий Калининградской области в период ее заселения (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов)	126
<i>Шевельков А. И.</i> О некоторых аспектах развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине XX века.....	148
<i>Логунова И. В.</i> Трудности первого этапа реорганизации колхозов и совхозов в 1990-е гг. (на материалах областей Центрального Черноземья).....	158
Об авторах	167

М. С. Черкасова

**Вотчинные инструкции первой половины XVIII века:
демографические и социокультурные аспекты**

В статье рассмотрены демографические и социокультурные аспекты вотчинных инструкций России первой половины XVIII в. Они относятся к разным категориям крестьян — дворцовым, помещичьим, монастырским — и разным уездам страны. Документы показывают владельческое регулирование институтов семьи и брака у крепостных крестьян, механизмы их закрепления на землях собственников, роль последних в распространении грамотности и ремесленно-мастеровых навыков среди зависимого населения. Раскрыты некоторые возрастные показатели детей и взрослых, структуры расселения.

The article examines the demographic and socio-cultural aspects of estate instructions in Russia during the first half of the 18th century. These documents pertain to different categories of peasants — palace, landowner, and monastic — as well as to various districts of the country. They reveal the proprietary regulation of family and marriage institutions among serfs, the mechanisms of their attachment to the land of owners, and the role of the latter in spreading literacy and artisanal skills among the dependent population. Certain age characteristics of children and adults, as well as settlement structures, are also disclosed.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, крепостное право, нормативные документы, семья и брак, грамотность

Keywords: Russia, 18th century, serfdom, normative documents, family and marriage, literacy

В процессе усиления феодально-крепостнических отношений в России возникает такой вид источников, как уставные монастырские грамоты. По ряду крупных духовных корпораций они известны с середины — второй половины XVI в. В дальнейшем появляются различные указы, наказные памятки вотчинным приказчикам по управлению отдельными селами-волостями. В первой же половине XVIII в. сложился целый комплекс типологически близких к ним вотчинных инструкций, часть которых печаталась в разных изданиях в XIX—XX вв., а наиболее полная совокупность опубликована в 1984 г. [1]. С тех пор источниковедческая разработка и введение в научный оборот новых текстов продолжалась, и здесь особо следует отметить тщательно выполненные работы Н.В. Соколовой [2, с. 71—80; 3, с. 399—430].

Вотчинные инструкции и указы — очень многоплановые источники, освещающие многие стороны сеньориально-крестьянских отношений, порядков землепользования, административно-судебной системы, общинного самоуправления, форм феодальной ренты (барщина, натуральный и денежный оброк). Среди прочих сюжетов в этих инструкциях значительный интерес представляют вопросы исторической демографии. Речь идет об институте семьи и брака, феномене брачности у крестьян и бобылей, церковном и владельческом его регулировании, миграционных процессах. Инструкции отражают положение крестьян разных владельческих категорий — государственных, дворянских, помещичьих, монастырских.

В наиболее раннем документе такого рода — наказе из приказа Большого Дворца приказчику ростовского села Вошажникова Дементию Боранцеву 14 мая 1703 г. — предписыва-

валось управлять по прежним уставным грамотам, государевым указам, Соборному уложению 1649 г. и новоуказным статьям 1660-х гг. Д. Боранцев пришел на смену своему предшественнику — приказчику А. Маркову, наказная память которому от 30 сентября 1701 г. была издана Н.В. Соколовой [3, с. 427—430]. В обоих документах сообщалось о взимании свадебных пошлин: за выводную куницу по гривне (10 коп.), за убрusy (полотенца. — *М. Ч.*) — по 2 алтына (6 коп.). Собранные пошлины подьячие должны были записывать в приказной избе села Вощажникова в специальные книги, скреплять лично приказчику и отправлять в Москву в приказ Большого Дворца [1, с. 12].

В наказе владельца села Глинки (Михайловского уезда) Д. А. Шепелева своему приказчику Ив. Балашову 18 мая 1718 г. запрещалось выдавать «дворовых и крестьянских девок замуж» в чужие волости. Браки должны были совершаться строго внутри данного села с уплатой по полтине с каждого партнера — жениха и невесты. Суммарная пошлина за свадьбу получается значительно больше (1 руб., или 100 коп.), чем указанная выше по селу Вощажникову в 1701 и 1703 гг. Более тщательный предусматривался учет свадеб — их количество помесячно и погодно фиксировалось в приходных книгах «по числам» [1, с. 29].

На фоне вводимого в России в 1716—1718 гг. метрического учета в наказе 1718 г. содержалось требование к крестьянам (их женам и детям) явки на исповедь в периоды постов в церкви к своим отцам духовным для покаяния и причастия. Приходским священникам вменялось в обязанность составлять «изветы» (доносы) относительно игнорирующих эти таинства, за что им угрожали «крепкие розыски», телесные наказания («бить батоги на мирском сходе нещадно, снем рубахи») и взимались штрафы [1, с. 32].

В наказе А. М. Черкасского приказчику села Маркова (Московский уезд) 1 января 1719 г. в рамках четкой структуры интересующим нас демографическим аспектам были посвящены

статьи 19—21 в главе 3 «О смотрении над крестьяны». В них встречается уже отмеченное выше требование не выдавать замуж вдов и девок за пределы вотчины и в города. Запрещалось также замужество за пришлыми и беглыми людьми. Одновременно допускался прием в село Марково в замужество сторонних крестьянок, но обязательно с полученными ими *отпускными* памятьми. Оговаривались условия браков взрослых парней на солдатках — при обязательном условии, что их первые мужья умерли. В случаях женитьбы на солдатке при наличии живого мужа подобные дела разбирались в судебном порядке в духовном правлении [1, с. 48—49].

Ряд новых статей в наказе 1719 г. касался наследственных прав крестьян. После смерти отца четвертая часть движимого имущества должна быть разделена между дочерьми поровну, тогда как три четверти делились поровну между сыновьями. Если после смерти отца оставалась только одни дочери, то между ними поровну делилось и движимое, и недвижимое имущество. Что же касается замужних дочерей и вдов с их детьми, то они из наследования исключались. Бездетные вдовы получали только четвертую часть движимого имущества, «а недвижимого им не давать» [1, с. 52]. В наказе упоминались две линии родства — мужская и женская, преимущество при наследовании отдавалось первой, но не далее правнуков. Три-четыре поколения предусмотрены вполне определенно: деды, отцы, внуки, правнуки, а также боковая ветвь родства — дяди и племянники. Попутно отмечены размеры деревень — в малых до 15 дворов, но в изучаемое время чаще крестьянские селения включали более 15—20 дворов. Своего рода внутренние миграции представляли собой переводы крестьян из вотчины в вотчину в пределах земельной собственности данного землевладельца. Допускался также отпуск девок и вдов на свободу [1, с. 56—57, 60—61].

В инструкции А. И. Волынского дворецкому Ив. Немчинову 1724 г. детально говорится об обязательном покаянии крестьян в период великого поста и ведении приходскими свя-

щенниками росписей явившихся (включая жен и детей) и не пришедших. Отмечен возраст детей — до 8 лет «гораздо малые», а детей с 8—12 лет следовало, «раздав священникам, учить грамоте по новоизданным печатным Азбукам с толкованием заповедей и с символом веры». Более сметливые дети могли переходить к Часослову и Псалтыри, после чего их отдавали в Москву учиться у хороших писцов. В дальнейшем они возвращались в деревню или село и могли служить там «приказчиками для записок» [1].

В данной инструкции также было сказано о наиболее востребованных в деревне крестьянских профессиях коновалов (умевших лечить и подковывать лошадей) и кузнецов. А. Волынский предлагал свои деньги для платы за обучение детей-выростков из бедных семей. На свои средства он также обещает приобрести для кузнецов весь необходимый инструмент. Помимо кузнечного, детей бедняков следовало обучать колесному и бочарному мастерству [1, с. 68]. О возрасте обучения грамоте (чтению и письму) с 7 лет говорится и в более поздней инструкции (1731 г.) П. М. Бестужева-Рюмина приказчику пошехонской вотчины. Уточняется, что в деревнях должно быть хотя бы несколько грамотных обученных детей. Само же обучение должно оплачиваться из суммы крестьянского оброка. Одобрялось также обучение желающих того детей кузнечному или какому-либо другому мастерству [1, с. 187]. Во втором варианте этой инструкции (тоже 1731 г.) возраст обучения детей грамоте указан с 10 лет, причем акцент делается на отцовском принуждении к этому. Выплаченные отцом за обучение сына деньги засчитывались ему в оброк. Также одобриительно пишется об обучении детей разным промыслам, «у кого к чему охота и самим людям это будет в пользу» [1, с. 198].

Нищим и бедным крестьянам противопоставлялись более благополучные («добрые»), экономически крепкие мужики — «семьянистые». Семьи в деревнях были разные — многолюдные, но бедные (и с большим числом малолетних детей) и такие, в которых работников-мужчин было мало. На выборные

должности в деревнях определялись крестьяне возрастом не менее 35 лет. Диапазон же активного возраста был от 14—15 лет «до самых престарелых». Во дворах у каждого в качестве орудий самообороны должны быть копье и рогатина. Из взрослых мужчин выбирались в деревнях десятские и часовые от воров и пожаров, выполнявшие функционал ночных дежурных или караульных [1, с. 74—84]. Под надзором десятских находились 10 дворов, а сотских — соответственно 100 дворов. О заметной имущественной и социальной дифференциации деревни свидетельствует и отмеченная выше наказная память на село Вошажниково 30 сентября 1701 г., в которой наряду с крестьянами зафиксированы проживающие в селе бобыли, а среди крестьян выделены «мелкие и молодчие», люди «пожиточные — средние — молодчие» [3, с. 430].

О возрасте крестьян в инструкции А. Волынского говорится в связи с тяглообложением. Несмотря на разные названия единиц (осьмак, полушка, деньга), в тягло включалось 4 «души» (4 работника) — по 2 мужского и по 2 женского пола. Рабочий возраст считался для мужчин с 20 лет, а для женщин — «как замуж выйдет». Приказчики должны были следить за тем, чтобы мужчины, достигнув 20-летнего возраста, обязательно женились. Поземельное наполнение тягла предполагало 2 дес. господской земли в одном поле, а в двух — «по тому ж». Размер же самой десятины был установлен 80 на 40 сажений. Если крестьянин с 20 лет оставался холостым, на него накладывалась половина тягла. В документе регламентировался размер надельной земли «вдвое», то есть 4 дес. в одном поле и использование не менее двух рабочих лошадей, а если более, то еще лучше [1, с. 78].

Данная инструкция отражает медико-социальные аспекты деревенской жизни, отмечая увечных, слепых, хромых, безруких и «которые ходить не могут». Таких людей (в том числе престарелых, бедных вдов и сирот, одиноких и безтяглых холостых ребят, безродных девок) следовало содержать в рамках

церковного милосердия и благотворительности. Да и сам Волынский готов был взять некоторых из них в свой двор и предложить им работать «всякую посильную работу», платить за них подушные подати, а при рекрутских наборах сдавать в солдаты. Молодых безродных вдов и безродных девок, просто одиноких женщин следовало пристраивать замуж, хотя бы и за пределы вотчины, беря при этом выводные деньги. Все подобные случаи следовало учитывать в письменных документах. Кроме того, крестьянам запрещалось принимать по найму чужих работников, работниц, батраков, казаков [1, с. 82].

По-другому рассматривалась проблема детского сиротства в инструкции келаря Троицкой лавры Феофана Чарнуцкого приказчику костромского села Костомы с приселками Федору Полонскому от 11 марта 1746 г. Ею предписывалось отдавать на воспитание «маловозрастных сирот мужеска и женска пола пожиточным крестьянам» того же самого села, которые должны были содержать их до 20 лет, после чего те принимали тягло «по мирскому приговору». Допускалась отдача сирот в другие вотчины лавры, а с повзрослением их можно было записывать в рекруты [4, с. 91].

Один из пунктов инструкции А. Волынского предусматривал ведение регулярного учета в его владениях. Ежегодно в январе следовало составлять переписи по дворам, указывая в них имя и возраст дворохозяина, его семейное положение (женат или вдов), сколько у него детей мужского и женского пола, их возраст, налогово-хозяйственные показатели (уплата государственных податей, господского тягла, состав скота, количество земли и посева, наличие мастеровых занятий и пр.). На основе этих книг формировались перечневые ведомости, присылаемые приказчиками А. Волынскому в город. Учету подлежали также деловые (они сами вели свое хозяйство) вдовы и девки. Дифференциация крестьян на маломочных «одинаких и лучших-прожиточных-семьянистых» отмечена и в инструкции барона Н.Г. Строганова приказчику его пермских владений 11 ноября 1725 г. [1, с. 109; 5, с. 73—74].

Более четкое деление крестьян в окладных книгах на три статьи — «лучших, средних и плохих», а по формам ренты на пашенных и оброчных — фиксируется в инструкции П. М. Бестужева-Рюмина 1731 г. приказчику пошехонской вотчины [1, с. 187]. В отличие от нее, в Троицкой инструкции 1746 г. прописаны возрастные категории крестьян, учитываемые в переписных книгах: 1) от «сущих младенцев» до 10 лет; 2) от 10 до 18 лет и 3) от 18 лет «до престарелости». Приехавшему в костромское село Костому управителю также следовало отметить размеры наделов («в десятинной мере»), количество посева и вытного тягла у крестьян, а также проверить «налицо» прибывших и убывших со времени последней вотчинной переписи (кто, куда и когда убыл), составить «рописной список за поповыми руками» и отправить его в лавру [4, с. 78—79].

К теме крестьянской брачности нас возвращает инструкция А. П. Шереметевой приказчику Юхотской вотчины в Ярославском уезде, датируемая июлем 1727 г. Свадебные куничные выплаты отнесены в ней к неокладным сборам, с «денежной запискою» они должны были привозиться в Москву. Отмечается, что крестьяне порой женятся, не получив в вотчинной конторе *повелительной* памяти и не заплатив куничных денег. Зафиксированы нарушения и со стороны попов — они венчают крестьян тайно, поэтому с таких церковников следует взимать штраф за утаенные свадебные пошрины «вдвое», а «доношения» об этом направлять в духовное ведомство [1, с. 132].

В типовой инструкции управителям дворцовых волостей от 23 мая 1731 г. речь идет о выдаче дворцовыми крестьянами замуж своих дочерей, вдов и девок «в посторонние вотчины за монастырских, помещичьих крестьян и за разночинцев». Для этого им требовалось получить от дворцовых управителей отпускные памяти стоимостью 25 коп. и столько же за печатную пошлину. Выводные, куничные, отпускные в этой инструкции также отнесены к неокладным доходам, которые должны записываться в шнуrowые книги [1, с. 147].

Другой аспект брачности отражает инструкция П. М. Бестужева-Рюмина приказчику пошехонской вотчины в 1731 г. Здесь мы встречаем уже знакомый запрет выдавать замуж женщин за пределы данного комплекса. Если же все-таки подобное случалось, то бралась выводная куница высокого размера — 3—5 руб. («смотря по месту»). Безусловно, такая ее величина существенно затрудняла пространственную (горизонтальную) мобильность крестьян, закрепляла их личную и поземельную зависимость [1, с. 182, 199]. Браки же внутри данной вотчины выводной куницей не оплачивались, что, с учетом последующей рождаемости, создавало предпосылки для дальнейшего демографического роста поместно-вотчинной деревни.

В инструкции келаря Троице-Сергиевой лавры Феофана Чарнуцкого в марте 1746 г. «вывод» для крестьянских и боярыньских дочерей, выдаваемых замуж в монастырские, синодальные и дворцовые имения, составлял 2—3 руб. «с человека, смотря по пожиткам, и более», а в помещичьи имения — 5—10 руб. («а ниже пяти рублей не брать»). Для невест-сирот вывод был значительно меньше — 1 руб., а платился он каким-нибудь их дальним родственником или общиной. Во всех случаях обязательно требовалась отпускная память. Выводные деньги записывались в шнуrowые книги «со священническим свидетельством», скреплялись монастырскими печатями и при доношениях присылались в лавру [6, ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры), оп. 1, д. 684, л. 12].

В инструкции Бестужева-Рюмина 1731 г. также затронут вопрос о возрасте супругов в браке. С неодобрением отмечается практика, когда крестьяне женят малых ребят на взрослых девках, но бывали браки и в «ровных летах». Институт семьи и брака выглядит не как сфера частной (приватной) жизни, а как всецело распахнутый публично: за прелюбодеяния и впадения в грех, за то, что «мужья-дураки жен своих без страху содержат», супругов на общинных сходках «бьют кош-

ками нещадно». Старостам и дворским вменялось в обязанность пресекать подобные «беззаконные и богомерзкие» дела, проводывать о них и доносить подлинно. В противном случае они сами подлежат наказанию «при собрании людей» [1, с. 202].

Таким образом, в данной статье обзорно рассмотрены некоторые демографические и социокультурные аспекты вотчинных инструкций первой половины XVIII в. На них, как нам представляется, пока еще обращалось недостаточное внимание в научной литературе, и исследования в этом направлении следует продолжить.

Список источников и литературы

1. *Материалы* по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Вып. 1: Сельскохозяйственные инструкции (первая половина XVIII в.) / отв. ред. Е. И. Индова. М., 1984.

2. *Соколова Н. В.* Крестьянское землепользование по «типовому» наказу приказчику дворцовых сел эпохи Алексея Михайловича // Землевладение и землепользование (социально-правовые аспекты) : материалы докладов и сообщений XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003.

3. *Соколова Н. В.* «Типовой» наказ приказчику дворцовых сел эпохи Алексея Михайловича // Археографический ежегодник за 2002 г. М., 2004.

4. *Арсений, иеромонах.* Доклады, грамоты и другие акты о служках Троицкого Сергиева монастыря // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 3.

5. *Купцов И. В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005.

6. *Российская* государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей.

**Лес в материалах Генерального межевания
Российской империи:
особенности описания и картографирования**

В статье рассматриваются особенности передачи информации о лесе в составе земельных угодий в Экономических примечаниях и планах Генерального межевания. Анализируются количественные и качественные показатели о лесных угодьях и их отображение на специальных планах.

The article examines the features of conveying information about forests within land holdings in the *Economic Notes* and plans of the General Land Survey. It analyzes both quantitative and qualitative indicators of forest lands and their representation on specialized plans.

Ключевые слова: Генеральное межевание, лес, Санкт-Петербургская губерния, Новгородская губерния, Екатеринославская губерния

Keywords: General Land Surveying, forest, Saint Petersburg Province, Novgorod Province, Yekaterinoslav Province

Среди различных категорий земель в материалах Генерального межевания Российской империи обязательно выделялся лес. Испокон веков лесом именовалась поросшая дикорастущими деревьями территория. При различных толкованиях слово «лес» означало покрытое растущими и рослыми деревьями пространство [1, с. 234], множество деревьев с сомкнутыми кронами, а также срубленные деревья как строительный и промышленный материал [2, с. 736].

Лес имел неограниченное значение как природный ресурс. Он давал древесину для постройки жилищ и храмов, строительства судов, изготовления домашней утвари и орудий труда, хворост и дрова для обогрева, деготь, смолу и поташ. Лес помогал пополнять рацион питания за счет грибов, ягод, трав, меда, охотничьих видов зверей и птиц.

В Соборном уложении 1649 г. в зависимости от принадлежности выделялись леса вотчинные, поместные, общие, въезжие, а также засечные и поперстные [3, с. 145]. Засечные леса с завалами из деревьев служили защитой от нападений, поперстные измерялись в верстах и принадлежали государству. В 1703 г. по указу Петра I из имеющихся лесных массивов были выделены заповедные леса с корабельными породами деревьев (дуб, клен, ильм, вяз, лиственница, карагач, сосна) в отрубе от 12 вершков и больше, которые было запрещено рубить [4, с. 228]. В 1720 г. были определены массивы заповедных лесов в Санкт-Петербургской, Новгородской и Луцкой провинциях, поступившие в полное ведение Адмиралтейской коллегии [5, с. 169—171]. В 1782 г. Екатериной II был издан указ, который предоставлял свободу владельцам в использовании лесов, даже заповедных [6, с. 676].

При проведении Генерального размежевания земельные угодья каждой дачи подразделялись на «пашню», «сенокос», «лес», «неудобную землю» и «землю под поселением». К Манифесту о Генеральном размежевании земель в Российской империи были приложены генеральные правила, данные Межевой комиссии. Важнейшим из них стало правило все земли межевать не к именам владельцев, а к селам и деревням, пустоши — к собственным названиям [7, с. 332]. Если ранее в писцовых книгах лес фиксировался только в длину без поперечной меры или вовсе без меры, то владельцам таких лесов предлагалось развестись полюбовно, без споров [7, с. 337].

В инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам от 25 мая 1766 г. предписывалось из-

мерять лесные угодья в десятинах, независимо от того как они измерялись раньше — десятинами или верстами [8, с. 738]. Поверстные леса требовалось считать отдельно к каждой деревне или пустоши, разделять их по пропорции лесных дач, исключая живые урочища. Если десятинные или поверстные леса ранее описывались в общем, то их нужно было разделить по владельцам пропорционально числу пашенных земель. Сами владельцы до получения снятых планов и генерального определения по итогам межевания для рубки хоромного, строевого и дровяного леса имели право въезда на его территорию [8, с. 740].

В Наставлении Правительствующего Сената землемерам предписывалось особо вымеривать «лес к строению годный», «лес дровяной», «лес пашенный» и вносить данные в Экономическое или Камеральное примечание каждого селения. При составлении примечания землемеру нужно было получить информацию о лесах: «в которых из них есть или нет, и с каким изобилием для хоромного и всякого судового строения, и для поташа дубовые, вязовые, березовые, ильмовые и другие какого звания и какой в большом числе толстоты и вышины?» [9, с. 893].

В Экономические примечания к планам включались сведения о количестве леса в десятинах и сажнях в каждом владении-даче. Они позволяют определить количество лесных угодий в их соотношении с другими видами земель. Так, по итоговым подсчетам в Кратких экономических примечаниях по Старорусскому уезду Санкт-Петербургской губернии в конце XVIII в. лес занимал 509 985 дес. 1917 саж. (59%) [10, ф. 1355, оп. 1, д. 873, л. 83]. В Кратком табеле Валдайского уезда Новгородской губернии числилось 383 870 дес. 660 саж. (57,7%) лесных угодий [10, ф. 1355, оп. 1, д. 863, л. 1]. В табеле к Генеральному плану Лугского уезда Санкт-Петербургской губернии лес зафиксирован на 667 386 дес. 1816 саж. земли (73,6%) [10, ф. 1355, оп. 1, д. 1147, л. 1].

При межевании южных степных земель лес относился к обязательной отдельно выделяемой категории земельных угодий наряду с пашенной землей, сенокосом и степью, способной к хлебопашеству и скотоводству. Особенностью Экономических примечаний по южным регионам являлось выделение в отдельную категорию земли с кустарником. Так, в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в конце XVIII — начале XIX в., по данным Экономических примечаний [10, ф. 1355, оп. 1, д. 372, л. 1—333], дровяной лес занимал 13 110 дес. 386 саж. (1,1%), мелкий лес описан на 3327 дес. 370 саж. (0,3%), мелкий кустарник — на 568 дес. 1016 саж. (0,05%). В Екатеринославском уезде, по данным Экономических примечаний [10, ф. 1355, оп. 1, д. 360, л. 1—327], под дровяным лесом находилось 36 908 дес. 781 саж. земли (2,3%), под мелким лесом — 10 730 дес. 1482 саж. (0,7%), под кустарником — 1335 дес. 525 саж. (0,08%). Землемеры так описывали местность уезда: «Лес растет в малом количестве кустами терновый» [10, ф. 1355, оп. 1, д. 360, л. 43а].

Описание земельной собственности было призвано охарактеризовать владение с точки зрения его доходности и ценности [11, с. 85]. Поэтому в описательной части Экономических и Камеральных примечаний обязательно выделялся лес строевой и дровяной. Особенно ценился строевой лес, который имел от 6 до 12 вершков толщины в отрубе [12, с. 128]. В строевом лесу росли высокие и прямые, годные для постройки деревья [2, с. 1811]. В северных регионах наиболее часто для строительства использовали сосну и ель, на юге — дуб [13, с. 41].

В Полных или Камеральных экономических примечаниях описывались произрастающие виды деревьев и кустарников. Так, при селе Островно, расположенном на берегу озера Островенского, в Полных экономических примечаниях по Лугскому уезду Санкт-Петербургской губернии имелось 10 782 дес. 74 саж. строевого и дровяного леса. В описании дачи указыва-

лось: «Лес растет строевой и дровяной осиновый, сосновый, ясеневый, березовый, ивовый, рябиновый. Строевой вышиной от пяти и до двенадцати сажень и толщиной в отрубе от восьми и до двенадцати вершков. Для выжигания поташа не способен» [10, ф. 1355, оп. 1, д. 1145, л. 2].

Особенности описания лесных угодий позволяют использовать сведения Экономических примечаний для составления баз данных, помогающих выяснить наиболее и менее распространенные виды деревьев и кустарников. Так, в Валдайском уезде по количеству упоминаний самыми распространенными деревьями были береза (90,6%), ольха (89,3%), ель (89,3%), сосна (72,1%) и рябина (57, 8%). В мелколесье в гораздо меньшем количестве произрастали ель и сосна [10, ф. 1355, оп. 1, д. 862, л. 171]. В составе леса в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии часто назывались береза (65,9%), ель (63,4%), сосна (60,1%), ольха (59,2%), осина (40,4%), можжевельник (41%). На почти четверти дач (23,9%) лес носил название «бредовой» (состоял из деревьев, растущих у воды, в том числе ракиты, ивы, ветлы, лозы, вербы) [1, с. 128]. В мелкодровяном лесу чаще всего встречались можжевельник (89,9%), ольха (81,8%), ива (70,1%).

На южных территориях лес нередко располагался в долинах рек либо по оврагам и балкам: «а выше сего оврага... лес дровяной подраночный и хворостяной на разные необходимые по хозяйству изделия годный как-то дубовый, берестовый, черноклен, ольховый, осиновый и терновый, который для поташа не способен» [10, ф. 1355, оп. 1, д. 372, л. 309]. В видовом составе леса часто вместе с деревьями перечислялись кустарники. В Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в составе леса чаще всего назывались дуб (87,3%), терн (73,9%), черноклен (34,5%), ива (33,3%), липа (31,5%), клен (30,9%). На трети дач произрастал берестовый лес (33,9%). В нем росли деревья, относящиеся к роду ильмовых, в том числе малый вяз и карагач [1, с. 85]. Нередко можно было встретить в лесу ольху (21,2%) и осину (18,8%), реже вяз, березу, ветлу, лозу, тополь, вербу, а также дикую грушу, дикую яблоню и орех.

В описании леса в Екатеринославском уезде также упоминались дикие плодовые деревья: «лес дровяной дубовый, по бокам мелкий дровяной дубовый, яблоневый, грушевый, чернокленовый, ясеневый, терновый» [1, с. 72]. Строевой лес встречался очень редко, характеризовался как лозовый, вербовый и осокоровый. Деревья в нем росли вышиной от 5 до 7 саж., имели толщину в отрубе от 3 до 5 вершков, между ними рос дровяной лес [1, с. 173]. Наиболее часто в составе леса на территории уезда назывались дуб (25,5%), терн (18,4%), ива (13,2%), клен (12,1%), дикая груша (11,8%). Иногда лес характеризовался как таловый, состоящий из тальника [14, с. 553], или талины, — кустарниковой ивы.

Важную часть документации Генерального межевания представляли специальные планы, составлявшиеся на каждую отдельную дачу. При сочинении геометрического специального плана в картуше требовалось обязательно указывать в десятинах и саженьях, сколько внутри каждого владения находится различных земельных владений. Для составления специального плана применялся единый масштаб по 100 саженьей в английском дюйме [15, с. 77]. При снятии плана на местности использовалась система географических координат, что в дальнейшем позволяло сводить планы в мелкомасштабные карты. Важное значение при составлении планов придавалось применению различных цветов красок для выделения угодий и построек. Вся внутренняя ситуация (села, деревни, пашня, леса, сенные покосы, реки, овраги, дороги и др.) должна была показываться специальными знаками, соответствующими образцовым планам, и иллюминироваться (раскрашиваться) прочными и яркими красками [9, с. 908].

Лес в соответствии с принятыми обозначениями выделялся на планах зеленой краской. Свои цвета были введены и для других видов земельных угодий. Пашня раскрашивалась земляной или зеленой красками, вода — вареною ярью, берега — лазоревой или индиго, луга — зеленой, болота — синей, смешанной с синей жидко разведенной тушью, или зеленой в зависимости от разновидностей [9, с. 87—88].

Изучение планов Генерального межевания показывает, что каждый знак и цвет на плане имел собственный смысл. При изображении леса использовались различные оттенки зеленого цвета, насыщенный цвет свидетельствовал о более густой растительности [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. Я-1 кр.]. На планах отображался не только различной степени густоты лес, но и лес дровяной по суходолу [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 1, ед. хр. К-70 син.], лес дровяной по болоту [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. М-94 син.], дровяной лес с санным покосом [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 1, ед. хр. П-49 син.], лес строевой и дровяной по болоту и суходолу [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 1, ед. хр. К-123 син.], лес по болоту [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. И-53 кр.], отдельные кустарники [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. Б-231 син.], кустарник по болоту [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. К-404 кр.], сенокос с кустарником [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. О-156 кр.], сенокос с кустарником по болоту [10, ф. 1354, оп. 276, ч. 2, ед. хр. М-53 син.]. Применение единообразных специальных знаков и цветов позволяло правильно считывать информацию на планах.

Материалы Генерального межевания, проводившегося в Российской империи с 1765 г. до середины XIX в., являются важным источником по истории лесов России. Несомненно, описания леса в Экономических примечаниях не отражают всего разнообразия произрастающих в нем деревьев и кустарников. Имеющиеся записи свидетельствуют о большей распространенности конкретных видов на данной территории и их высокой значимости для местного населения. Тем не менее описания лесов могут служить своеобразным индикатором происходящих в природной среде процессов в сравнительной динамике.

Планы дач Генерального межевания представляли местность в визуальном виде и содержали исходную информацию для уездных и губернских планов. В силу своего масштаба они более детально характеризуют земельные угодья на момент

своего составления, позволяют выявить исчезнувшие со временем объекты, в том числе территории с произрастающим лесом, проанализировать последствия произошедших изменений в ландшафте.

Список источников и литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1880. Т. 1.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1949. С. 736.
3. *Тихомиров М.Н., Елифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 145.
4. *Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону 50, а от малых по 20 верст. 19 ноября 1703 г.* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. IV. №1950.
5. *О бытии всем заповедным лесам в Санкт-Петербургской, Новгородской и Луцкой провинциях в полном ведении Адмиралтейской коллегии, об описании и межевании оных и о предостережении от порубки. 14 марта 1720 г.* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. №3548.
6. *О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXI. №15518.
7. *Манифест о генеральном размежевании земель во всей империи. С приложением генеральных правил, данных Межевой Комиссии и высочайше утвержденного Реестра о ценах на продажу земель в губерниях и провинциях. 19 сентября 1765 г.* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XVII. №12474.
8. *Инструкция Межевым губернским Канцеляриям и Провинциальным Конторам. 25 мая 1766 г.* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XVII. №12659.
9. *Наставление Правительствующего Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель размежеванию землемерам. Июля 1766 г.* // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XVII. №12711.
10. *Российский государственный архив древних актов.*
11. *Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г.* СПб., 1844.
12. *Даль В.И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. М., 2006.

13. *Рошефор Н. И.* Иллюстрированное Урочное положение : пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работы. Пг., 1916.

14. *Энциклопедический словарь* Брокгауза и Ефрона. Т. 32А (64). СПб., 1901.

15. *Цицианов Д. П.* Краткое математическое изъяснение землемерия межевого. СПб., 1758.

Смоленские метрики из уфимского архива

В статье рассмотрен уникальный документ, выявленный в Уфе. Это фрагмент церковной книги из Смоленской губернии за 1810—1814 гг., представляющий собой материалы рядовой сельской церкви на северо-востоке этого региона. В период, к которому относятся сохранившиеся материалы, Смоленская губерния была ареной сражений Отечественной войны 1812 г., и представленные в документе небольшие статистические данные показывают неоднозначные последствия военных действий.

The article examines a unique document discovered in Ufa, a fragment of a parish register from the Smolensk province dating to 1810—1814. It contains materials from an ordinary rural church located in the northeastern part of the region. The period covered by the surviving records coincides with the Napoleonic invasion of Russia in 1812, when the Smolensk province became a theater of major military operations. The statistical data preserved in this document provide insight into the complex and often contradictory consequences of the war for the local population.

Ключевые слова: Смоленская губерния, Сычёвка, метрические книги, демография, Отечественная война 1812 года

Keywords: Smolensk province, Sychevka, registers, demography, Patriotic War of 1812

В последние десятилетия в отечественной исторической науке все большее применение получают материалы метрических книг, которые вели священники и духовенство иных исповеданий. Информация о рождаемости, брачности и смертности используется в демографических исследованиях, истории повседневности, создании работ биографического характера, появляются первые диссертации по исторической генеалогии [1]. Вместе с тем основными пользователями сведений метрических книг в настоящее время остаются генеалоги-любители, краеведы. Высочайший общественный интерес к этому источнику привел к оцифровке метрик во многих архивах страны.

Коллекции метрических книг строго привязаны к своей епархии и в основном сохранились с начала XIX в. Но бывают исключения, в архивных собраниях обнаруживаются материалы из других губерний / епархий, иногда весьма удаленных. Так, неизвестным образом в собрание материалов Уфимской духовной консистории попали метрические ведомости Смоленской духовной консистории за 1810—1814 гг.

Метрики представляют собой единую сброшюрованную рукописную «книгу», подлинник. Заголовок архивного дела (ф. И-294, оп. 1, д. 2) объемом в 61 лист составлен уже в советскую эпоху. Заглавие оригинала типично для формуляра метрических книг: «Книга из Сычевского духовного правления» Смоленской духовной консистории Сычёвского уезда села Борисоглебского церкви Святых мучеников Бориса и Глеба [Там же, л. 1]. В документе нет никаких упоминаний, каким образом в Уфу попала метрика из столь отдаленного региона. В Уфе находилась Уфимская (до 1865 г. Оренбургская) духовная консистория, здесь пребывал епископ. До разделения большой Оренбургской губернии в 1865 г. на две — Уфимскую и Оренбургскую — в ней были две столицы, как и в самой Российской империи (единственный случай на всю Россию). Оренбург являлся военной столицей, Уфа — гражданской, все высшие административные структуры включая религиозные (православные и мусульманские) располагались в Уфе, но именовались Оренбургскими.

Контакты с отдаленными западными губерниями — Новгородской, Ярославской — у местных православных властей случались, но о прямых связях со Смоленском почти ничего не известно. Лишь знаменитый уфимский епископ Михаил Добров в 1821—1825 гг. служил инспектором Смоленского Авраамиевского училищного монастыря [3, с. 50]. Тем не менее эта единственная метрика из Смоленщины оказалась именно в Уфе. В этом же фонде (ф. И-294, оп. 1) хранится также дело №5, озаглавленное как отчет Новгородской епархии, однако его заголовок не соответствует содержанию. На самом деле это образец правил об отчетности на вспомогательные оклады бедным церквям. Маленькое дело содержит пустой формуляр и небольшие сведения о выплатах в 1840 г. более 42 руб. Уфимскому Благовещенскому девичьему монастырю [4, ф. И-294, оп. 1, д. 5].

Метрическая книга содержит материалы по Борисоглебской церкви Сычѣвского уезда Смоленской губернии. Село Борисоглебское (ныне Борис-Глеб) располагается в северо-восточной части региона, вблизи границы с Московской областью, недалеко от самой Сычѣвки. Православный храм был выстроен там в конце XVII в., в конце XVIII в. был перестроен.

В окрестностях Борисоглебского проживало в основном крепостное население. Упоминаются деревни Подхабина, Афонасово, Бычкова, Дубетская, Остапова, Дерапкина, Семенцева и др. (в моем прочтении названий. — *М. Р.*). У крепостных указаны вотчины помещиков — Нарышкина / Нарышкиной (премьер-майорша Екатерина Степановна Нарышкина), Иванова (секретарь Димитрий Павлович Иванов) / Ивановой (умершая коллежская советница Елизавета Васильевна Иванова), Олонкиной / Олонкина (покойный провиантмейстер Иван Малофеевич Олонкин) и др. В некоторых случаях записаны просто деревни Валуев[а], Полеховка.

Записи в метриках сгруппированы по сословиям, следовательно, это «беловой» вариант метрической книги, который

отсылался в консисторию. Представителей некрестьянских сословий немного — духовенство или солдаты. Приведем запись о браке от 15 января 1813 г.: «Углицкого пехотного полка отставной унтер-офицер живущий в деревне Деряпкине вотчины господина Иванова Симеон Никифоров бывший донные холостый, женился первым браком, и понял себе в жену города Сычевак сержантскую дочь девицу Анну Тимофиеву, кои венчаны священником Петром Цветистым с дьячком Гавриилом Саввиным и пономарем Симоном Лаврентиевым» [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 36]. Другая запись сообщает, что 7 февраля 1813 г. умер 51-летний «вотчины господина Олонкина в деревне Семенцове живущий отставной солдат Семен Осипов был болен обложною болезнью». Погребен 8-го числа [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 41].

Все записи датируются с 1810 по 1814 г. На этот отрезок пришлась Отечественная война 1812 г., и Смоленщина входила в один из основных театров военных действий. Но Сычëвский уезд располагался на севере губернии, сюда французы не доходили, и, судя по картам, здесь базировались отдельные «партизанские» отряды русской армии.

Рассмотрим подробнее данные о смертности. В 1812 г. в приходе Борисоглебского храма в июне умер один ребенок 10 лет, в июле — один младенец, в августе — два человека, в сентябре — четыре (из коих два младенца), в ноябре — один, в декабре — 12 душ [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 51—52]. Никаких свидетельств о военных (боевых) потерях нет. Война не оказала никакого влияния на ситуацию в приходе. Всего в 1812 г. скончались 22 мужчины и 12 женщин, без покаяния умерло двое мужчин, «от натуральной младенческой болезни» покинуло свет 8 мужских и 5 женских душ. Всего в 1812 г. в приходе Борисоглебской церкви скончалось 49 человек [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 52].

Среди окрестных крестьян присутствовали старообрядцы. Их священники записывали как умерших без покаяния.

Например, в 1813 г. среди скончавшихся было 6 женщин, умерших «без покаяния за ересь раскола» [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 58].

В конце почти каждого года священник приводил итоговые данные. Всего в 1810 г. в приходе Борисоглебской церкви умерло 77 человек, за 1811 г. итогового подсчета нет, в 1812 г. скончалось 49 человек, в 1813 г. — 129 душ, в 1814 г. — 72 человека [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 45, 52, 58, 61]. Конечно, единичные сведения по небольшому приходу не могут служить основанием для обобщающих выводов. Но, повторим, никаких последствий военных действий метрики не показывают. Лишь в 1814 г. среди умерших записана одна «убитая» [2, ф. И-294, оп. 1, д. 2, л. 61], однако, скорее всего, это был бытовой случай.

Обращает на себя внимание резкий подъем смертности среди крестьян в послевоенном 1813 г., причем детская смертность не изменилась: 26 душ в 1813 и 30 душ в 1814 г. Основным фактором роста смертности в 1813 г. стала кончина взрослых крепостных крестьян, что может рассматриваться как результат послевоенной разрухи и общего упадка экономики, но данное предположение требует дополнительных исследований и подтверждений.

Таким образом, в Уфе в Национальном архиве Республики Башкортостан хранится небольшая метрика по Сычёвскому уезду Смоленской губернии за 1810—1814 гг. Историкам, краеведам и генеалогам Смоленщины, наверное, будет интересно узнать об этом необычном случае. А фактический материал по крепостному крестьянству, уверен, является важной информацией о жизни народа в начале XIX в. Уникальность «уфимской» метрики заключается также в материалах эпохи Отечественной войны 1812—1813 гг., которые могут показать ее последствия для рядового населения.

Список источников и литературы

1. *Ильина Е.Б.* Генеалогия уездного купечества XIX — начала XX в. (по материалам Владимирской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022.
2. *Национальный архив* Республики Башкортостан.
3. *Сергеев Ю.Н.* Уфимско-Оренбургские епископы первой половины XIX в. : материалы к биографическому словарю // Башкирский край. Вып. 5. Уфа, 1994.

Земское ипотечное кредитование крестьян Ярославской губернии в конце XIX века

Показана деятельность Ярославского земства в решении проблемы крестьянского малоземелья в пореформенный период. Рассмотрены причины оформления, виды и эффективность земского кредита на покупку земли крестьянами.

The article examines the activities of the Yaroslavl zemstvo in addressing the problem of peasant land scarcity in the post-reform period. The causes of its establishment, the types, and the effectiveness of zemstvo credit for the purchase of land by peasants are considered.

Ключевые слова: земство, Ярославская губерния, крестьяне, малоземелье, ипотечный кредит

Keywords: zemstvo, the Yaroslavl province, peasants, landlessness, mortgage loan

Великие реформы 60—70-х гг. XIX столетия коренным образом изменили жизнь ярославской деревни. Причем преобразование затронули как крестьян, так и помещиков.

Крестьяне в ходе реализации реформы 1861 г. утратили часть своих наделных земель. В Ярославской губернии отрезки составили 7,1 % площади дореформенных наделов [1, с. 240]. Следует отметить, что не только сокращение пореформенных

наделов затрудняло ведение крестьянского хозяйства. В результате реформы 1861 г. часто разрушалась вся существовавшая прежде система землепользования в деревне. Находившаяся в непосредственном пользовании крепостных земля, особенно в нечерноземной полосе, куда входила и Ярославская губерния, вовсе не была единственным источником их жизнеобеспечения. В дореформенной деревне право использования крестьянами, с разрешения помещиков или несанкционированно, занадельных лесов, лугов, пастбищ, пустошей являлось неотъемлемым элементом в общей системе устойчивого крестьянского хозяйства. В пореформенный период это стало невозможно. Положение усугублялось быстрым ростом сельского населения, в результате которого происходило постоянное уменьшение душевого надела. Создававшаяся ситуация вынуждала крестьян искать возможности для покупки или аренды земли.

В то же время помещики, сохранив за собой значительное количество земли, в основной своей массе не смогли в новых экономических условиях наладить в имениях эффективное хозяйство. О состоянии помещичьих имений в Рыбинском уезде Ярославской губернии в 80-е гг. XIX в. один из авторов губернских ведомостей писал так: «Из многих усадеб, расположенных в уезде и поддерживавшихся в большем или меньшем порядке, в данное время сохранилось за помещиками менее половины, и то большинство из оставшихся усадеб представляют картину полного беспорядка и запустения: сплошь да рядом встречаются обветшалые постройки с выбитыми рамами и дырявыми крышами и наполовину заросшие мелким кустарником поля; о садах и говорить нечего...» [2]. Местные помещики часто нуждались в деньгах и были не против поправить свое финансовое положение за счет продажи части земли или даже всего имения.

Процесс перехода земли от помещиков к крестьянам осложнялся тем, что последние часто не имели достаточных

средств для покупки. В связи с этим в ряде земств стал обсуждаться вопрос о способах предоставления кредита крестьянам на приобретение земли. Интересно отметить, что наибольшую активность по устройству такого кредита проявили земства северных нечерноземных губерний, где наделы были сравнительно большими, а арендная плата и цена земли — низкие (Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская, Костромская, Смоленская, Московская, Ярославская губернии) и южных малонаселенных губерний (Херсонская и Таврическая), где спрос на землю был незначителен [3, с. 27—29]. Земства, таким образом, стремились помочь не только крестьянам, ссужая их деньгами, но и помещикам, поддерживая кредитами определенный уровень цен.

Пионером в организации земского кредитования крестьян выступило Тверское губернское земство. В 1875 г. оно постановило выделить средства для выдачи ссуд крестьянам на покупку земли [4, с. 208]. Примеру тверичан последовали и в других регионах. Фактически земский земельный кредит был налажен только в восьми губерниях [3, с. 60].

В 1879 г. председатель ярославской губернской управы А. В. Скульский представил на рассмотрение губернского собрания «Записку о земском выкупном банке», в которой проанализировал состояние крестьянских хозяйств. По его мнению, главная проблема ярославского крестьянина заключалась в «недостаточности крестьянских наделов, на которых, за распашкой, остается мало покосов и почти нет выгонов», в связи с чем крестьянский скот составляет 1/3 от «действительной в нем потребности». В результате такого положения дел крестьянские поля нормально не удобряются, что отрицательно сказывается на урожайности сельскохозяйственных культур [5, с. 75—76].

Для улучшения ситуации с обеспеченностью крестьян земель Аркадий Васильевич предложил учредить земский банк, способный осуществлять кредитование крестьян подобно то-

му, как это было сделано правительством во время проведения выкупной операции [6, с. 90—91]. Предложение А. В. Скульского долго и бурно обсуждалось ярославскими земцами. В результате было принято решение: поскольку без правительственных гарантий реализация кредитования крестьян через земский банк невозможна, можно организовать ее так, как это сделано в Тверской губернии. Для этой цели постановили выделить 30 000 руб. [7, с. 62—63, 81].

По правилам, первоначально установленным ярославским губернским земством, ссуда на покупку земли могла предоставляться только сельским обществам и составлять от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ стоимости приобретаемого участка. Ссуда выдавалась на срок от 1 года до 6 лет под 6 % годовых [8, с. 20].

Однако уже в 1881 г. сумма средств, выделенных земством, увеличилась до 50 000 руб., срок кредитования был продлен до 10 лет, причем ссуда могла достигать до 90 % стоимости земли [9, с. 18]. Перед получением ссуды крестьянское общество должно было договориться с продавцом земли о цене покупаемого участка. На сельском сходе составлялся приговор с просьбой к губернскому земству выделить определенную сумму с указанием срока кредита. Данная просьба вкупе с документами на землю вначале рассматривалась земской управой уезда и в случае ее одобрения поступала в специально созданную комиссию при губернском земстве. При положительном решении вопроса в этой комиссии материалы передавались в губернскую земскую управу, которая и выносила окончательное решение. На практике судьба крестьянской просьбы о ссуде зависела от мнения комиссии. Губернская управа, как правило, лишь утверждала ее решения. Получив деньги и оформив покупку, крестьяне ежегодно «по круговой поруке» обязаны были вносить платежи по ссуде и до полного ее погашения не имели права переводить землю из общественного владения в частное. Для обеспечения кредита земля, купленная крестьянами, до окончания выплат по ссуде считалась собственностью земства [10, ф. 485, оп. 1, д. 366, л. 3—4].

В 1881 г. ярославское земство выдало первый ипотечный кредит на приобретение земли. Получателем ссуды в 500 руб. стало крестьянское общество села Шарны Заобнорской волости Любимского уезда, которое приобретало участок земли «разных угодий» площадью 35 дес. 1583 саж. Особый интерес вызывает тот факт, что в данном случае продавцом земли выступали не дворяне-помещики, что было наиболее распространенным явлением, а односельчане покупателей — два брата Треуховы. Старший брат Василий Фёдорович (1828 г. р.) в это время уже выписался из сельского общества и считался столичным мещанином, младший, Григорий Фёдорович (1841 г. р.), еще числился крестьянином села Шарны [8, с. 20]. Эта земля, по всей видимости, была приобретена за счет средств, заработанных членами семьи в отхожих промыслах.

В 1871 г. умер их отец — крестьянин села Шарны Фёдор Трофимович Треухов. В 1878 г. братья Треуховы обращаются в Ярославский окружной суд с просьбой узаконить их вступление в наследство, так как кроме них у отца сыновей нет. Василий и Григорий заниматься сельским хозяйством не собирались, оба постоянно проживали и работали в Санкт-Петербурге [10, ф. 346, оп. 5, д. 1431, л. 1—2]. В связи с полным разрывом Треуховых с «малой родиной» и происходила продажа земли. Данный случай является подтверждением сильного вовлечения сельского населения Ярославской губернии в занятия отхожими промыслами в столице.

Но все же основными продавцами земли в губернии были помещики. В том же 1881 г. общество крестьян деревни Дряхлово Курбской волости Ярославского уезда получило ссуду 1000 руб. на покупку у помещицы Александры Платоновны Высоцкой 50 дес. занадельной земли в пустоши. Таким образом, крестьяне, покупая землю, «отрезанную» у них в ходе реформы 1861 г., пытались восстановить прежнюю систему землепользования и обеспечить скот пастбищем.

Всего в 1881 г. в Ярославской губернии ипотечный кредит на землю получили 8 крестьянских обществ. Общая сумма выданных средств составила 10 787 руб. [8, с. 21—22].

Если оформление небольших ссуд не вызывало особых трудностей для крестьян, то одобрение кредита на крупную сумму было делом сложным. Средства, выделяемые земством для помощи крестьянам в покупке земли, были ограничены и относительно невелики. По этой причине местные органы управления неохотно шли на выдачу крупных ссуд. Подобную ситуацию хорошо иллюстрирует пример с выдачей кредита крестьянам Волконского общества Еремеевской волости Ярославского уезда. В 1885 г. они оформляли покупку земли, с использованием ссуды от земства. Общество насчитывало 187 ревизских душ и состояло из нескольких деревень. Причиной решения крестьян о совершении покупки земли было известие, что их бывший владелец, князь П. Д. Волконский, хочет продать занадельную землю, арендуемую крестьянами. Бывшие крепостные договорились с помещиком о приобретении у него 840 дес. 1390 саж. земли за 15 000 руб. Из этой площади 680 дес. приходилось на молодой лес. Остальную площадь занимала пашня, выгоны и заливные луга по реке Которосли.

В приговоре, принятом на сельском сходе, содержалась просьба крестьян к Ярославскому губернскому земству выдать им ссуду в размере 13 500 рублей под 6% годовых, «так как сполна наличной суммы для уплаты продавцу... наше общество не имеет». Необходимость приобретения данного участка земли крестьяне объясняли следующим образом: «Таковая земля нам крайне нужна, и если она достанется в чье-нибудь другое владение, то как нам, так и нашим детям, и внукам жить будет весьма тяжело, и мы чрезмерно нуждаемся в упомянутой земле». Общество планировало заплатить владельцу земли «своими» деньгами 10% от всей суммы, а остальные 90% — кредитными [10, ф. 485, оп. 1, д. 373, л. 2—3].

Губернская управа согласилась выдать сельскому обществу кредит, но уменьшила его размер до 8500 руб. Деревенские жители были недовольны таким решением и в декабре 1885 г. на сходе приняли общественный приговор, в котором указали, что выделение ссуды в уменьшенном размере для них равносильно отказу в покупке, так как собрать в короткое время оставшуюся сумму они не могут. Отсрочка же покупки приведет к тому, что помещик может продать эту землю одному из ближайших землевладельцев из купцов или дворян, «о чем таковые лица и вели уже переговоры» с доверенным князя М. В. Духовским. Однако несмотря на то, что соседи «давали 15 000 руб. с принятием на себя расходов по совершению купчей крепости», они пока получили отказ. От представителей сельского общества, встречавшихся с князем Волконским в Санкт-Петербурге, крестьяне узнали, что помещику предпочтительнее видеть покупателем земли своих бывших крепостных, чем постороннее лицо. Крестьяне считали, что в случае перехода продаваемой Волконским земли в руки частных землевладельцев их хозяйства сильно пострадают. Деревенское население не только лишится возможности аренды полей и лугов на прежних условиях, но у него возникнут сложности с использованием леса, необходимого для строительства и отопления крестьянских жилищ. Сельские жители полагали, что новые владельцы земли, кто бы они не были — «соседские помещики или фабриканты — без всякого сомнения увеличат арендную плату, которой получается с нас за всеми расходами более 1000 руб. в год, тем более зная, что мы, крестьяне, без сенокоса и выгона для своего скота обойтись без означенной земли ни в каком случае не можем и должны платить за оную ту высшую плату, какая будет назначена». Цену земли, планируемой к покупке, крестьяне считали невысокой (стоимость 1 дес. земли в сделке составляла 17 руб. 86 коп.). Это усиливало их опасение, что желающие ее купить найдутся быстро.

С данным приговором сельское общество обратилось в уездную земскую управу с просьбой быть их заступницей в комиссии, рассматривавшей заявки на ссуды при губернской управе.

К делу по выдаче ссуды подключился и представитель князя М. В. Духовской. В конце декабря 1885 г. он обращается в уездную управу с заявлением, чтобы она уведомила «кого следует», что, если продажа земли крестьянам замедлится, то она будет продана в начале следующего года «вероятно не для выгоды крестьян».

Итогом этого дела стало увеличение размера выдаваемой ссуды с 8500 руб. до 10 000 руб. Оставшиеся 5000 руб. сельское общество вынуждено было изыскивать самостоятельно, и покупка земли была осуществлена [10, ф. 485, оп. 1, д. 373, л. 9—11].

Сложно сказать, что заставило губернское земство пересмотреть свое первоначальное решение — доводы крестьян или высокий статус князя П. Д. Волконского, который, пусть и не напрямую, но оказывал давление на земцев.

В данном случае особый интерес вызывает следующее обстоятельство: в конце XIX в. крестьяне и помещик даже в рыночных отношениях, каковыми являлись сделки по купле-продаже земли, не переставали чувствовать характерную для эпохи крепостного права некую «родственную» связь между собой. В этом прослеживаются отголоски патерналистской модели отношений между помещиками и крестьянами, которая господствовала в деревне дореформенной России.

Ипотечное кредитование (как и всякое кредитование), организованное ярославским земством для крестьян, проходило не без сложностей. Встречались случаи задержки с выплатой по ссуде. Нередко крестьяне обращались к земству с просьбой предоставить им рассрочку по оплате кредита. Как правило, такие явления были вызваны неурожаем или другими неблагоприятными для крестьянского хозяйства причинами. Так, в мае 1885 г. крестьяне Галицинского общества Галицинской

волости Мышкинского уезда получили кредит. В декабре этого же года, когда наступил срок выплаты по ссуде, они обратились к губернскому земству с просьбой предоставить им отсрочку на год. Свою просьбу крестьяне объясняли неурожаем зерновых, из-за чего они вынуждены были начать «покупать для еды хлеб с сентября месяца». Одновременно с неурожаем зерновых в местности упали цены на скот. По мнению крестьян, 1885 год оказался для них «один из бедственных». Оформляя ссуду на покупку земли, они никак ожидали, что обстоятельства сложатся так [10, ф. 485, оп. 1, д. 257, л. 291—292]. В январе 1886 г. с подобной просьбой к губернскому земству обратилось крестьянское общество деревни Григорьевское Чернотанской волости Любимского уезда. Оно ходатайствовало о продлении срока кредитования на четыре года, с 1 января 1886 г. до 1 января 1890 г., «по случаю неурожайных лет» [10, ф. 485, оп. 1, д. 257, л. 294—295]. В том и другом случае просьбы крестьян были земством удовлетворены.

Всего за период проведения кредитных операций (1881—1899) Ярославское земство выдало крестьянским обществам на покупку земли 163 112 руб., с помощью которых было приобретено 12 451 дес. земли. По сумме выданных денежных средств и площади земли, купленной благодаря им крестьянами, ярославское земство занимало второе место в России после Тверского (292 332 руб. и 29 233 дес. соответственно) и намного опережало по этим показателям другие земства, осуществлявшие ипотечное кредитование. Так, соседи ярославцев — москвичи — израсходовали на эти цели в два с половиной раза меньше денег, с помощью которых крестьянами было приобретено в четыре раза меньше земли (63 521 руб. и 3051 дес.), а у других соседей — костромичей — эти показатели тоже были намного скромнее (52 156 руб. и 5773 дес.) [11, с. 75]. Несмотря на активность ярославского земства в деле организации земельного кредита для крестьян, оно слабо способствовало улучшению земельной обеспеченности сельского населения.

Приобретенные с помощью земств земли составляли лишь 2% от общей площади наделных земель, которая превышала 1 400 000 дес. [12, с. 10—11].

Финансовых возможностей местных земств было явно недостаточно для решения проблемы малоземелья крестьян. Вот почему земства России с одобрением встретили известие об организации Крестьянского банка. Так, в 1882 г. в докладе ярославской уездной земской управы отмечалось, что, несмотря на выдачу губернским земством ссуд крестьянским обществам на покупку земли, оно в силу весьма ограниченных возможностей «не может принести той пользы, которую может принести банк со своими обширными, гарантированными правительством средствами» [9, с. 14]. Такого мнения придерживалось и губернское земство. Узнав, что министерство финансов не планирует открытия отделения Крестьянского банка в Ярославской губернии, оно обратилось с запиской к министру финансов и управляющему Крестьянским банком с обоснованием необходимости создания филиала банка в Ярославле [9, с. 15—16]. Однако в правительстве не торопились с удовлетворением просьбы. Открытие в Ярославле отделения Крестьянского банка произошло только в 1887 г. [13, с. 297]. Несмотря на появление местного отделения банка, губернское земство до начала XX в. продолжало выдавать крестьянским обществам ссуды на покупку земли.

Из вышеизложенного следует, что в пореформенный период Ярославское земство, как и ряд других земств страны, искало пути решения проблемы крестьянского малоземелья. Одним из таких путей была организация ипотечного кредитования крестьян, нуждающихся в земле. В силу своих весьма ограниченных возможностей земство пыталось оказывать помощь крестьянам в возвращении в первую очередь отрезанных земель. Причем объектом земского кредитования являлись только сельские общества, так как земцы в этот период в основной своей массе были сторонниками общины, которая, по их мнению, препятствует появлению сельского пролетариата.

Список источников и литературы

1. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968.
2. *Ярославские* губернские ведомости. 1889. № 3.
3. *Зак А.Н.* Крестьянский поземельный банк. 1883—1910. М., 1911.
4. *Ходский Л.В.* Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению. М., 1882.
5. *Скульский А.В.* О земском выкупном банке // Вестник Ярославского земства. 1879. № 79—80.
6. *Скульский А.В.* Объяснительная записка к проекту земского выкупного банка Ярославского губернского земства // Вестник Ярославского земства. 1879. № 79—80.
7. *Журналы* Ярославского губернского земского собрания // Вестник Ярославского земства. 1881. № 103—104.
8. *Доклады* очередному Ярославскому губернскому земскому собранию 1881 года // Вестник Ярославского земства. 1881. № 113—114.
9. *Доклады* очередному Ярославскому губернскому собранию 1882 года // Вестник Ярославского земства. 1882. № 124—126.
10. *Государственный архив* Ярославской области.
11. *Куликова С.Г.* Сельские банки и мелкое земельное кредитование в проектах земцев-консерваторов во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2016. № 3.
12. *Статистика* землевладения 1905 г. Вып. 39: Ярославская губерния. СПб., 1906.
13. *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002.

В. Н. Никулин

**Волостной старшина в структуре органов
самоуправления сибирских крестьян
в пореформенные годы**

Рассмотрено место волостного старшины в структуре органов крестьянского самоуправления в сибирской деревне. Показано содержание его властных полномочий и характер отношений с крестьянами волости и местными властями в лице крестьянских чиновников. Выявлена направленность и динамика развития института волостного старшины, усиление административных функций.

The article examines the position of the volost foreman within the structure of peasant self-government in the Siberian village. The scope of his authority and the nature of his relations with the peasants of the volost and with local authorities represented by peasant officials are analyzed. The orientation and dynamics of the development of the institution of the volost foreman, including the strengthening of administrative functions, are identified.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление, волостной сход, волостное правление, волостной старшина, административные и фискальные функции старшины, волостной старшина и чиновники, волостной старшина и крестьяне

Keywords: peasant self-government, volost assembly, volost government, volost foreman, administrative and fiscal functions of the foreman, volost foreman and officials, volost foreman and peasants

В пореформенный период крупнейшими мероприятиями самодержавия в сфере управления сибирскими крестьянами стало распространение на сибирских крестьян положений 19 февраля 1861 г. и создание специальных государственных органов надзора и управления в лице мировых посредников, чиновников по крестьянским делам и крестьянских начальников.

По закону 21 ноября 1879 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири» [1, с. 258—259] принципы реформы 1861 г. были распространены на западносибирские губернии. Генерал-губернатор Западной Сибири Г. В. Мещеринов телеграфировал 4 февраля 1882 г. в столицу империи, что крестьянское самоуправление введено в Тобольской губернии с 1 октября 1881 г., в Томской — с 15 ноября 1881 г. [2, ф. 1181, оп. 1, 1881 г., д. 126, л. 111]. Менее чем через три месяца, 27 апреля 1882 г., император Александр III подписал мнение Государственного Совета «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири», которым закон 21 ноября 1879 г. был распространен на государственных крестьян Восточной Сибири [3, с. 175—176]. В ноябре 1882 г. Иркутский губернский совет рассмотрел вопрос о преобразовании общественного управления государственных крестьян губернии. В процессе заседания были приняты принципиального характера решения: распространить положение 19 февраля 1861 г. не только на крестьян, но и на всех проживающих в волости жителей; подчинить всех проживающих в волости юрисдикции волостного суда; придерживаться по возможности существующего территориального деления волостей; определение границ волостей и отдельных сельских обществ предоставить администрации; просить генерал-губернатора Восточной Сибири барона П. А. Фредерикса разрешить осуществлять сбор с сельского населения губернии «на покрытие расходов по введению крестьянского самоуправления в Иркутской губернии» [4, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 811, л. 55—69].

Проведенные преобразования позволили унифицировать управление различными категориями сибирских крестьян. В Сибири были созданы органы крестьянского самоуправления, аналогичные соответствующим органам внутренних губерний России. Новые органы крестьянского самоуправления наследовали фискальные и административно-полицейские функции дореформенной административной общины. В их деятельности они получили дальнейшее развитие и законченность, что было логическим следствием отношения высших и местных властей к общине прежде всего как к инструменту административно-податной политики в деревне [4, ф. 208, оп. 1, св. 4, л. 45; ф. 217, оп. 1, св. 3, д. 29, л. 114, 118; ф. 25, оп. 27, д. 874, л. 27].

Волостные органы крестьянского самоуправления состояли из схода, волостного правления, старшины, его кандидата, волостных заседателей (одного по хозяйственным, другого по административным вопросам), волостных судей и сельских старост. С самого начала крестьянское управление находилось под бдительным надзором чиновников, начиная с уездных «государевых людей» и заканчивая генерал-губернатором.

Старшина выбирался на волостном сходе, который являлся высшим распорядительным органом в волости. Волостной сход включал в себя сельских и волостных должностных лиц, а также выборных от крестьян, избираемых от селений волости — по 1 человеку от каждых 10 крестьянских дворов [4, ф. 25, оп. 24, св. 67, д. 58, л. 2–5]. «Утверждение в должности избранного обществом волостного старшины» предоставлялось «власти губернатора». Так, томский губернатор В.И. Мерцалов в феврале 1883 г. своим приказом утвердил решение волостного схода Кыштовской волости Каинского округа о выборе на 3 года волостным старшиной крестьянина М. Окишева. Аналогичного содержания процедура была проведена и в отношении других старшин, избранных на волостных сходах. Списки волостных старшин, утвержденных губернаторами, публиковались в губернских ведомостях [5–7].

Решения волостного схода, как и сельского, принимались большинством голосов. При равенстве голосов принималось то решение, за которое голосовал волостной старшина.

В пореформенный период все большее значение в жизни волости приобретает не распорядительный орган крестьянского самоуправления — волостной сход, а исполнительный — волостное правление, в котором центральное место занимал старшина. Он был единственным из должностных лиц сельских и волостных органов самоуправления, кто давал присягу на верность службе самодержцу [4, ф. 25, оп. 12, св. 209, д. 343, л. 2—3; ф. 25, оп. 24, св. 69, д. 245, л. 1—5].

На волостного старшину возлагались многочисленные и разнородные обязанности. По полицейским делам он следил за тем, чтобы среди крестьян не распространялись ложные слухи; охранял порядок в общественных местах; принимал меры к задержанию бродяг, беглых, дезертиров; информировал местную полицию о крестьянах, самовольно покинувших волость, сообщал о преступлениях и несчастных случаях; в ходе возникавших чрезвычайных ситуаций в волости (пожар, наводнение, падеж скота и т. п.) предпринимал все меры для их ликвидации; контролировал исполнение приговоров волостного суда.

Не менее обширными были административно-фискальные функции старшины. Он собирал и проводил волостной сход; приводил в исполнение принятые сходом приговоры; выдавал крестьянам билеты, паспорта и свидетельства на время отлучки из волости; надзирал за школами, больницами, богадельнями и другими общественными заведениями; контролировал сбор и расходование мирских сумм, следил за своевременной уплатой казенных податей и выполнением натуральных повинностей крестьянами.

В ведении волостного правления находились все вопросы, связанные с распределением имущества при семейных разделах и аукционами по продаже пригульного скота, орудий труда и хозяйственных построек сирот, взятых под опеку [4, ф. 49, оп. 1, д. 305, л. 5, 37; 8, ф. 60, оп. 1, д. 4, л. 6—7, 15—16].

По своей должности волостной старшина обязан был выполнять практически все требования местной полиции и вышестоящих органов власти, с оговоркой «если эти требования не противоречили законам» [2, ф. 1291, оп. 38, 1891 г., д. 172, л. 14].

Создание новых органов управления и усложнение административно-фискальных и полицейских функций волостных правлений привели к росту числа выборных — до 20—22 человек [9, с. 65—66; 10, с. 387—390; 11, с. 251; 12, с. 489; 13, с. 334]. Большое количество выборных должностей превращало общественную службу в тяжелое для крестьян бремя, своего рода натуральную повинность, выполняемую уравнительно. Зажиточные крестьяне или стремились занять более выгодные и престижные должности, или уклонялись от выборных должностей, предпочитая действовать через зависимых от них членов общины. Во всеподданнейшем отчете за 1865 г. томский губернатор Г. Г. Лерхе крайне негативно оценил состояние дел с введением в подведомственной ему губернии «Положения...» 19 февраля 1861 г. Он же определил главную причину этого: крестьяне «уклоняются от ответственной службы в должностях волостных начальников, отвлекающей их от хозяйственных занятий...» [8, ф. 3, оп. 5, д. 7011, л. 135].

В крестьянском управлении состоятельные крестьяне занимали должности волостных старшин, сельских старост и сборщиков податей, оставляя середнякам и бедноте должности сторожей и рассыльных, исполнение которых было связано с большой потерей времени и различными унижениями [2, ф. 1233, оп. 1, д. 330, л. 42; 14; 15, с. 7; 16, с. 255].

Полная зависимость волостного правления от всех органов государственной власти, канцелярщина и рутинность, присущие правительственным учреждениям, накладывали неискоренимый отпечаток и на деятельность волостного правления. Недаром во всеподданнейшем отчете за 1874 г. о положении подведомственной ему территории генерал-губернатор Западной

Сибири Н. Г. Казнаков вынужден был написать, что «волостные правления, как учреждения, стоящие ближе других к народу, составляют немаловажный предмет заботы главной местной власти к улучшению направления их. Безграмотность волостных начальников и вследствие сего зависимость по службе от волостных писарей по большей части отражается грустными последствиями на общественные и частные интересы» [2, ф. 1263, оп. 1, 1875 г., д. 3802, л. 89]. Волостное правление было поставлено в условия полной зависимости от любого учреждения или чиновника. «Благодаря административной системе управления в Сибири, — писал экономист М. Н. Соболев, — и органы крестьянского самоуправления бюрократизировались и превратились в низшие органы местной административной власти» [2, ф. 1233, оп. 1, 1905 г., д. 104, л. 138—139; 17, с. 95—96]. Балаганский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности Иркутской губернии констатировал, что «в настоящее время волостные правления в нашем уезде скорее составляют части канцелярий всех присутственных мест и лиц уезда, чем служат интересам чисто крестьянского сословия» [2, ф. 1233, оп. 1, 1902—1905 гг., д. 204, л. 2, 24]. А. А. Корнилов в одной из своих работ привел характерный пример, когда податной инспектор Канского уезда Енисейской губернии поручил волостным старшинам «лично посетить» все торговые заведения, проверить их размер и оценить обороты торговли для оценочной комиссии по специальной программе [15, с. 35].

Чиновникам приходилось регулярно напоминать крестьянским должностным лицам о выполнении их главной функции. Одиннадцатого января 1881 г. киренский окружной исправник И. И. Черепанов отправил в Макаровское волостное правление окладные листы Казенной палаты с требованием передать их далее в сельские общества с тем, «чтобы показанные в них недоимки и оклад сего года были взысканы безнедоимочно и внесены в казну в установленные сроки». Спустя два месяца, 13 марта того же года, исправник «предписывает» Макаров-

скому волостному правлению принять «самые энергичные меры к взысканию оклада и недоимки с крестьян», а 17 июня потребует от Макаровского волостного правления принять «более энергичные меры к скорейшему и бездоимочному взысканию с плательщиков Макаровской волости податных и прочих сборов, как за прежнее время, так и за настоящий год» [4, ф. 49, оп. 1, св. 51, д. 290, л. 1, 39, 76].

Становой пристав 2-го участка Иркутского уезда И. В. Преловский 12 октября 1899 г. приказал волостным правлениям выставить кордоны на выездах из деревень, чтобы «неисправные недоимщики не могли вывозить хлеб на заводы и в город впредь до полной уплаты круговой порукой разного рода недоимок, приняв теперь же самые энергичные меры к взысканию и выбитию всех сполна недоимок, а самовольно выехавших с хлебом недоимщиков немедленно возвращать домой и ослушников подвергать взысканиям» [4, ф. 217, оп. 1, св. 3, д. 29, л. 114, 118; ф. 25. оп. 12, св. 231, д. 165, л. 1—3, 10]. Всякая нерасторопность волостного старшины в фискально-полицейских делах приводила к наказанию виновного. «Энергичные» же меры, применявшиеся волостным начальством при сборе податей и недоимок, поощрялись губернскими и столичными властями — за рвение в этом деле волостным старшинам объявляли благодарность, их награждали похвальными листами, именными часами и медалями «За усердие» [4, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 806, л. 1, 5].

В 1884 г. томский губернатор И. И. Крассовский «за успешный и безнедоимочный сбор податей» объявил «искреннюю благодарность» волостному старшине Касьминской волости Кузнецкого уезда Шумилову и писарю Печернину [18].

В 1896 г. «Томские губернские ведомости» известили своих читателей, что император Николай II «пожаловал за усердную и полезную службу» серебряные медали с надписью: «За усердие» для ношения на Станиславской ленте волостным писарям: Мунгатской волости Кузнецкого округа Г. Щеглову, Се-

милуженской волости Томского округа Б. Шатилову, Верх-Чумышской волости Барнаульского округа П. Васильеву, бывшему волостному старшине Сузунской волости Барнаульского округа И. Вагайцеву и бывшему писарю Кольванской волости Змеиногорского округа В. Болоткину [19].

В 1898 г. старшина Локтевской волости Змеиногорского округа М. Воронов, бывший старшина Алтайской волости Бийского округа А. Вемосов и волостные писари Локтевской волости Л. Чумичёв, Алтайской волости П. Суворов, Сычевской волости Бийского округа Т. Карманов по представлению томского губернатора А. А. Ломачевского были награждены министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным за «усердную и полезную службу» похвальными листами [20]. В 1898 г. тобольский губернатор Л. М. Князев объявил благодарность старшине Боровинскому и писарю Вырыпаеву Бобылевской волости Ялуторовского округа, старшине Попову и писарю Желвакину Саламатовской волости того же округа «за успешное взыскание податных сборов с крестьян» [21].

Как видно из приведенных примеров, наряду с преобладающим методом наказания должностных лиц крестьянского самоуправления за провинности или неисполнение циркуляров вышестоящих административных органов, сибирские власти достаточно широко использовали методы поощрения.

Преобладание фискальных и административно-полицейских функций в деятельности волостных правлений, большие права волостных должностных лиц в отношении населения волости, пример, подаваемый чинами земской полиции и крестьянскими чиновниками, оказывались решающими факторами, определявшими методы управления волостной администрации. Приказ и принуждение, требование и подталкивание, внушение и взыскание — таков далеко не полный перечень административных мер из арсенала волостного старшины. Неграмотность, сословная обособленность и правовая некомпетентность крестьян были питательной почвой для злоупотреб-

лений представителей выборных крестьянских органов. Такой характер взаимоотношений между сельскими жителями и органами самоуправления вызывали отпор со стороны крестьян. Наиболее распространенной формой крестьянского сопротивления была подача жалоб как в местные уездные и губернские органы власти, так и в высшие — МВД и Сенат. Иногда возмущение крестьян приобретало острые формы, перерастало в избиение старшин и писарей, уничтожение принадлежащего им имущества. В марте 1903 г. крестьянский начальник 2-го участка Киренского уезда Борковский ходатайствовал перед иркутским генерал-губернатором А. И. Пантелеевым о выдаче пособия старшине Подкаменской волости Дьяконову, «понесшему, вследствие мести подведомственных ему лиц за беспристрастное исполнение служебного долга, имущественный ущерб в сумме 455 руб.» Канцелярия генерал-губернатора потребовала от иркутского губернатора И. П. Моллериуса «принять меры к ограждению должностных лиц крестьянского общественного управления» [4, ф. 25, оп. 10, св. 76, д. 2433, л. 1—2]. Хорошо знавший изнутри характер взаимоотношений между представителями органов крестьянского самоуправления и основной массой населения сельских обществ и волостей бывший волостной писарь К. Власов привел в своих воспоминаниях факт избиения крестьянами во время голода 1891—1892 гг. волостного старшины и писаря за то, что они ничего практически не сделали для голодающих, зато «обирали их ранее, когда они были сыты» [22, с. 140].

А. А. Корнилов отметил что из-за неграмотности большинства старшин «роль волостного писаря в делах волостного правления часто становится господствующей, а в отдельных случаях волостной писарь фактически олицетворяет в своем лице все волостное правление» [15, с. 32]. Это подтверждает содержание дружеского конфиденциального письма сенатора П. Н. Дурново (в 1900—1905 гг. министр внутренних дел) к енисейскому губернатору Л. К. Теляковскому, в котором он

упоминает о всеподданнейшем отчете за 1893 г. Теляковского, где последний при характеристике состояния крестьянского самоуправления сообщал следующее: «...неграмотные волостные старшины и судьи, сельские старосты... находятся в полной зависимости от писарей, набираемых частью из ссыльных». На это последовала резолюция императора Александра III: «Действительно, это невозможное положение» [4, ф. 25, оп. 27, д. 1345, л. 158].

Формально считаясь беспрекословным исполнителем воли волостного схода и старшины, фактически писарь нередко выступал в роли главы волости.

По волостям размеры содержания волостного начальства были неодинаковы. Они зависели от расположения волости, ее размеров и численности крестьянского населения. Так, в начале 1890-х гг. содержание волостных старшин колебалось от 5 до 924 руб. в год [11, с. 237].

Во второй половине XIX — начале XX столетия происходит значительное развитие фискальных и административно-полицейских функций органов крестьянского самоуправления, изменение соотношения между государственными и общественными элементами в деятельности общины в пользу бюрократии. Подчинение крестьянской общины интересам государства выразилось в отправлении и чрезмерном развитии функций, чуждых крестьянству, сохранении сословной замкнутости и обособленности сельского населения, в превращении органов крестьянского самоуправления исключительно в инструмент сбора податей и взыскания недоимок, исправного выполнения натуральных повинностей и поддержания полицейского порядка в деревне.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. II. Т. LIV. Отд. второе. № 60210, 21 нояб. 1879. СПб., 1881.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА).
3. ПСЗРИ. Собр. III. Т. II. № 825, 27 апр. 1882 г. СПб., 1886.

4. Государственный архив Иркутской области.
5. *Томские* губернские ведомости. 1883. № 7 (17 февр.).
6. *Томские* губернские ведомости. 1883. № 11 (17 марта).
7. *Томские* губернские ведомости. 1883. № 21 (2 июня).
8. Исторический архив Омской области.
9. *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе : в 2 т. Т. 2, вып. 4. Барнаул, 1900.
10. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 5. СПб., 1889.
11. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 15. СПб., 1892.
12. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 8. Т. 1. СПб., 1890.
13. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 18. Т. 2. СПб., 1892.
14. *Восточное* обозрение. 1894. № 129 (4 нояб.).
15. *Корнилов А. А.* О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губерний осенью 1899 г. Иркутск, 1900.
16. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.
17. *Соболев М. Н.* К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1905. № 1.
18. *Томские* губернские ведомости. 1884. № 1 (5 янв.).
19. *Томские* губернские ведомости. 1897. № 14 (3 апр.).
20. *Томские* губернские ведомости. 1898. № 50 (17 дек.).
21. *Тобольские* губернские ведомости. 1898. № 51 (22 дек.).
22. *Власов К.* Голод в Сибири и князь Голицын // Исторический вестник. СПб., 1913. Т. 132.

УДК 94(47).083+323.17

Е. П. Барина, П. С. Кабытов

**Геополитические проблемы и внешняя политика
Российской империи в дискурсе
объединенного дворянства в 1908—1916 годах**

Дискуссии на дворянских съездах позволяют охарактеризовать концептуальные представления консервативной части дворянской политической элиты по проблемам внешней и национальной политики Российской империи. Воспринимая национальные элиты Финляндии и Польши негативно, русское дворянство транслировало выводы о том, что малейшие уступки национальным окраинам могут привести к территориальному распаду страны.

The article analyzes the discussions at the assemblies of the nobility, which make it possible to characterize the conceptual views of the conservative segment of the noble political elite on issues of foreign and national policy of the Russian Empire. The author demonstrates that, perceiving the national elites of Finland and Poland in a negative light, the Russian nobility articulated the conclusion that even minor concessions to the national borderlands could lead to the territorial disintegration of the state.

Ключевые слова: объединенное дворянство, Финляндия, Польша, Германия, геополитические интересы, национальный вопрос

Keywords: united nobility, Finland, Poland, Germany, geopolitical interests, national question

На съездах объединенного дворянства обсуждались наиболее острые вопросы внутренней жизни страны. Уполномоченные дворянских обществ использовали заседания съездов как площадку для анализа промежуточных итогов и перспектив реализации имперской властью внутренней политики. Они делегировали Постоянному совету объединенного дворянства полномочия доводить до сведения императора Николая II принятые съездами постановления, которые отражали коллективное мнение правоконсервативного дворянства. Вопросы, связанные с внешнеполитической деятельностью правительства, затрагивались косвенно, при рассмотрении проблем национальной политики. Основные концепты, транслируемые дворянством в качестве приоритетов внешнеполитической линии государства, были органично взаимосвязаны с предлагаемыми ими общими формулами решения национального вопроса. Наиболее активно дворяне дискутировали по «финляндскому» и «еврейскому» вопросам. Проблемы дальнейшей инкорпорации Финляндского княжества в Российскую империю обсуждались на VI, VIII и X съездах объединенного дворянства, на которых эксперты в этой области выступали с докладами. Съездами создавались комиссии, по итогам работы которых были приняты постановления Постоянного совета объединенного дворянства. Об активности дворянства свидетельствует и количество выступавших по тому или иному вопросу. Так, по «финляндскому» вопросу на VI съезде выступило 26 человек, на VIII — 18, на X — 6 человек. Особенно активно в дискуссиях принимали участие В. Л. Кушелев (Псков), С. В. Киндяков (Саратов), Д. Н. Кованько (Харьков).

Возрастание финансового влияния Германии в Финляндии привело к сокращению поступления доли российских товаров в регион, что не могло не беспокоить российских предпринимателей. Российские высшие военные круги полагали, что в случае войны Германия может нанести основной удар по российским опорным базам в Финляндии, что требовало тща-

тельной разработки планов обороны северо-западных рубежей империи [1, с. 29—59; 2, с. 264—177]. Все это обуславливало особое внимание правительства и общественности к обсуждению статуса Великого княжества Финляндского.

Дискуссия в III Государственной думе об ограничении автономии Финляндии, инициированная в 1908 г. октябристами, показала, что, несмотря на различия во взглядах, обусловленные партийными программами, как правые, так и октябристы в целом высказывались за необходимость сохранения державных прав России в Финляндии, поддерживая в этом вопросе правительство П. А. Столыпина [3, с. 36—38]. Конституционные демократы, настаивая на необходимости взаимоуважения и равноправия между представителями различных национальностей, предложили идею параллельного законодательства [4, с. 102—104].

На VI съезде уполномоченных дворянских обществ 17 марта 1910 г. с обширным докладом выступил член различных комиссий и совещаний, посвященных систематизации финляндских законов, Н. Н. Корево. Участников съезда особенно волновали судьба и условия русского землевладения в Выборгской губернии, поэтому они акцентировали внимание прежде всего на ее территориальном статусе [5, с. 70—85]. Подобное внимание к статусу губернии объяснялось тем, что в ней практически отсутствовали помещичье хозяйство и отделения российских банков. Германия же осуществляла активную экономическую экспансию в регионе. С точки зрения депутатов съезда, данная ситуация способствовала антирусским настроениям и возможному выходу княжества из состава Российской империи. При обсуждении «финляндского» вопроса прозвучало мнение, которое затем неоднократно транслировалось другими депутатами съезда, о том, что «население национальных окраин живет гораздо лучше, чем коренное русское население» [6, с. 501—505, 522].

Съезд принял два постановления по этому вопросу, в которых обозначена принципиальная позиция объединенного дво-

рянства: сохранить территориальные границы княжества по состоянию на момент его присоединения в 1809 г., уравнивать права русских граждан с правами финнов, прежде всего в вопросах налогообложения, а также обратить внимание верховной власти на «вредные политические и стратегические последствия» принадлежности Выборгской губернии к территории Финляндского княжества [6, с. 550—553, 628—629].

Учитывая настроения Совета объединенного дворянства, П. А. Столыпин при обсуждении этого вопроса в Думе и Государственном совете, отстаивая общеимперские интересы, требовал ограничения политической автономии Финляндии [7, с. 288—311]. В результате 17 июня 1910 г. был принят закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения», который стал нормативной базой для последующего законодательства в отношении Финляндии.

Однако на VIII съезде объединенного дворянства (5—12 марта 1912 г.) генерал С. С. Бутурлин вновь поднял вопрос о Финляндии и предложил немедленно ходатайствовать о присоединении Выборгской губернии и закрытии Финляндского сейма [8, с. 514—516]. Делегаты съезда обвиняли всех финнов в крамоле, заявляли о необходимости обеспечить нерушимость государственных границ России. Вновь звучали выступления об ущемлении прав русских на территории национальных окраин, особенно в Польше и Финляндии, активной противоправительственной агитации финских сепаратистов. Звучали обвинения в антироссийских настроениях в финляндском сейме [8, с. 517, 520]. Постоянному совету было поручено вновь возобновить ходатайство, которое было инициировано VI съездом.

Своеобразный итог высказываний дворянских лидеров по этому вопросу был подведен Н. Н. Корево на X съезде 4 марта 1914 г. [9, с. 375—389]. При обсуждении его доклада дворяне, апеллируя к необходимости обеспечения геополитической безопасности Российской империи, вновь требовали отделения

всей Выборгской губернии от Финляндии и присоединения ее к империи. Принятые съездом три резолюции обобщали взгляды дворянства по «финляндскому вопросу» [9, с. 339—355, 403]. Дворянство опасалось, что излишняя автономия княжества послужит нежелательным прецедентом для других национальных окраин империи.

«Польский вопрос» обсуждался менее активно. В основном эта тема затрагивалась в выступлениях на съездах объединенного дворянства в связи с обсуждением законопроекта о введении земства в западных губерниях в Государственной думе. Делегат от Псковского дворянства Я. Н. Офросимов предложил участникам VI съезда обсудить вопрос о представительстве дворян от западных губерний в Государственном совете. Он отметил, что этот вопрос неразрывно связан с правительственным проектом, предусматривающим создание земств в западных губерниях. Докладчик сетовал на то обстоятельство, что большинство дворян Западного края, по происхождению русские, «забыли о своей исконно русской народности» и «стараятся воссоздать Польшу, несмотря на то что она присоединена к России» [6, с. 425—426]. Русские помещики, которые приобрели имения в Западном крае, чаще всего в них не проживали, так как многие из них служили на государственной службе, и не участвовали в выборах. Депутаты по инерции отмечали, что русское дворянство «разобщено», «не слишком обеспечено, и в целом его положение оставляет желать лучшего» [6, с. 430].

Безусловно, эти вопросы были наиболее актуальны для дворян западных губерний, и прежде всего для тех помещиков, которые приобрели там имения. Отметим, что в состав объединенного дворянства представители этих губерний не входили. В связи с этим Я. Н. Офросимов предложил также обсудить вопрос о включении в состав съездов объединенного дворянства дворян от западных губерний. «Польский вопрос» волновал и дворян, проживающих в соседних губерниях. Еще один уполномоченный от Псковского дворянства, В. Л. Куше-

лев резко критиковал взгляды и повседневное поведение польского дворянства. Он с возмущением говорил о приверженности поляков «бессмысленным мечтам о восстановлении Польши от моря до моря», отмечал отсутствие лояльности к русским со стороны польского населения. «Ляхи издевались надо мной», — вспоминал он свою службу в течение 10 лет в Варшаве в качестве чиновника особых поручений варшавского генерал-губернатора [6, с. 432]. Он с возмущением перечислил привилегии польского населения, прежде всего их преимущества в получении образования и продвижении по государственной службе. Он призвал делегатов съезда ходатайствовать перед правительством о предоставлении преимущественных прав русскому населению во всех законодательных учреждениях [6, с. 434—435, 438]. Дворяне надеялись, что планируемая земская реформа приведет к желательным для них результатам — созданию двух отдельных курий с фиксированным количеством делегатов от русского населения и изменению порядка выборов и представительства от западных губерний в Государственный совет [6, с. 426].

На VII съезде неоднократно поднимался вопрос об опасности национального сепаратизма. Представители первенствующего сословия акцентировали внимание на исторической общности народов Российской империи, необходимости воспитания представителей западных губерний в духе «русского консерватизма и русской благонадежности» [8, с. 142]. Эпопея с обсуждением и принятием закона «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» спровоцировала в Российской империи острый политический кризис. Но все же главная цель П. А. Столыпиным была достигнута, и система земского самоуправления распространилась на территорию Северо-Западного края.

В условиях Первой мировой войны объединенным дворянством были сформулированы новые геополитические задачи. В рамках XI съезда уполномоченных губернских дворянских

съездов, состоявшегося 10—14 марта 1915 г., ораторы, вдохновленные первыми военными успехами, призвали правительство начать готовиться к послевоенному мирному времени, приняв меры к преодолению немецкого засилья и присоединению к России Константинополя и проливов. В 1915 г. дворянство не сомневалось в грядущей победе. В выступлении В. И. Гурко был поставлен вопрос, задавший тон дальнейшему обсуждению внешнеполитических перспектив Российской империи после победы над Германией. Он отметил, что в отношении западной границы результаты войны четко определены в воззваниях Верховного главнокомандующего. «Но юг, но Царьград — цель стремления России в течение двухсот лет, тот Царьград, к которому ныне доблестно пробиваются наши союзники, — далее вопрошал он, — имеется ли по отношению к нему достаточная определенность и высказались ли общественные силы с достаточной твердостью в этом отношении?» [9, с. 424]. В его выступлении звучала мысль, что подобная неопределенность может негативно сказаться на взаимоотношениях союзников, которые, по его мнению, будут настаивать на том, чтобы Константинополем совместно владели Франция, Англия и Россия, и требовать полной свободы международных прав на проливы. Апеллируя к тому, что русская политика всегда предполагала помощь славянским странам, он указывал на полную неприемлемость нейтрализации проливов. Он с пафосом заявил: «Вход чужому флоту через Босфор и Дарданеллы не может быть допущен нами, и, следовательно, они должны быть в наших руках твердо укрепленными, со всеми островами, прилегающими к ним, которые необходимы для успешной защиты входа в Дарданеллы» [9, с. 426]. Им было высказано опасение, что в случае объявления Константинополя вольным городом он будет захвачен Германией, а также отмечено, что одной из главнейших задач Российской империи во внешней политике является сплочение всех балканских государств в один крепкий союз, и «этот союз мыслим только при

непосредственной близости России к этим государствам, а это произойдет, в свою очередь, лишь когда Россия завладеет Царьградом» [9, с. 427].

Идеи, озвученные В.И. Гурко, были поддержаны большинством участников съезда. Граф А.А. Бобринский попытался «отрезвить» делегатов, отметив, что подобные высказывания могут повредить начинаниям лидеров внешнеполитического ведомства, но не был услышан. Н.Е. Марков, возражая ему, заявил, что съезд, приняв резолюцию по вопросу о Константинополе, даст в руки дипломатов «оружие», покажет, что «стихийное желание русского народа» заключается в требованиях: «дайте нам Константинополь, дайте нам Дарданеллы, дайте нам Босфор» [9, с. 431]. По мнению участников съезда, нейтрализация проливов будет крайне невыгодна для российских геополитических интересов. Они заявляли о необходимости продвижения к Царьграду, что позволит достичь «полного величия России». Съездом была принята резолюция, в которой констатировалась уверенность объединенных дворян в грядущей победе России в войне и высказывалась мысль о желательности перехода Царьграда «в державное владение Империи Российской», поскольку этого требуют геополитические интересы России [9, с. 477—478].

Также на съезде обсуждался вопрос о борьбе с немецким засильем. С докладом выступил член комиссии Постоянного Совета по борьбе с иностранным засильем князь А.А. Кропоткин. Его выступление было посвящено проблемам таможенной, тарифной и внешнеэкономической политики страны. Сделав экскурс в историю торговых отношений с Германией, он акцентировал внимание собравшихся на негативных последствиях для сельского хозяйства Российской империи экспорта в Германию сельхозпродукции. Делегаты съезда призывали «устранить иноземное и еврейское посредничество, которое держит весь экспорт России в своих руках» [9, с. 480]. Кн. А.Н. Лобанов-Ростовский обратился к участникам съезда

с проектом резолюции, в которой отмечалось, что в связи с изданием в Германии закона, разрешающего двойное подданство, возникает множество юридических коллизий. Он указал, что многие бывшие подданные Германии являются собственниками торговых и промышленных предприятий в России, а также земельных владений, а в условиях военного времени это создает потенциальную угрозу для безопасности государства. Лобанов-Ростовский призвал собравшихся ходатайствовать перед императором об ограничении их права на имущество, так как они могут обратить «доходы от принадлежавших им имуществ на служение мечтам о германской гегемонии», а также осуществлять разведывательную деятельность и тем самым вредить безопасности государства [9, с. 500]. Данная резолюция была передана на рассмотрение в Постоянный совет. С. И. Зубчанинов призвал собравшихся не относить всех людей, носящих немецкую фамилию, в особенности представителей доблестного прибалтийского дворянства, к предателям и шпионам. Он отмечал, что зависимость от иностранных капиталов негативно сказывается на экономической безопасности страны. «Есть возможная опасность, и нешуточная, — предупреждал Зубчанинов, — что Путиловский завод перейдет в руки Круппа» [9, с. 508]. В адрес правительства были высказаны пожелания об учреждении русского промышленного банка при широком софинансировании со стороны государства, о принятии мер против грюндерства коммерческих банков, об ограничении участия иностранных подданных в управлении торгово-промышленными предприятиями, в особенности оборонными [9, с. 512]. Однако делегаты съезда после бурного обсуждения доклада предложили ужесточить отношение к германским подданным. Были одобрены пункты резолюции, предложенные Н. Е. Марковым: «признать необходимым отчуждение» у них всех недвижимых имуществ, денежных капиталов и документов на получение денег. Особенно возмущало дворянство то обстоятельство, что меннониты, не отбы-

вающие воинскую повинность, в условиях войны «богатеют и издеваются над казаками», поэтому собравшиеся настаивали на отчуждении у них земель. Было предложено прекратить переход германских подданных в русское подданство, усилить степень уголовной ответственности за содействие к сокрытию имущества, принадлежавших германским подданным, а также образовать из отчужденных земель фонд для наделения на льготных условиях ветеранов войны, как солдат, так и офицеров [9, с. 529—531]. Резолюции, предложенные участниками съезда, были обсуждены и переданы для окончательной редакции в Постоянный совет.

Лидеры первенствующего сословия предупреждали верховную власть об опасности сепаратистских настроений на окраинах страны. Не забывали депутаты и о лоббировании своих экономических и политических корпоративных интересов на территории Выборгской и западных губерний. Геополитический дискурс участников дворянских съездов был обусловлен задачами усиления экономических позиций русского дворянства в приграничных регионах. Объединенные дворяне выдвигали требования об изменении границ на окраинных территориях страны, а также установлении контроля над Константинополем и черноморскими проливами.

Список источников и литературы

1. Булатов Ю. Финляндия и имперская политика дома Романовых // *Международная жизнь*. 2016. № 1.

2. Новикова И. И. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // *Пространство власти: имперский опыт России и вызовы современности*. М., 2001.

3. Бахтурина А. Ю. Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908—1910 гг.) // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2017. № 8 (29).

4. Трунов К. Н. Партия кадетов и финляндский вопрос (1905—1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97).

5. Баринава Е. П., Кабытов П. С. Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (41).

6. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 2, кн. 1 : 1909—1910 гг. М., 2001.

7. Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906—1911. Нам нужна великая Россия... М., 1991.

8. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 2, кн. 2 : 1911—1912 гг. М., 2001.

9. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 3 : 1913—1916 гг. М., 2002.

УДК 791 (470+571)

Е. В. Дианова

Агрокооперативная кинопропаганда 1920-х годов

В статье представлен обзор просветительных фильмов, созданных с целью пропаганды передовых методов агрикультуры. Первые ленты о земледелии, полеводстве и других отраслях сельского хозяйства появились еще до революции 1917 г. Советский кинематограф также принял активное участие в распространении сельскохозяйственных знаний.

The article presents a review of educational films created to promote advanced methods of agriculture. The author notes that the first films on farming, crop production, and other branches of agriculture appeared even before the 1917 Revolution. Soviet cinema also played an active role in the dissemination of agricultural knowledge.

Ключевые слова: просветительный кинематограф, культурфильмы, сельское хозяйство, агрокооперативная кинопропаганда

Keywords: educational cinema, cultural films, agriculture, agro-cooperative film propaganda

Среди научно-популярных фильмов для деревенских зрителей, которые использовались кооперативами в их культурно-просветительной работе, на первом месте стояли фильмы, посвященные сельскому хозяйству и кооперации. Еще до революции 1917 г. кино служило делу пропаганды передовой агротехники среди крестьян. Сельскохозяйственный музей при

Департаменте земледелия с 1909 г. начал выпускать короткометражные фильмы, рекламируя опыт крупных крестьянских хозяйств, хуторов и отрубков.

В 1914 г. комиссия по внешкольному образованию при Департаменте земледелия подняла вопрос «о применении в деле распространения среди сельского населения сельскохозяйственных знаний путем кинематографа». Департамент земледелия планировал подготовить соответствующие киноснимки показательных полей и огородов. Демонстрацией фильмов о сельском хозяйстве, по мысли чиновников, могли заниматься местные агрономы и другие специалисты по сельскому хозяйству, на которых возлагалась также организация бесед с крестьянством [1, с. 7].

Значительная роль в развитии просветительного кинематографа принадлежит кинофабрике А. А. Ханжонкова. В 1911 г. в акционерном обществе «А. Ханжонков и Ко» открылся Научный отдел по созданию научных, видовых и этнографических картин. Особое место в продукции Научного отдела занимали фильмы о сельском хозяйстве. Причем «все эти фильмы и съемки были подробно проаннотированы и прекрасно систематизированы в каталоге «Сельское хозяйство в России». В каталоге говорится о значении просветительного кинематографа для развития сельского хозяйства:

Россия в своей основе страна земледельческая. Это видно из того, что сельским хозяйством в России занято 3/4 всего населения, и стоимость продуктов сельского хозяйства более чем в два раза превышает стоимость продуктов обрабатывающей промышленности.

Несмотря на то что фабрично-заводская промышленность в последнее время быстро растет, урожай каждого года оказывает огромное влияние на подъем или упадок благосостояния населения. При хорошем урожае немедленно поднимается покупательская способность населения, а вместе с тем замечается подъем обрабатывающей промышленности и торговых оборотов. При

хорошем урожае на железных дорогах увеличивается движение. Наоборот, при неурожае замечается застой в торговле, фабрики и заводы сокращают свои производства. Отсюда видно, что распространение сельскохозяйственных знаний среди широких масс русского населения является вопросом государственной важности [2, с. 190].

Систематический каталог кинолент по сельскому хозяйству включал фильмы: «Земледелие, полеводство и луговоеводство», «Испытание сельскохозяйственных машин», «Работа тракторов на юге России», «Уборка и сортировка картофеля», «Культура свеклы», «Огородничество», «Садоводство», «Сушка плодов и овощей», «Животноводство», «Образцовая молочная ферма», «Переработка и эксплуатация молока», «Пчеловодство», «Птицеводство», «Рыбоводство».

Съемки фильмов проводились в 1915 г. на опытных полях Московского сельскохозяйственного института в Петровско-Разумовском и других образцовых хозяйствах, на Бутырском хуторе Московского общества сельского хозяйства. В Волоколамском уезде Московской губернии снимались фильмы «Молочная кооперация» и «Льноводство». Лента «Льноводство» создавалась при участии консультантов — представителей Центрального товарищества льноводов, одним из основателей и первым председателем которого был А. В. Чайнов [3].

Немалый вклад в распространение агрономических знаний в 1920-е гг. внес советский кинематограф. Кино рассказывало о подготовке семян к посеву, селекции и замене беспородных семян сортовыми; показывало, как правильно хранить и использовать органические и минеральные удобрения. Фильмы пропагандировали передовые способы обработки почвы под озимые и паров под яровые, рядовой посев; современные методы борьбы с сорными растениями, вредителями и болезнями хлебных злаков. Поднимая вопросы повышения урожайности, многополья, обработки земли, применения тракторов, развития огородничества и молочного хозяйства, просветительные фильмы имели большое общественно-политическое значение.

Вопрос о рациональной постановке агропропаганды решался с помощью «наиболее наглядной, наиболее проникающей в головы и доходящей до души форме» — путем производства агрономических кинофильмов. Любой фильм «скажет крестьянскому уму и сердцу больше десятка брошюр, даже если бы деревня умела и хотела их прочесть», потому что «слова самые пылкие и убедительные — не то, что живые лица и живые картины». «Крестьянина легче обучить, применяя метод наглядного преподавания», поэтому «кино должно превратиться в учителя крестьян, преподающего наглядными методами новые способы землепользования, последние достижения в области животноводства, способы выращивания и кормления скота, разведения птицы, улучшения свиноводства». Сами крестьяне говорили о том, что им «нужны картины хозяйственного характера», где бы показали, «как вести хозяйство по-новому», как заводить «культурные хозяйства», как перейти на «многополье и трехполье» [4, с. 68—69; 5, с. 2].

В 1920-е гг. одним из мощных средств распространения и популяризации агрономических знаний считались культурфильмы. Культурфильмом (культурфильмой) называли любую просветительную, доступную пониманию простого зрителя кинокартину, к какому бы тематическому и жанровому разделу она ни относилась. Культкино, отдел Госкино по производству научно-популярных и научных фильмов, выпустило ленты по сельскому хозяйству: «Сеялки Эльворти», «Веялки и сортировки», «Ягодные кустарники», «Как выводить урожайные сорта хлебов», «Пары и озимые», «Устройство огорода», «Парники», «Разведение сада», «Вредители сада», «Уход за садом», «Пчеловодство», «Рыбный промысел». В 1926 г. Культкино запустил в производство фильмы «Возделывание лугов и болот», «Луг», «Жатка», «Сеялка», «Молотилка», а Совкино — «Борьба за урожай», «Льноводство», «Молочное хозяйство».

В киновагонах «Пролеткино» демонстрировали ленты «Разведение картофеля», «Сельскохозяйственное племенное

скотоводство». Экран наглядно показывал крестьянину, как производится пахота, как утепляются коровники и осуществляется уход за коровами в других странах (например, картины «Оросительная система в Америке», «Сельская промышленность в Канаде», «Сельское хозяйство в Америке»). Общим недостатком культурфильмов о сельском хозяйстве считалась их «оторванность от местных наших условий и показывание заграничных чудес» [6, с. 40; 7, с. 107].

По сценарию и под руководством Донского земельного управления снимался культурфильм «Борьба с засухой» / «Борьба за урожай» (Кинокомсомол, 1924). Пролог фильма знакомил с последствиями засухи, охватившей несколько районов страны. В картине рассказывается о том, как «к крестьянину-хлеборобу приезжает сын, демобилизовавшийся из армии. Помогая отцу, сын применяет ряд агротехнических приемов обработки почвы, дающих возможность получить высокие и устойчивые урожаи в засушливые годы. Пожилой крестьянин становится сторонником передовой агротехники» [8, с. 51].

Премьера фильма состоялась в Доме крестьянина в Ростове-на-Дону. Как отмечала критика, картина «Борьба за урожай» была «чрезвычайно слабая в техническом отношении, примитивно наивная по своей художественной интриге». Но «крестьянская аудитория хорошо восприняла фильм»:

С каким подлинным захватывающим вниманием следила за ней мужицкая аудитория, прощая даже те ляпсусы, которые бросались в глаза — неувязки в стиле, костюмах, приемах крестьянской работы. А все почему? Да только потому, что сомнительный мужик с экрана показывал им совершенно наглядно пользу многополья, раннего пара, необходимость посева засухоустойчивых культур. Все это было крестьянам близко, все это им было необходимо понять, и они лезли через головы друг друга, чтобы дочитать до конца корявую объяснительную надпись, и долго после окончания сеанса никто не хотел расходиться [9, с. 32—33].

Культурфильм «Хлеб из камней» (Совкино, 1927) рассказывал о значении удобрений в земледелии:

Середина 1920-х годов. Крестьяне одного из сел северо-западной части России страдают от периодических неурожаев, причиной которых является истощение не удобряемых земель. Актив села, возглавляемый избачом Алёшей, ищет выход из положения. Алёша узнает из литературы, что камни-фосфориты при определенной обработке дают хорошее удобрение — суперфосфат. В городе, куда он обращается, выделяют для села баржу с удобрением. Кулаки делают попытку угнать баржу, но крестьяне своевременно разоблачают их и передают суду [8, с. 233].

Пропагандой передовых агротехнологий активно занималось акционерное общество «Кино-Сибирь», акционерами которого были тресты «Сибхлеб», «Сибмасло», «Сибмолоко». В ноябре 1926 г. акционерное общество «Кино-Сибирь» приступило к постановке культурфильма «На переломе» («Пути сибирской деревни»). Постановщики Я. Г. Задорожный и П. В. Сворков решили «призвать в деревню кино как одно из самых сильных реформаторских и пропагандистских средств, доступное широкому массам». В картине «На переломе», вышедшей на экран в 1927 г., не было «вымышленной игры, построена она не на актерах, а на примерах с натуры отживающей “старинки” и борьбы передового крестьянина за новую деревню». Автор сценария агроном П. В. Сворков полагал, что «процесс переустройства происходит медленнее того, чем бы этого хотелось. Деревня зачастую не знает, какое направление для ее хозяйства будет верным. Массовый сельскохозяйственный переворот наступит тогда, когда крестьянство убедится, что ход делается наперняка» [10, с. 5].

Авторы фильма «На переломе» Я. Г. Задорожный и П. В. Сворков, считая кооперацию «столбовой дорогой к социализму», отразили различные формы кооперирования крестьянских хозяйств: контрольные скотоводческие союзы, ма-

шинные товарищества, кооперативные ссыпные и прокатные пункты, кооперативные предприятия (маслозавод, мельница, кожевенный завод), кооперативный сбыт сельхозпродукции.

В 1927 г. «Кино-Сибирь» приступила к выпуску сельскохозяйственного киножурнала «В помощь земледельцу», а в 1928 г. выпустила фильм «О чем мычит корова» о значении сильных кормов для скота и развитии молочного хозяйства. Судя по аннотации, фильм «О чем мычит корова» в постановке П. В. Своркова и Я. Г. Задорожного создавался по следующему сценарному плану: «Силосование. Коллективная заготовка кормов для скота. Устройство и загрузка силосной ямы. Приучение коров к силосу. Кормление дойных коров. Влияние силоса на повышение удоя. Усовершенствование силосования в крупных колхозах: специальные травы, особые силосные башни» [11].

Культурфильм «Золотое дно» («Кино-Сибирь», 1928) освещал разведение племенного скота, организацию молочных артелей и развитие маслодельной кооперации в Сибири. Сначала показывалось «неудовлетворительное молочное хозяйство и отношение к нему крестьян до революции», затем — состояние молочного хозяйства при Советской власти. «Трудность показа советского периода сибирского молочного хозяйства усугублялась тем, что надо было дать в ленте и полукустарную артель, и рядовой молочный завод, и завод механизированный». Основное достоинство фильма «Золотое дно» состояло в том, что он демонстрировал, как «Сибирь царская и забитая переходит к Сибири самодеятельной». Для критиков весьма ценной стала «индустриальная тенденция ленты, ее коллективистическая зарядка, наконец, то, что сельское хозяйство дается в ней на повороте, уловлен его теперешний характер, когда ему свойственна тяга к доходности, к животноводческому уклону» [12, с. 31].

Режиссер Маргарита Барская сняла документальный фильм «Кто важнее, что нужнее» («Востоккино», 1930). Интересно,

что кинокопия фильма «Кто важнее, что нужнее» была обнаружена, или, правильнее сказать, идентифицирована в ноябре 2008 г. В архиве Барской нашли вырезку из газеты «Кино», где был напечатан мультипликационный кадр из фильма. Именно «по этому кадру, где рабочий и крестьянин вместе едут на тракторе, можно было уже со стопроцентной уверенностью говорить, что обнаружен именно фильм Маргариты Барской» [13].

Картина «Кто важнее, что нужнее» явилась первой политико-просветительной лентой для детей, снятой с целью рассказать им о том, «как делается социалистический хлеб». Фильм сделан как пособие комплексного преподавания на сельскохозяйственную тему, поэтому в начало ленты вставлены интертитры с обращением к преподавателям: «И вы, товарищи педагоги, ответьте: поможет ли картина как школьное пособие». Затем идут кадры анимации. Крестьянин и рабочий вокруг каравая спорят о том, кто его делал. Чтобы прекратить препирательство, рабочий говорит: «Смотри, как делается хлеб». «Благодаря форме экранизированного спора между рабочим и крестьянином-единоличником картина охватывает обширный материал, нанизанный на единый стержень, и достигает значительной четкости в его подаче» [14].

В фильме последовательно показан цикл земледельческих работ: вспашка, боронование, удобрение почвы, очистка и машинная протравка семян. Даны картины тяжелой работы крестьян на земельном наделе, видно напряжение сил, лошадь с трудом идет по полю: «С давних пор и до наших дней бедняк-одиночка пашет деревянной сохой». Рабочий говорит: «Такой ковырялкой много не наработаешь и хорошего урожая не поучишь. Надо работать машиной». Далее идут снимки тракторной вспашки больших полей. Крестьянин спрашивает: «Где мне взять такие машины?» Рабочий отвечает: «В колхозе. Крестьяне, объединившись в колхоз, постепенно приобретают машины». На экране появляются сведения: «Кто больше вспашет в день: трактор — 4 га, плуг — $\frac{1}{4}$ га. Трактор вспашет в 16 раз больше лошади».

Далее сравнивается сев путем разбрасывания семян по полю (где густо, а где — пусто) и рядовой сев сеялками. «И вот в земле в подходящей для роста обстановке семя начинает развиваться и прорасти. Земле зерно чистое отдашь в дар, сотню пудов вернет каждый гектар». Зрителям для сравнения дается информация об урожае: «Количество зерна с 1 га, засеянного сортированным зерном, 22 центнера (137,5 пудов) и несортированным зерном 7 центнеров (45 пудов)». Далее — сбор урожая. «Собранный хлеб сдается государству. Зерно до помола хранится в элеваторах. Часть зерна — на семена, большая часть — на мельницы. Мелют зерно ветром и водой» (показывают ветряные, водяные, плавучие мельницы). «И мелют, и пекут электричеством (в кадре хлебозавод с электропечами). Каждый день надо дать хлеб детям и подросткам: только одних ребят у нас в Союзе почти 70 миллионов. Так делается социалистический хлеб. Вместе рабочий и крестьянин. Близок социализм» [15].

Кинокритики отмечали, что «фильму, предназначенную специально для школьников и пионеров, с интересом посмотрят и любой крестьянин, и рабочий» [16]. Неслучайно в начале фильма помещено обращение к сельским киномеханикам: «И ты, товарищ механик, пиши, как принял картину деревенский зритель» [15]. Фильм, «задевающий вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства», выходил за формат детской картины, он предназначался для «ответственной передачи на экране основ политики партии в деревне» [14].

Киностудии страны производили фильмы для участников различных кооперативных объединений. Северо-западный союз потребительской кооперации и Госкино вели переговоры о выпуске кинофильма «Кооперация и лён», где был бы изображен весь процесс производства, обработки и реализации льна. Параллельно с кооперативным сбытом и выдачей крестьянину премии за сданное сырье предполагалось «дать ряд картинок, характеризующих работу кулаков и частных скупщиков сырья, наживающихся на крестьянах» [17, с. 235].

Всероссийский Центральный союз льноводов и коноплеводо-дов (Льноцентр) и Совкино также собирались написать сценарий фильма и, сняв все процессы, связанные с развитием льноводства, выпустить киноленту. По льноводству уже были фильмы «Обработка льна», «Сельская электрификация в первичной обработке льна», «Обработка льняного семени». В льноводческих районах показ фильмов в избах-читальнях устраивали сельскохозяйственные товарищества, в Домах крестьянина — работники местных отделений Льноцентра [18, с. 38].

Для членов мелиоративных товариществ предназначались картины «Мелиорация», «Осушение болот». Для кустарей, занятых производством изделий из дерева, щепы и соломы, выпускались ленты «Бондарное производство», «Как плетут соломенные шляпы», «Плетение корзин», «Лесная школа», «Производство бочек», «Производство топоров».

Научные, кооперативные, сельскохозяйственные и другие кинофильмы сопровождались вступительным словом или проведением лекции. К этой работе привлекались культурные силы деревни — учителя, кооперативные работники, агрономы. Культурфильмы способствовали распространению агрономических знаний и подъему культурного уровня крестьянства, кооперированию сельского населения.

Список источников и литературы

1. *Синема*. 1914. № 7—8.
2. *Каталоги* просветительных фильмов АО «Ханжонков и Ко» // Киноведческие записки. 2003. № 64.
3. *Сельское хозяйство в России*. Кинематографические ленты. Издание научного отдела Акц. о-ва «А. Ханжонков и Ко». М., 1916. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/134/> (дата обращения: 12.03.2025).
4. *Нерадов Г.* Кино на службу деревенскому просвещению // Советское искусство. 1925. № 8. С. 68—69.
5. *Кино*. 1926. 12 янв.
6. *Субботин Л.* Агропропаганда через искусство // Советское искусство. 1925. № 2.

7. *Кино-справочник* на 1926 год. М., 1926.
8. *Советские художественные фильмы* : аннотированный каталог. Т. 1: Немые фильмы (1918—1935). М., 1961.
9. *Советское кино*. 1925. №4—5.
10. *Сворков П.В.* «На переломе» («Пути сибирской деревни»). М., 1927.
11. *Список фильмов*, выпускаемых в прокат Совкино к 20 марта 1930 года. Вып. 1. М., 1930.
12. *Советское кино*. 1928. №2—3.
13. *Изолов Н.* История одной находки (о том, как отыскали фильм Маргариты Барской «Кто важнее, что нужнее»). URL: <https://chapaev.media/articles/4380> (дата обращения: 12.03.2025).
14. *Блейман М.* Главный герой фильма — хлеб. Рец. на фильм «Кто важнее, что нужнее». URL: <https://chapaev.media/articles/2646> (дата обращения: 12.03.2025).
15. «*Кто важнее, что нужнее*» (Востоккино, 1930). URL: <https://ok.ru/video/7113661942432> (дата обращения: 12.03.2025).
16. *Милосердова Н.* Боевик для уроков политэкономии. URL: <https://chapaev.media/articles/2044> (дата обращения: 12.03.2025).
17. *Союз потребителей*. 1924. №11.
18. *Кооперативное строительство*. 1928. №13.

Переселение евреев из Псковского края в многоземельные районы страны в 1920-е годы

В статье на материалах Псковского края 1920-х гг. рассматривается вопрос о переселении евреев за его пределы, главным образом в Крым и на Дальний Восток. Этот процесс был связан с попытками превращения российских евреев в земледельческую нацию и одновременно преследовал цель ослабить «аграрное перенаселение» в европейской части страны. Показаны противоречия проводившихся мероприятий и их результаты.

The article, based on materials from the Pskov region of the 1920s, examines the issue of the resettlement of Jews beyond its borders, primarily to Crimea and the Far East. This process was connected with attempts to transform Russian Jews into an agricultural nation and, at the same time, aimed to mitigate “agrarian overpopulation” in the European part of the country. The author highlights the contradictions of the measures undertaken and their outcomes.

Ключевые слова: еврейское население, земледелие, землеустройство, Комиссия по землеустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ), переселение, Крым, Дальний Восток

Keywords: Jewish population, agriculture, land management, Commission for Land Management of Working Jews (KomZET), Society for Land Management of Working Jews (OZET), resettlement, Crimea, Far East

В Псковском крае как типично аграрном регионе в разные времена среди населения традиционно преобладало крестьянство, по национальному признаку не отличавшееся многообразием: основную часть жителей составляли русские. Проживали здесь и представители других национальных групп — эстонцы, латыши, белорусы, поляки и др. Одной из многочисленных национальностей в начале XX в. были евреи. Всероссийская перепись населения 1920 г. установила, что в губернии проживали представители 40 национальностей, в том числе 28,3 тыс. евреев (1,47% общего числа жителей). Из них 78% жили в городах и поселках городского типа, больше всего их находилось в Торопецком и Великолукском уездах, меньше всего — в Холмском. Во Пскове они составляли 4,18% населения города. В сельской местности евреев было намного меньше: в том же Торопецком уезде на их долю приходилось только 0,76% всего сельского населения, в Великолукском — 0,35%, а в Порховском и Островском — всего лишь по 0,01% [3, 1927, 1 февр.; 5, с. III—IV].

Несколько увеличило численность евреев присоединение в 1924 г. к Псковской губернии трех новых уездов упраздненной Витебской губернии — Себежского, Невельского и Велижского, входивших в так называемую «черту оседлости» Российской империи. Поэтому Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала новую цифру количества евреев в губернии — около 40 тыс. чел. По абсолютной численности евреи стояли после русских и белорусов, составляя 1,49% общего числа населения губернии [3, 1926, 16 окт.; 6, с. 54]. Следовательно, удельный вес их по сравнению с 1920 г. почти не изменился. Еврейское население занималось преимущественно различными ремеслами, промыслами, торговлей, земледельцы же среди них встречались нечасто. Жили они главным образом в городах и местечках, населенных почти исключительно гражданами «еврейских» профессий — портными, сапожниками, парикмахерами, ювелирами и др. Лишь в Невеле на двух ще-

тинных фабриках, крупнейших предприятиях города, было занято в середине 1920-х гг. до 600 рабочих-евреев, остальные жители города занимались кустарными промыслами. На 75 % было еврейским население Себежа, преимущественно кустари и извозчики [3, 1927, 3 апр.]. Особенно много было евреев в Велижском уезде: только в уездном городе их числилось около 5000 чел., то есть более половины всего населения (из них около 1000 кустарей), в Усвятах — свыше 400 чел. (из общего числа жителей в 2800 чел.) [2, ф. 1, оп. 4, д. 440, л. 30].

В 1920-е гг. советская власть поставила в качестве одной из важнейших задач в рамках «еврейского» вопроса улучшение быта и положения еврейского населения. Одним из путей признавалось землеустройство: новая власть стремилась сделать евреев земледельцами, каковыми они в России никогда практически не являлись. Предусматривалось не только наделение евреев землей в местах их компактного проживания, но и создание земледельческих артелей, что в перспективе облегчило бы переход еврейского населения к коллективным формам ведения хозяйства. До середины 1920-х гг. эта работа характеризовалась мизерными результатами. Более активно она стала проводиться с образованием специально созданных для этого государственных и общественных структур: в середине 1924 г. при Президиуме ЦИК СССР начала работу Комиссия по землеустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), а в январе 1925 г. образовалась общественная организация — Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ). На местах, в том числе в Псковской губернии, создавались губернские и уездные отделения этих учреждений, которые и занимались вопросами землеустройства евреев. Содействовала им в этой работе и еврейская секция при губкоме ВКП(б).

Проблема землеустройства еврейского населения в Псковском крае в 1920-е гг. уже освещена в научной литературе [7, с. 265—275]. Однако политика в «еврейском вопросе» не сводилась только к этому. Не касаясь темы образовательной и

культурно-просветительной работы (открытие национальных школ, клубов, библиотек, распространение литературы и периодических изданий на родном языке, организация юридической службы и др.), остановимся на вопросе, тоже связанном с землеустройством, но не внутри губернии, а за ее пределами, то есть с политикой переселения евреев в другие районы страны.

Эта политика была составным элементом планового переселения части крестьянского населения в восточные районы страны (в Сибирь и на Дальний Восток), развернутого советским государством с середины 1920-х гг. Проводилось оно с целью освоения слабонаселенных и необжитых районов, а также частичного смягчения характерного для европейской части явления, известного как «аграрное перенаселение», которое в Псковской губернии ввиду существования отсталых форм хозяйствования, постоянного дробления крестьянских хозяйств, малоземелья и частых неурожаев ощущалось особенно остро. Правила и условия переселения были общими для всех граждан, но в отношении еврейского населения существовала своя специфика. Если большинство крестьян из губернии переселялось на Восток страны, то для евреев была создана возможность переезда в такой благоприятный район, как Крым, где им тоже предстояло заниматься преимущественно сельскохозяйственным трудом. Если непосредственно в Псковском крае желающих перейти к земледелию среди евреев находилось немного, то переселение в Крым должно было стать дополнительным стимулом «посадить их на землю» там, где хозяйствовать на более плодородных землях гораздо легче. Следует учитывать и то, что переселенцев среди евреев, то есть хорошо знакомых с земледельческим трудом, оказывалось не так уж много. И если русские крестьяне изъявляли желание на переселение во всех уездах губернии, то евреи — преимущественно в южных, где их было особенно много.

Вдобавок в 1927 г. Псковская губерния была упразднена, и на ее бывшей территории в составе обширной Ленинградской

области были образованы Псковский и Великолукский округа. Накануне упразднения, когда границы округов были уже намечены, последовал вывод, что в будущем Псковском округе «нет компактных групп еврейских коллективов», а потому организация окружной секции ОЗЕТа признавалась нецелесообразной [1, ф. Р-590, оп. 1, д. 1756, л. 211]. Примерно $\frac{9}{10}$ всего еврейского населения прежней губернии оказалось сосредоточенным в Великолукском округе (около 30 тыс. чел.), поэтому центр тяжести всей работы по переселению переносился сюда. По предложению ЦК КомЗЕТа вместо бывшего губернского КомЗЕТа создавалась Комиссия по землеустройству трудящихся евреев при Великолукском окрисполкоме. В ее ведение перешли бывшие уезды, в которых была сосредоточена основная часть еврейского населения, — Холмский, Торопецкий, Себежский, Невельский, Великолукский, Велижский, разделенные на районы. В них стали создаваться районные комиссии ОЗЕТа, которые по постановлению окрисполкома предстояло организовать в следующих районах: Невельском, Себежском, Велижском, Торопецком, Новосокольническом, Пустошкинском, Ильинском, Усвятском, Локнянском. Пункты с населением свыше 100 чел. евреев прикреплялись к зонам их деятельности. Указанные организации и занялись работой по переселению евреев, то есть продолжили то, что с 1924 г. делали губернский и уездные отделения.

Переселение евреев производилось по разрядке КомЗЕТа, а отбор и регистрация желающих — его местными отделениями. Переселяться могли лица независимо от рода занятий, с условием что на новых местах они будут заниматься земледелием. Пятнадцать еврейских семей выехало в Крым из Велижского уезда уже в 1924 г., но вскоре от них в родные места стали приходить письма с жалобами на то, что «живут они там плохо», «был неурожай», «они там голодают», а некоторые вообще стали возвращаться домой. Видя это, многие из изъявивших первоначально желание уехать стали отказываться [2, ф. 1, оп. 4, д. 430, л. 5; д. 442, л. 19]. В феврале 1925 г. была

проведена регистрация желающих переселиться из Невельского уезда: первоначально зарегистрировалась 61 семья, затем это число сократилось до 15; отказалось от переселения и несколько семей в Ильинском районе [2, ф. 1, оп. 4, д. 442, л. 17, 19] Некоторые кандидаты в переселенцы высказывали мнение, что «переселение возможно лишь тогда, когда им будет известно, что там живут хорошо». В итоге губернская организация КомЗЕТ высказалась за то, чтобы произвести подробное ознакомление с местами переселения как в процессе разъяснительной работы, так и путем командировки «представителя для ознакомления с жизнью и положением в Крыму» [1, ф. Р-590, оп. 1, д. 1756, л. 205].

В мае 1926 г. в Псковской губернии получили разнарядку КомЗЕТа на отправку 17 еврейских семей в Джанкойский район Крымской АССР. В губернии предложенные места распределили следующим образом: Торопецкий уезд — 8 семей, Островский — 5, Порховский — 4. Прежде чем переселиться, необходимо было направить в места переселения своих представителей (ходоков), чтобы ознакомиться с условиями будущего проживания. Затем было добавлено еще несколько мест уже непосредственно для «самых еврейских» уездов. Переселение производилось в установленное время: весной — до 1 апреля, осенью — в августе и сентябре. Но на первых порах многие семьи, получившие наряды, ходоков не посылали, а другие, уже закрепившие в пользование землю, в срок не прибывали либо вообще отказывались от переселения. Некоторые из них объясняли свое поведение тем, что «при регистрации было плохое материальное положение, теперь же нашли кое-какую работу». На 1927 г. КомЗЕТ предоставил право переселения уже 30 еврейским семьям Псковской губернии; в срок до апреля переселилось 23 семьи, а до конца года от 26 семей направилось еще 15 ходоков. В июне 1927 г. ГубКомЗЕТ сообщал в Москву, что на 30 мест, предоставленных в Крыму, фактически отправлено 27 семейств: 18 из Невеля и 9 из Пско-

ва. Однако первая направленная группа в числе 10 семей из Крыма вернулась и от переселения отказалась. Таким образом, остались незаполненными 11 мест. «В данный момент вновь заявили желание переселиться 12 семей, большинство из них бедняцкие...» В процессе подготовки многие семьи, как и раньше, от переселения в конечном итоге отказывались. Так, в Невельском уезде первоначально зарегистрировалось 66 семей, а потом в списке осталось только 15, в Торопецком — соответственно 69 и 22. При этом переселилась во второй половине 1927 г. в Крым только одна семья с 5 едоками. Длительной оказалась, например, переписка о переселении в Джанкойский и Евпаторийский районы нескольких семей из Локни, объединившихся в товарищество. Они всей артелью (15 семей) изъявили желание «обменять» закрепленную за ними землю в родных местах на землю в Евпаторийском районе. КомЗЕТ первоначально не возражал. Но затем выяснилось, что участок в Крыму уже закреплен за переселенцами из Торопецкого уезда, а решение локнянцев запоздало, так как переселяться можно было только до 1 ноября, к тому же все семьи нуждались в государственной поддержке и т. д. [3, 1926, 14 мая, 3 июня, 27 авг.; 1927, 7 янв., 11 марта, 18 марта, 3 апр., 24 дек.; 4, 1928, 3 марта; 2, ф. 1, оп. 4, д. 442, л. 19; 1, ф. Р-590, оп. 1, д. 1756, л. 34—36, 44, 57—58, 61, 74, 238, 254—255, 322]. Таким образом, даже в Крым, район с благоприятным климатом и плодородными землями, евреи из Псковского края ехали не особенно охотно.

В мае 1929 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ была организована экскурсия молодежи и комсомольцев — членов ОЗЕТа из различных районов страны для ознакомления с жизнью еврейских земледельческих колоний в Крыму. Шел уже пятый год с начала землеустройства там евреев, и молодые люди должны были наглядно увидеть результаты проводимой работы. ЦК комсомола обеспечил членам делегации льготный проезд, по пути они должны были посетить в Херсонском округе некото-

рые места бывшей «еврейской оседлости», «чтобы увидеть нужду в еврейских местечках», единственным спасением населения которых был переход на земледелие. В состав делегации вошли и 12 человек из Пскова.

Для предварительного ознакомления с местами, в которых предстояло побывать, членам делегации были розданы печатные материалы о положении в «крымских еврейских колониях». Из них заинтересованные в переселении могли узнать об истории колоний начиная с 1923 г. и текущем положении дел.

Так, сообщалось, что Первомайская и Калинка, еврейские колонии, объединенные в национальные сельсоветы, находятся в 344 верстах от ст. Сарабуа. При колониях работает школа первой ступени, занятия в которой ведутся на родном языке. Большинство переселенцев проживает в колониях с 1923 г., в основном это бывшие мелкие торговцы, кустари, до того никак не связанные с земледелием. В колонии создан животноводческо-птицеводческий колхоз, членами которого являются 35% общего числа колонистов. Колхозу принадлежат 1500 га пахотных земель и стадо из 30 молочных коров, подана заявка в НКЗ на получение еще 15 голов. Колхоз использует 2 трактора «Интернационал» мощностью в 10 и 20 л.с. и другие сельскохозяйственные орудия. Земля обрабатывается коллективно, колхозники помогают в освоении земель беднякам-переселенцам.

Далее рассказывалось о том, что крестьяне, не объединенные в колхоз, стояли за создание кустовой артели по принципу родства, но колхоз сумел доказать свои плюсы как объединения, что вызвало приток новых членов. К текущему времени перед колхозом стояла задача перейти от животноводства к земледелию, невозможному без орошения механическими способами. Колхоз на тот момент пользовался колодцем глубиной 128 саж., вода добывалась мотопомпой, но ее не хватало. Предполагалось электрифицировать обе колонии и провести водопровод. В хозяйстве имелась аптечка, в больницу можно было попасть только в городе.

Дома жителей были выстроены из камня, покрыты черепицей. Евреи, ранее не умевшие обрабатывать землю, в короткий срок приспособились к ней и теперь успешно ведут хозяйство, с окружающими живут мирно и дружно. В поселках нет молельни и синагоги, религиозные праздники отмечают только глубокие старики.

Также сообщалось, что в поселке «Икар Сукуруй» в 13—15 верстах от Евпатории, где проживают русские, немцы, татары, в 1923 г. некоторые евреи взяли в пользование землю, а переселение началось в 1924 г.

Делегация, включавшая жителей Пскова, пробыла в Крыму почти две недели, воочию увидев достижения и проблемы еврейского землеустройства [3, 1929, 15 и 22 мая, 4 июня; 2, ф. 2497, оп. 1, д. 86, л. 50]. Работа по переселению евреев из Псковского края в Крым продолжалась и после этого. Еврейская секция при Невельском райкоме партии, например, в феврале 1930 г. поставила задачу переселить в ближайшие месяцы в земледельческие районы Крыма 35 семей [2, ф. 5712, оп. 1, д. 213, л. 45].

В 1927 г. КомЗЕТ обследовала еще один район страны, намечаемый для переселения еврейского населения: Биробиджанский в Дальневосточном крае с большим количеством земли, запасами леса и др. Наиболее плотно было заселено лишь побережье реки Амур, проживали здесь преимущественно русские и корейцы. Для желающих переселиться сюда предлагался земельный надел в 5 га на человека (по 25—30 га на среднее хозяйство), выделение лесосечного фонда на строительство, ряд других льгот и преимуществ. Великолукское окружное отделение КомЗЕТа тоже развернуло работу по выявлению желающих переселиться в этот отдаленный район, имевший благодаря своим богатствам хорошие перспективы. Отбирались в первую очередь те слои еврейского населения, которые не имели возможности трудиться на старом месте, то есть лица без определенных занятий, мелкие торговцы, служащие и др. [4, 1928, 17 июля, 24 июля]. Невельское отделение ОЗЕТ, например, планировало переселить в течение 1930 г. в

Биробиджан 20 семей [2, ф. 5712, оп. 1, д. 213, л. 45], хотя в целом эта кампания в районах Великолукского округа не отличалась большим размахом.

Несмотря на предпринимаемые усилия как по землеустройству евреев непосредственно в районах Псковского края, так и по переселению их в многоземельные районы страны, серьезных результатов они не дали. Связать свою судьбу с земледелием решила лишь очень небольшая часть еврейского населения.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Псковской области.
2. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области.
3. Псковский набат.
4. Наш путь.
5. Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. Псковская губерния. Вып. 2: Национальность, пол, грамотность. Псков, 1923.
6. Ривес Я. Состояние и перспективы работы среди еврейских трудящихся масс // Спутник большевика. 1926. № 2 (54).
7. Филимонов А. В. Землеустройство евреев в Псковском крае в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2.

**Кулак, середняк, бедняк в советской деревне
в годы НЭПа и коллективизации**

Рассматриваются особенности социально-экономической дифференциации крестьянства в годы НЭПа. Охарактеризованы основные социальные группы в советской деревне в рассматриваемый период: кулак, середняк, бедняк. В годы НЭПа социальная структура советской деревни оставалась традиционной, но изменилась по качественному содержанию. Произошло ее «осереднячивание», но на более низком по сравнению с дореволюционным периодом хозяйственном уровне («обеднячивание»). Сократилась численность двух полярных групп — кулачества и бедноты, между которыми не было антагонизма. Показано, что использование властью термина «кулацкий террор» преследовало цель затушевать масштабы крестьянского недовольства аграрной политикой государства. Раскулачивание стало формой «профилактики» усиливающейся эскалации крестьянского недовольства насильственной коллективизацией, осознанной политикой социцида значительной массы советского крестьянства.

The article examines the features of socio-economic differentiation of the peasantry during the years of the New Economic Policy (NEP). It characterizes the main social groups in the Soviet countryside of the period: kulaks, middle peasants, and poor peasants. While the social structure of the Soviet village retained its traditional form, it underwent qualitative changes. The process of “middle-peasantization” occurred, but at a lower economic le-

vel compared to the pre-revolutionary era, amounting in practice to “impoverishment.” The numbers of the two polar groups — the kulaks and the poor peasants — declined, and there was no antagonism between them. The article demonstrates that the authorities’ use of the term “kulak terror” was intended to obscure the scale of peasant discontent with state agrarian policy. Dekulakization became a means of “preventing” the growing escalation of rural resistance to forced collectivization, reflecting a deliberate policy of sociocide against a significant portion of the Soviet peasantry.

Ключевые слова: социально-экономическая дифференциация крестьянства, кулак, середняк, бедняк, кулацкий террор, раскулачивание, социцид

Keywords: socio-economic differentiation of the peasantry, kulak, middle peasant, poor peasant, kulak terror, dispossession, sociocide

На протяжении 1920-х гг. крестьянство оставалось основной массой населения страны, его удельный вес в общей численности населения превышал 75%. Социальная структура и социальные отношения в нэповской деревне — одна из самых дискуссионных тем в отечественной историографии. Суть дискуссии сводится к вопросам о наличии или отсутствии в деревне традиционного для дореволюционного времени «кулака», а также к характеристике и итогам проводившейся советской властью «классовой политики» «осереднячивания» деревни с целью не допустить возрождения в сельском хозяйстве капиталистических элементов и подготовки основной массы крестьян-середняков и бедняков к сплошной коллективизации.

Наиболее развернутая характеристика социальной структуры советской деревни в 1920-е гг. дана в исследованиях В. П. Данилова, который доказал, что в годы нэпа в деревне происходило «перераспределение удельного веса социальных групп, сложившихся задолго до революции», «изменилось ме-

сто бедноты, середняков и кулаков в хозяйственной и политической жизни деревни, но сами эти группы еще сохранялись, как и возможность их роста в дальнейшем». Он же убедительно обосновал тезис об «осереднячивании» деревни в годы нэпа в результате проводимой советской властью аграрной политики — значительного увеличения в ней доли середняков по сравнению с дореволюционным периодом. «Кулака» В. П. Данилов не отделял от основной массы крестьян, считал его крестьянином, ведущим хозяйство фермерского типа, более слабого по мощности и меньшего по количеству в сравнении с хозяйством кулака в царской России [1, с. 10—12; 2, 32—34, 39—40].

Позицию В. П. Данилова разделял Н. Я. Гушин, считавший кулака «особым слоем внутри крестьянства», малочисленным, лично работавшим в своем хозяйстве [3, с. 38—39].

В современной историографии наиболее развернутую характеристику фигуры кулака как реального персонажа деревни времен НЭПа дала Г. Ф. Доброноженко, выступившая против получивших в 1990-е гг. широкое распространение в литературе понятий «кулацко-зажиточные» и «зажиточные хозяйства (слои деревни, крестьяне)», вместо традиционных для советской историографии «кулацких» [4, с. 38—41].

Начиная с эпохи «гласности» в СССР и до настоящего времени значительная группа исследователей считает, что в годы НЭПа в советской деревне кулака как реальной фигуры не существовало. Это был миф, «идеологический персонаж», «сконструированный в большевистской идеологии» в рамках «классового подхода» [5, с. 170; 6, с. 143—149; 7, с. 194]. Данная позиция обосновывается исследователями на региональных материалах, которые указывают на факт отсутствия в советском законодательстве четких критериев для определения кулацких хозяйств, а имевшиеся позволяли отнести к кулацким чуть ли «не каждый третий крестьянский двор», «любого крестьянина, если дом у него был получше, чем у соседа, ко-

рова поупитаннее, лошадь посильнее» [8, с. 19; 9, с. 196—197; 10, с. 148; 11, с. 56]. Из зарубежных исследователей подобную позицию разделял М. Левин [12, с. 51].

Ряд исследователей дали характеристику социальных групп крестьянства в нэповской деревне, отойдя от традиционных для историографии социально-экономических критериев. За основу они взяли «массовое сознание сельского населения», «поведенческие критерии», основанные на настроениях крестьян, их поведении в годы НЭПа.

Например, В. В. Кабанов выделил 5 социальных типов: 1) «ничего не понявшие в происходящем»; 2) «те, кто искренне встретил и принял революцию, поверил в ее идеалы, поддерживал советскую власть»; 3) «те, кто хорошо усвоил исходный постулат марксизма — разрушить старое до основания»; 4) выдвиженцы; 5) «раскаившиеся от содеянного». Автор считал возможным сочетание 2, 3 и более признаков названных групп. При этом он указывал, что предложенная большевиками схема («кулаки — середняки — бедняки — батраки») была им необходима для проведения в деревне «классовой политики» [13, с. 112—114].

Д. Х. Ибрагимова определила различные социальные группы крестьян в годы НЭПа на основе анализа их писем в «Крестьянскую газету», установив сложный, «мозаичный» облик нэповской деревни, наличие в ней сторонников идей «скорейшего социализма», с одной стороны, и «американизации» (стремления к фермерскому типу хозяйствования, к «естеству рынка») — с другой. Причем последних было большинство [14, с. 104—105].

В современной историографии по-разному оценивается факт и последствия «осереднячивания» нэповской деревни. В. П. Данилов акцентирует внимание на его позитивной стороне: уменьшении численности бедноты и кулачества, превращении середняцких хозяйств в главную производительную силу деревни, имевшую потенциал при условии их вовлечения в кооперацию, поддерживаемую государством. В данном кон-

тексте автор считает, что в годы НЭПа была возможной реализация на практике «ленинского кооперативного плана» как альтернативы сталинской коллективизации [15, с. 639—640].

Иной позиции придерживаются С. А. Есиков, В. А. Ильиных, Н. Л. Рогалина и др. На региональных материалах, подтверждая факт «осереднячивания» деревни в 1920-е гг., они указывают, что нивелирование, равнение произошло по нижней границе уровня обеспеченности средствами производства (рабочим скотом, землей, сельскохозяйственными орудиями) и прожиточного уровня [16, с. 38—39; 17, с. 128—134; 18, с. 62—63]. Поэтому следует говорить не об «осереднячивании», а об «обеднячивании» деревни и даже ее архаизации с точки зрения товарности сельскохозяйственного производства, удовлетворения нужд городского населения и промышленности [19, с. 43]. Именно данные обстоятельства в конечном итоге предопределили сталинскую коллективизацию.

По мнению В. В. Кабанова, она оказалась не случайной и потому, что в годы НЭПа из-за проводившейся большевиками «классовой политики» не смог проявить себя в должной мере потенциал крестьянской кооперации. Кооперация превратилась в бюрократический орган по неэффективной поддержке бедноты и выполнению различных государственных заготовок сельхозпродукции. По сравнению с дореволюционной кооперацией в ней не осталось ничего «крестьянского»: добровольности при создании кооперативов, хозяйственной самостоятельности, паевого участия предприимчивых крестьян [13, с. 139—144].

С опорой на имеющиеся в историографии знания, а также новые архивные документы можно охарактеризовать социальную структуру и социальные отношения в нэповской деревне в первой половине 1920-х гг. Наиболее достоверными являются данные, полученные органами Народного комиссариата финансов СССР, на основе которых Наркомфином исчислялись налоги на крестьянские хозяйства. Их размеры были напрямую связаны с оценкой производственных возможно-

стей крестьянских хозяйств («средств производства»). Такие определялись по размеру пашни и находящейся в пользовании хозяйств земли, по их обеспеченности рабочим и продуктивным скотом и доходу [20, с. 124]. Они показывали реальное расслоение крестьянства, принадлежность крестьянских хозяйств к разным социальным группам. Как правило, по посевам и скоту определяли расслоение крестьян в нэповской деревне большинство исследователей [21, с. 11, 16; 22, с. 267—268] (табл. 1, 2).

Приведенные в таблицах данные (с принципиальными отличиями) свидетельствуют, что в первой половине 1920-х гг. нэповская деревня представляла собой океан мелких натурально-потребительских хозяйств, большинство которых (70%) имели посевы от 1 до 6 дес. и 1—2 головы скота (лошадь и корову, или 1 лошадь, или 1 корову). В сравнении с 1917 г. (табл. 1) в этот период в 2,7 раза уменьшилось число беспосевных хозяйств, в 2,1 раза — число хозяйств с посевом до 1 дес. То есть сократилось число самых бедных деревенских семейств. Вместе с тем стало меньше хозяйств, имеющих от 2 до 4 и более голов скота (табл. 2). Налицо «обеднячивание» советской деревни по сравнению с дореволюционной. Результаты крестьянской революции 1917 г. и советской аграрной политики по наделению крестьян бывшей частновладельческой и государственной землей оказались весьма скромными. Они поравняли по низшему уровню крестьянские хозяйства, увеличив их землепользование в рассматриваемый период в среднем на 0,9 дес. на одно хозяйство. Рост численности крестьянского населения привел к тому, что средняя прибавка надельной удобной земли на хозяйство сократилась в 1926/27 г. до 0,5 дес., сведя на нет земельные приобретения крестьянства в ходе аграрной революции. При этом стоимость капиталов в среднем на хозяйство составила 83,3% от уровня 1913 г., а стоимость сельскохозяйственного инвентаря — 64,3% [23, с. 196; 24, с. 43].

Таблица 1

«Распределение крестьянства по СССР за 1924 г.»* (по данным НКФ СССР), %

Группы хозяйств по посева	% хозяйств по группе	% площади по группе	На хозяйство дес. посева	% хозяйств без рабочего скота	% хозяйств без коров
Без посева	4,3 (в 1917 г. — 11,5)	—	—	86,8	63,5
До 1 дес.	13,7 (в 1917 г. — 28,7)	3,0	5,7	66,2	39,9
От 1 до 2 дес.	23,4	11,4	1,6	44,7	29,4
От 2 до 3 дес.	19,6	15,3	2,5	32,4	23,5
От 3 до 4 дес.	13,2	14,3	3,6	25,0	19,2
От 4 до 6 дес.	13,8 (в 1917 г. — 14,7)	20,7	5,0	19,2	16,1
От 6 до 10 дес.	8,5 (в 1917 г. — 11,1)	19,8	16,2	13,1	12,2
От 10 до 16 дес.	2,6 (в 1917 г. — 3,9)	9,7	12,4	14,7	16,0
Свыше 16 дес.	0,9	5,8	21,8	1,7	2,4
<i>Всего</i>	100,0	100,0	3,3	36,7 (в 1917 г. — 28,8)	25,6 (в 1917 г. — 18,2)

* Название таблицы в документах НКФ СССР.

Источник: [74, ф. 7733, оп. 3, д. 889, л. 76].

Таблица 2

**Группировка крестьянских хозяйств
по обеспеченности рабочим скотом в 1917—1925 гг., %**

Годы	Доля крестьянских хозяйств				
	Без скота	Со скотом			
		1 голова	2 головы	3 головы	4 головы и более
1917	29,0	49,2	17,0	3,4	1,4
1920	27,6	63,6	7,9	0,7	0,2
1922	39,0	51,4	7,8	1,1	0,7
1923	37,2	53,6	7,6	1,1	0,5
1924	36,3	54,0	8,1	1,1	0,5
1925	34,5	53,6	9,5	1,6	0,7

Источник: [17, с. 131].

Кулак

Как видно из цифр таблиц 1 и 2, в нэповской деревне возродились уничтоженные в годы Гражданской войны крестьянские хозяйства, по оснащенности посевами и скотом напоминавшие кулацкие хозяйства времен столыпинской аграрной реформы. В середине 1920-х гг. в выступлениях и публикациях партийных функционеров, аграрников-марксистов они назывались «мелкокапиталистическими» хозяйствами «кулацко-предпринимательского», «промышленного типа» и т. д. [25, с. 28—43].

Но ситуация на этом «верхнем социальном полюсе» деревни в указанный период была несколько иной, чем в дореволюционный период: число хозяйств с посевами от 4 до 16 дес., особенно с посевами свыше 10 дес., уменьшилось (табл. 1). Согласно всесоюзной статистике, лишь 1,4% крестьянских хозяйств имели посева от 16 дес. и выше. Их доход превосходил середняцко-бедняцкий в 2—4 раза [26, с. 144—146; 27, с. 71].

В первой половине 1920-х гг. и в последующий период многопосевные и многолошадные дворы, использовавшие разрешенные советским законодательством аренду и наемный труд, а также развивавшиеся в направлении усиления хозяйственной мощи середняцкие хозяйства стали предметом острых дискуссий советских и партийных работников, ученых-экономистов, крестьянских масс. Дискуссия разворачивалась вокруг вопроса о так называемой «кулацкой опасности», носителями которой партийными функционерами объявлялись вышеназванные хозяйства и предпринимательно активная часть крестьянства.

Парадокс состоял в том, что в советском законодательстве в рассматриваемый период не были определены признаки класса «кулаки» и не был закреплён его социально-правовой статус. Место «кулаков» занимали «лишенцы» — лишённые избирательных прав зажиточные крестьяне, прибегавшие к наемному труду «с целью наживы», жившие на нетрудовые доходы, занимавшиеся торговлей, платившие повышенные ставки по сельскохозяйственному налогу.

Видные деятели большевистской партии по-разному оценивали данных крестьян и их успешные в производственном плане хозяйства. Например, Л. Д. Троцкий, К. Б. Радек, Ю. М. Ларин, Н. К. Крупская, экономист-большевик Е. А. Преображенский и др. называли их «кулаками», «сельской буржуазией», «мелкими капиталистами», «эксплуататорами», «чуждым эксплуататорским элементом» и видели в усилении их экономического веса в деревне опасность «мужицкого термидора» и реставрации в СССР капиталистических отношений. С этих позиций они критиковали своих оппонентов в большевистской партии, обвинив их на XIV съезде ВКП(б) в «кулацком уклоне» («объединенная оппозиция») [4, с. 154; 28, с. 141—142; 29, с. 246, 255; 30, с. 8; 31, с. 167; 32, с. 23, 119]. Для них кулак в советской деревне был однозначно «враждебной силой», «классовым врагом» [33, с. 164, 168; 34, с. 64—65].

Иначе считали оппоненты «объединенной оппозиции» — Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, А.И. Рыков и другие видные большевики и партийные публицисты. Например, «всесоюзный староста» М.И. Калинин утверждал, что «кулак — это жупел», «призрак старого мира» [35]. О том, что «кулаков-ростовщиков почти нет в современной деревне», заявлял партийный публицист В. Богушевский [36, с. 59—64].

По мнению Н.И. Бухарина, в нэповской деревне выделение зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев — с другой, не представляло угрозы для советской власти, поскольку этот процесс сдерживали такие факторы, как «изъятие земли из товарооборота и ее национализация», «наличие пролетарской власти и помощь середняку и бедноте», «командные высоты» в экономике (монополия внешней торговли и др.), «становящаяся сильнее кооперация» [37, с. 144, 181—182, 258; 38, с. 48—50]. Он считал, что «зжиточный, использующий наемную рабочую силу, при условии соблюдения советских законов (Временных правил по использованию наемного труда в крестьянском хозяйстве)» не является кулаком [39, с. 21]. Аналогичной позиции придерживался А.И. Рыков [28, с. 83—84]. Нарком земледелия СССР А.П. Смирнов выдвинул «теорию» «зжиточного хозяйства» и призывал разделять «действительного кулака, ведущего в деревне злостную эксплуатацию», «и крепкое трудовое крестьянское хозяйство» [40, с. 24—25; 41, с. 4—5].

В целом позиция Н.И. Бухарина и его сторонников в вопросе о кулаках состояла в том, что недопустимо «смешивать кулака и крепкое трудовое крестьянство», в интересах подъема сельскохозяйственного производства следовало изменить политику советской власти в отношении богатых крестьян, что позволило бы не только увеличить общенациональный доход, но и повысить «материальные возможности поддержки маломощных бедняцких хозяйств» [4, с. 141; 28, с. 83—84].

В 1924 г. на страницах газеты «Беднота» развернулась дискуссия на тему «Кого считать кулаком, кого — тружеником? Что говорят об этом крестьяне?». Значительное число ее участников высказало мнение, что нельзя причислять крестьянские хозяйства к кулацким лишь по имущественному признаку. Такой подход подрывал интерес крестьян к улучшению хозяйства «за счет железной силы воли и энергии» [42, с. 57]. Как правило, признаками кулацких хозяйств крестьянские корреспонденты называли «наличие эксплуатации чужого труда, жизни на чужой счет», «на нетрудовой доход», а также занятие торговлей [42, с. 27, 29—30, 52, 54, 68, 78]. При этом отмечалось: «В своей деревне всякий крестьянин очень хорошо знает, кто как нажил состояние: своим ли трудом или чужим» [42, с. 55]. В ходе дискуссии получило распространение мнение о том, что не тот кулак, «кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны приобретением лишней головы скота и тому подобное», а тот, кто и «не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, шипя из-за угла на власть и оплакивая сладкие николаевские булки» [42, с. 49].

В 1920-е гг. состоялась дискуссия о дифференциации крестьянства и социальной идентификации сельской буржуазии между учеными-экономистами. Представители «организационно-производственной школы» (А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. Н. Челинцев), придерживавшиеся концепции потребительски-трудовой природы крестьянского хозяйства, выдвинули многофакторную схему дифференциации крестьянства по производственно-демографическим и социально-классовым признакам. Главной причиной неоднородности крестьянских хозяйств они считали демографические процессы [4, с. 172]. Основным признаком кулацкого хозяйства, отличающим его от зажиточного хозяйства, они определяли «наличность в хозяйстве наемного труда, привлекаемого не в помощь своему, а как база для получения нетрудовых доходов, а также наличие кабальных аренд и ростовщического кредита» [22, с. 417, 426].

А. В. Чаянов выдвинул «шестизвенную» классификацию крестьянских хозяйств в годы НЭПа: кулацко-ростовщические; крупные полукапиталистические, применяющие наемный труд; зажиточные семейно-трудовые; мелкие и бедные капиталом семейно-трудовые; бедняцкие, вынужденные продавать свою рабочую силу; полупролетарские, получающие главную часть дохода с заработной платы [43, с. 385—386].

Мнение о кулаке и расслоении в нэповской деревне высказали ученые-аграрники либерального направления (Б. Д. Бруцкус, С. Н. Прокопович, А. Н. Литошенко), объединившиеся в 1920-е гг. вокруг журнала «Экономист», издававшегося в СССР, а также журналов «Экономический вестник», «Русский экономический сборник», издававшихся за границей. По мнению Б. Д. Бруцкуса, «о превращении трудовых хозяйств в капиталистические хозяйства не может быть и речи» [44, с. 6; 45, с. 36]. С. Н. Прокопович отрицал «классовый характер дифференциации» крестьянства в годы НЭПа [46, с. 66—78]. Л. Н. Литошенко отмечал, что «основная грань между капиталистическим предприятием и некапиталистическим» в советской деревне проходила по линии «приобретательского и потребительского хозяйства». Главную задачу власти он видел в «увеличении производительности сельского труда», в «ставке на сильное хозяйство», на «развитие потребностей» крестьянских хозяйств, их превращение в хозяйства приобретательского типа [47, с. 193—194; 48, с. 35—36].

Во второй половине 1920-х гг. директором Аграрного института Комкадемии Л. Н. Крицманом формулируется концепция «чистого» товарно-капиталистического развития деревни, высокой степени классового расслоения советского крестьянства. Его поддерживали экономисты-марксисты И. Д. Верменичев, А. И. Гайстер, М. В. Сулковский, М. И. Кубанин. Представители «школы Крицмана» автоматически переносили ленинский анализ классовой дифференциации при капитализме на нэповскую деревню, заявляя, что «крестьянство перестает существовать, превращаясь, с одной стороны, в пролетариат, а

с другой стороны, в буржуазию», и одновременно расслаивается на группы и классы, свойственные капиталистическому обществу [49, с. 69]. В понятие «капиталистические слои» Л. Н. Крицман включал и зажиточных середняков, употребляя в отношении них термин «скрытый капиталист, «становящийся кулак», «кандидат в крестьянские капиталисты» [50, с. 27, 120; 51, с. 1342]. Данную позицию Крицмана разделял Ю. Ларин, заявляя, что зажиточный крестьянин — это «кулак в динамике», хозяйство которого развивается в сторону кулацкого [52, с. 59—60].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в доколхозной деревне кулак — это реальность, хотя и демонизированная советской властью и историографией, сведенная к образу свирепого мужика с обрезом, врага трудового крестьянства и колхозного строительства. В действительности в рассматриваемый период «кулак» — это социокультурное явление, характеризующее интенсивное крестьянское хозяйство, отличное от натурально-потребительского [53, с. 97—100, 147—148]. По данным Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения, основанным на учете облагаемых крестьянских хозяйств по количеству посевов и скота, в 1924 г. кулацких хозяйств оказалось в стране 728 тыс., что составило 3,3 % общей численности единоличных хозяйств (в сравнении с 12—13 % до революции). Данные крестьянских бюджетов Черноземного центра РСФСР за 1924/25 г. показывают, что стоимость средств производства кулацкого хозяйства (скота, сельхозинвентаря, хозяйственных построек) была в 10 раз выше стоимости средств производства бедняцкого и хозяйства в 4 раза выше — середняцкого [54, с. 289].

Для кулака начального периода НЭПа, который зачастую был вчерашним середняком, поднявшимся благодаря своему трудолюбию и налоговым преференциям советской власти, было характерно личное участие его и членов его семьи в хозяйственной деятельности. Иными словами, «советский ку-

лак», разбогатеv в условиях НЭПа, как правило, не утратил привычных для середняка крестьянских трудовых навыков. В большинстве случаев он был непохож на образ дореволюционного кулака — «мироеда», ростовщика и маклака, к которому остальное трудовое крестьянство относилось негативно [6, с. 143—149]. Данный факт отмечали и крестьяне — участники организованной в советской печати в 1924—1925 гг. дискуссии о кулаке. «Эти кулаки дуром ломают работу, ночи не спят за работой во время лета», — говорилось в одном из писем в «Крестьянскую газету» [55, с. 101—102].

В первые годы НЭПа наряду с традиционным наймом бедняков и батраков на сезонные работы широкое распространение среди кулаков получили новые формы извлечения доходов за счет нуждающихся односельчан (в терминологии большевиков — «эксплуатации»): сдача рабочего скота и инвентаря во временную аренду не имевшим их хозяйствам, «испольщина» — обработка земли скотом и инвентарем кулака за половину и более собранного урожая. Пользуясь неспособностью маломощных хозяйств своими силами обрабатывать надельные участки, кулацкие хозяйства активно арендовали их [54, с. 290].

Первая половина 1920-х гг. — время усиления экономических позиций и влияния в советской деревне кулаков и зажиточных крестьян. Происходило это за счет сокрытия посевов от налогового учета, усиления эксплуатации беднейшего крестьянства. Органы ОГПУ фиксировали факты захвата кулаками и зажиточными крестьянами земельных участков бедноты, их самовольного засева, проведения общинных землеустроительных работ в свою пользу. Дело доходило до того, что весной 1923 г. в Тамбовской губернии кулаки через суд возвращали себе участки бедняков, отторгнутые еще в 1917 г. В Дагестане зажиточные крестьяне драли с бедняков «последнюю шкуру» при сдаче в аренду уборочных машин на период уборки [56, с. 77, 102, 109, 131].

В наибольшей степени кулаки и зажиточные кулацкие хозяйства извлекли для себя выгоду в период голода 1924/25 г. В сводках ОГПУ отмечены повсеместные случаи скупки у голодающих крестьян за бесценок скота, имущества, найма за кусок хлеба и мизерную плату на продолжительные работы, выдачи зерна и продуктов под бешеные проценты [56, с. 303—315]. Ситуация в деревне в декабре 1924 г. очень образно описана в одном из перлюстрированных ОГПУ крестьянских писем в Красную армию: «У нас кулацкое засилье... кулаки растут, как поганые грибы после дождя. Увеличивается процент бедноты» [56, с. 264].

Бедняк

Вопрос о бедняке необходимо рассматривать в контексте дискуссии о социальной базе сталинизма. В историографии доказано, что эта база была и ее основу составляла сельская бюрократия и часть поддерживающей ее бедноты и середняков, особенно молодого поколения.

В конце июля 1929 г. ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Е. И. Вегер, выступая на заседании Политбюро ЦК, отмечал: «Застрельщиком коллективизации, по преимуществу, является беднота. Вот что говорят об этом сами крестьяне: “Середняк, он еще может самостоятельно существовать, а нас (бедняков) нужда в коллектив гонит”» [57, с. 11].

Факт активного участия бедноты в сталинской коллективизации и раскулачивании односельчан не нуждается в доказательстве. Но он не дает оснований для утверждения о поддержке политики власти всей крестьянской беднотой. Не случайно сталинская пропаганда ввела термин «подкулачник», обозначая им тех представителей бедняков и батраков, кто защищал раскулаченных и противодействовал выполнению государственных поставок сельхозпродукции как в колхозах, так и своих единоличных хозяйствах. Тем не менее, хотя не вся

деревенская беднота участвовала в раскулачивании, именно она стала одним из важных инструментов насилия над крестьянством накануне и в период коллективизации.

Например, во время хлебозаготовок часть бедноты поддерживала реквизиции хлеба у зажиточных крестьян, чтобы не допустить спекуляции им на рынке и использовать для собственных нужд [58, с. 52]. Для многих батраков не было особой разницы, на кого работать — на государство или на зажиточных крестьян. Поэтому они поддерживали создание колхоза в деревне, рассчитывая за его счет улучшить свое положение. «Пусть мы все будем работать на государство, а нам дают норму хлеба, кормят нас», — говорили они [58, с. 52].

Многие бедняки и батраки были готовы к раскулачиванию более успешных односельчан из-за накопившихся обид. Грубо-барское пренебрежение, отсутствие сострадания к ним были нередким явлением в повседневной жизни доколхозной деревни. Они проявлялись и со стороны крестьян-середняков, которые дистанцировались от бедных крестьян и считали их «пьяницами», «лентяями» и т. п. [58, с. 55].

На первый взгляд, для подобного отношения к бедноте у зажиточных крестьян были основания. Среди бедноты было немало и пьяниц, и лодырей. Но с другой стороны, значительную ее часть составляла деревенская молодежь, молодые семьи, еще не вставшие на ноги. И на них нельзя было навесить такие ярлыки хотя бы потому, что в 1926 г. более 50% крестьянского населения страны составляли люди в возрасте до 25 лет.

Японский исследователь Хироси Окуда аргументированно доказал тезис о том, что накануне коллективизации в советской деревне процесс ее «раскрестьянивания» особенно затронул деревенскую молодежь. Многие ее представители связали свою жизненную карьеру с сельским комсомолом, советом, сельской ячейкой большевистской партии. Они отказывались от сохи ради «портфеля». Им оказались ближе идеи культур-

ной революции, индустриализации и коллективизации, чем беспросветный труд на клочке земли своего индивидуального хозяйства [59]. Сельские девушки предпочитали активиста трудолюбивым парням из зажиточных крестьянских хозяйств. Сталинская коллективизация создала в деревне множество новых должностей (в колхозах, советах, партии и т.д.). Она освобождала от тяжелого крестьянского труда десятки тысяч сельских активистов. Поэтому они и поддержали ее и стали социальной базой и инструментом сталинизма в деревне [60, с. 495—527].

Таким образом, крестьянское общество накануне коллективизации было расколото на сторонников и противников политики власти. Его меньшая часть в лице сельской бюрократии и связанной с ней бедноты, в большинстве своем из молодежи, выступила в роли сталинских опричников. Их интересы совпали с интересами сталинского режима, который стимулировал их с помощью «материальной заинтересованности» (передачи активистам имущества раскулаченных), поощряя самые низменные человеческие инстинкты — зависть, месть и т.д. Поэтому они наравне с ним несут ответственность за все ужасы и последствия его политики.

На VII сессии Всесоюзного совета колхозов 1929 г. Микоян заявил: «В деревне мы имеем громадную политическую опору. Даже в самый трудный момент основная масса крестьян была и будет за советскую власть, против кулаков» [61, с. 182—183].

С учетом сказанного выше эти слова одного из ближайших сталинских сподвижников верны лишь отчасти и относятся только к сторонникам сталинского курса в деревне. Подавляющая же масса советского крестьянства была против него и не желала коренной ломки устоявшегося уклада жизни. Она была просто не готова к коренным переменам.

Об этом свидетельствует опыт колхозного движения в советской деревне в годы НЭПа. Вопреки объявленному в 1927 г.

курсу на поощрение колхозного строительства крестьяне не шли в колхозы. С 1927 по 1928 г. численность колхозников увеличилось всего на 1% — с 0,9% до 1,9%. Нежелание крестьян идти в колхозы объяснялось тем, что, несмотря на коллективный характер землевладения (община), землепользование традиционно носило индивидуальный (семейный) характер. Кроме того, доколхозной деревне был хорошо известен негативный опыт существовавших коммун и всевозможных артелей, которые либо разорялись, либо находились на содержании у государства [61, с. 159; 62, с. 93]. В этой ситуации и началась сталинская сплошная коллективизация на основе политики раскулачивания.

Таким образом, в годы НЭПа в советской деревне социальная структура напоминала дореволюционную. В ней отсутствовали помещики и частные собственники земли, но по-прежнему были представлены основные социальные группы: кулаки, середняки, бедняки. Основную массу составляли середняки («обедневшие» по сравнению с дореволюционным периодом), более одной трети — беднейшее крестьянство (без посева или с посевом до 2 дес., без скота или с 1 коровой и 1 лошастью) и чуть больше 3% — кулаки [63, с. 74; 64, с. 133, 139, 141]. В условиях НЭПа происходил процесс расслоения крестьянства: увеличение числа кулацких и зажиточных семейно-трудовых хозяйств и под влиянием советской аграрной политики (налоговые льготы и т. д.) сокращение числа бедняцких хозяйств.

«Кулацкий террор»

При огромном количестве публикаций в отечественной и зарубежной историографии на тему взаимоотношений крестьянства и власти в Советской России, в настоящее время буквально по пальцам можно пересчитать публикации, непосредственно посвященные так называемому «кулацкому террору» и «вредительству» в советской деревне.

Это прежде всего работы О. Б. Мозохина [65] и некоторых других авторов. Из зарубежных исследователей можно отметить публикации Р. Маннинг [66] о процессах вредителей в 1937 г. в Бельском районе Смоленской области, М. Левина о ситуации в деревне в период коллективизации и др. [67]. Но все же обобщающего монографического исследования, основанного на анализе разнообразной и достоверной источниковой базы по рассматриваемой проблеме, до сих так и не появилось.

Между тем в историографии накоплен значительный фактический материал, заслуживающий доверия, содержащий информацию о феномене, если так можно выразиться, «кулацкого террора» и «вредительства» в советской деревне. Кроме вышеупомянутых трудов российских и зарубежных историков это сборники документов серий «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание», «Лубянка — Сталину: ОГПУ о положении в стране» и др. [68, с. 5—32]. Отмечу, что перечисленные и другие издания реализованы Институтом российской истории РАН. Автор статьи принимал участие в вышеназванных документальных изданиях, а также затронул рассматриваемую проблему в ряде авторских работ [69, с. 3—13].

Итак, что же такое «кулацкий террор» в советской деревне с точки зрения накопленного исследователями фактического материала, заслуживающего доверия?

Прежде всего, современные знания о проблеме позволяют определить правомерность и реальное содержание применявшейся советской властью терминологии, характеризующей использование советскими крестьянами методов насилия по отношению к представителям власти в рассматриваемый период.

Был ли «кулацкий террор» как именно кулацкий? Да, был, потому что, как уже отмечалось, в советской деревне кулак был реальной фигурой, хотя не такой, как до революции и Гражданской войны.

Можно ли все факты террора против представителей советской власти в деревне свести к «кулацкому террору»? Нет. Документы свидетельствуют, что в категорию лиц, отнесенных к осуществляющим «кулацкий террор», репрессивными органами власти зачислялись все совершившие подобные действия крестьяне, многие из которых по своему имущественному положению не являлись кулаками.

Подтверждением сказанного может быть изученная и введенная в широкий научный оборот О. Б. Мозохиным статистика арестованных в 1928—1940 гг. в советской деревне по линии ОГПУ лиц, отнесенных ОГПУ к различным категориям сельского населения: кулакам, середнякам, беднякам (табл. 3).

Таблица 3

**Статистика репрессий против крестьянства в СССР
в 1928—1940 гг.**

Год	Всего арестовано по линии ОГПУ	По социальному составу	% к общему числу арестованных
1923	104520	Крестьян — 38 416	36,7
1924	92849	Крестьян — 32 153	34,6
1925	72653	Крестьян — 26 106	36,0
1926	71435	Кулаки — 1116 Средняки — 6750 Бедняки — 8167 Итого: 16 033	1,5 9,4 11,4 Итого: 22,4
1927	88130	Кулаки — 2137 Средняки — 10 069 Бедняки и батраки — 10 919 Прочие крестьяне — 477 Итого: 23 602	2,4 11,4 12,3 0,5 Итого: 26,7
1928	148975	Кулаки — 8280 Средняки — 14 934 Бедняки и батраки — 13 025 Итого: 36 239	5,5 10,0 8,7 Итого: 24,3

Продолжение табл. 3

Год	Всего арестовано по линии ОГПУ	По социальному составу	% к общему числу арестованных
1929	219862	Кулаки — 49 949 Средняки — 33 411 Бедняки и батраки — 16 302 Итого: 99 662	22,7 15,1 7,4 Итого: 45,3
1930	399445	Кулаки — 148 297 Средняки — 56 770 Бедняки и батраки — 17 143 Колхозники — 218 Работники совхозов — 142 Итого: 222 570	37,1 14,2 4,3 0,05 0,03 Итого: 55,7
1931	479065	Кулаки — 35 229 Колхозники — 12 869 Единоличники — 8425 МТС и МТМ — 1065 Совхозы — 3950 Итого: 61 538	26,8 9,8 6,4 0,8 3,0 Итого: 47,0
1932	486497	Кулаки — 92 181 Средняки-единоличники — 50 654 Колхозники — 30 249 Бедняки — 14 907 Итого: 187 991	18,9 0,4 6,2 3,1 Итого: 38,6
1933	505256	Кулаки — 127 847 Колхозники — 64554 Средняки — 60 592 Бедняки — 18 055 Итого: 271 048	25,3 12,8 12,0 3,6 Итого: 54,0
1934	205173	Кулаки — 32 883 Колхозники — 26 571 Средняки — 24 721 Бедняки — 9184 Итого: 93 359	16,0 13,0 12,0 4,5 Итого: 45,5

Окончание табл. 3

Год	Всего арестовано по линии ОГПУ	По социальному составу	% к общему числу арестованных
1935	193083	Колхозники — 26 193 Единоличники — 32 383 Итого: 58 576	13,5 16,8 Итого: 30,3
1936	131168	Колхозники — 12 869 Единоличники — 8425 Итого: 21 294	9,8 6,4 Итого: 16,2
1937	936750	Бывшие кулаки — 370 422 Единоличники — 27 209 Колхозники — 41 617 Итого: 439 248	39,5 2,9 4,4 Итого: 46,8
1939	145407	Бывшие кулаки и др. — 11 358 Колхозники — 3072 Единоличники — 4603 Итого: 19 033	7,8 2,1 3,1 Итого: 13,1
1940	132958	Бывшие кулаки и др. — 20 606 Колхозники — 6267 Единоличники — 16 121 Итого: 42 994	15,4 4,7 12,1 Итого: 32,3

Источник: [65, с. 353—480].

Приведенные в таблице цифры свидетельствуют, что по линии ОГПУ — НКВД в довоенный период было арестовано по обвинениям в антисоветской деятельности 1 689 862 «кулака», середняка, бедняка, колхозника, «бывших кулака». Из них по категориям было арестовано: «кулаков» (в том числе «бывших») — 866 587 чел. (51,2%), середняков — 251 151 чел. (14,8%), бедняков и батраков — 107 702 чел. (6,4%), колхозников и рабочих совхозов — 229 936 чел. (13,6%). В итоговой цифре особо выделяются две составляющие. Это крестьяне, арестованные в период коллективизации и голода 1932—1933 гг., и так называемые «бывшие кулаки», арестованные в

год «большого террора» (1937 г.). Пик крестьянских арестов пришелся на три года: 1930 г. — 222 570 арестов, 1933 г. — 271 048 арестов, 1937 г. — 439 248 арестов.

Причины «кулацкого террора», его масштабы и региональные особенности основательно изучены в историографии. В реальности это был не «кулацкий», а крестьянский или общекрестьянский террор. Но если быть еще точнее, то это была крайняя форма крестьянского недовольства и сопротивления проводимой в деревне насильственной коллективизации и принудительным заготовкам сельскохозяйственной продукции. Использование же властью термина «кулацкий террор» для характеристики этого явления было обусловлено желанием затушевать его масштабы, то есть степень крестьянского недовольства аграрной политикой государства. А это недовольство, даже по официальной статистике, убедительно подтверждал его значительный размах и общекрестьянский характер. В частности, по данным ОГПУ, в период с 1930 г. по 1-й квартал 1932 г. в массовых выступлениях в деревне на почве недовольства политикой власти (13 893 выступления) приняло участие 2 млн 475 тыс. крестьян [70, с. 803—804; 71, с. 350].

Был ли «кулацкий», «крестьянский» террор политическим? Нет, если иметь в виду осознанную деятельность, наличие четкой политической программы и организованных структур для ее выполнения. Попытки спецслужб (ВЧК — ОГПУ — НКВД) найти следы политических организаций в советской деревне (партий, заграничных центров и т. п.) не увенчались успехом или выглядят откровенно неубедительными. В частности, политическим в доколхозной деревне было объявлено крестьянское движение за Крестьянский союз. Но оно никак не было связано с актами крестьянского террора в советской деревне [72, с. 18—25].

Таким образом, «кулацкий террор» — это насильственная форма стихийного протеста всех категорий крестьян против антикрестьянской политики советской власти.

Социцид раскулачивания

В ходе сплошной коллективизации под нож сталинской бюрократически-репрессивной машины попали миллионы самых трудолюбивых крестьян. Их раскулачили ради запугивания остальных, чтобы те не сомневались и безропотно шли в колхоз. Об этом написано много серьезных аналитических работ (Н. А. Ивницкий, Н. Я. Гущин и др.). В них определены основные этапы и формы раскулачивания. На первом этапе, в 1930 г., под раскулачивание попали зажиточные крестьяне-единоличники, которых не только лишили хозяйства, но и выслали из деревни в «кулацкую ссылку». На втором этапе, в 1931—1933 гг., «раскулачивали» уже колхозников и единоличников не как «кулаков-эксплуататоров», а как «саботажников» хлебаготовок и других обязательных поставок сельхозпродукции государству. Таким образом, термин «кулак» приобрел новое содержание — «противник колхозного строя». Исключенных из колхоза «кулаков» и сорвавших выполнение государственных планов единоличников выслали из деревни в отдаленные и труднодоступные районы страны, так же как и кулаков «первой волны». О масштабах раскулачивания и «кулацкой ссылке» свидетельствуют следующие данные (табл. 4).

Таблица 4

Раскулачивание и выселение крестьян в СССР в 1930-е гг.

Год	Выселено человек
1930	750 тыс.
1931	1,3 млн
1932	71,2 тыс.
1933	268,1 тыс.
1934	24,2 тыс.
1935	66,7 тыс.
Всего	Около 4 млн

Составлено по: [57, с. 130—131, 215, 218, 221—224, 240; 75, с. 186].

По подсчетам Н. А. Ивницкого, приведенным в таблице, за период с 1929 по 1937 г. в ходе коллективизации было раскулачено (административно-репрессивными и экономическими методами) не менее 1 млн крестьянских хозяйств, в состав которых входило 5—6 млн человек, причем только незначительная их часть принадлежала к эксплуататорскому слою деревни. Более трети раскулаченных, или 2 млн 140 тыс. человек, было депортировано в 1930—1933 гг. А всего с начала раскулачивания и до Великой Отечественной войны было выслано около 4 млн человек (вместе с освобожденными из тюрем и концлагерей и высланными в спецпоселки) [57, с. 257].

«Кулацкая ссылка» — одна из самых трагических страниц в истории советской деревни. Она активно изучалась и изучается современными исследователями. Основными регионами вселения раскулаченных являлись Северный край, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Кроме того, часть раскулаченных расселялась в засушливых неплодородных степях Северного Кавказа, южной Украины, а также в горных районах Средней Азии. В этих регионах сосланные крестьяне жили в спецпоселках и имели статус спецпереселенцев. Их дешевая рабочая сила использовалась как для промышленного, так и сельскохозяйственного освоения по существу безлюдных таежных и горных районов советской страны. Положение ссыльных мало отличалось от положения заключенных, а нередко было и хуже. Только за два года (1931—1932) численность спецпереселенцев в «кулацких» спецпоселках сократилась с 1,8 млн человек до 1,4 млн (по другим сведениям — до 1,3 млн человек). Как свидетельствуют документы, сотни тысяч крестьян умерли от голода и болезней [57, с. 257]. Широко известным фактом в литературе является «назинская трагедия», когда в мае — июне 1933 г. на одном из островов в среднем течении Оби из 6 тыс. спецпереселенцев от холода, голода и эпидемий погибло около 2 тыс. человек, а сам остров был назван «островом людоедов» [73, с. 59].

Раскулачивание как осознанную политику власти, направленную на устранение из деревни значительной социальной группы крестьян — противников коллективизации, создание для нее в кулацкой ссылке тяжелых условий для выживания, можно назвать социоцидом. В данном случае речь идет о результате политики раскулачивания для советской деревни, насильственном сломе ее традиционной социальной структуры.

В годы НЭПа социальная структура советской деревни оставалась традиционной, но изменившейся по качественному содержанию. Произошло ее «осереднячивание», но на более низком по сравнению с дореволюционным периодом хозяйственном уровне («обеднячивание»). Сократилась численность двух полярных групп — кулачества и бедноты, между которыми не возникло антагонизма. Хотя часть бедноты поддерживала коллективизацию и принимала в ней участие, основная масса крестьян была против нее, наиболее ярким свидетельством чего стал «кулацкий террор», представлявший собой форму общекрестьянского сопротивления, в котором кулаки играли активную роль. В этом же ряду массовые выступления крестьян на почве недовольства аграрной политикой власти. Раскулачивание стало формой «профилактики» усиливающейся эскалации крестьянского недовольства насильственной коллективизацией. На практике оно вылилось в социоцид значительной массы советского крестьянства.

Статья является апробацией подготовленного автором текста для 13-го тома академической истории России в 20 томах Института российской истории РАН.

Список источников и литературы

1. *Документы* свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989.

2. *Коллективизация: истоки, сущность, последствия*. Беседа за «круглым столом» // ИСССР. 1989. №3.

3. *Гущин Н. Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928—1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.

4. *Доброноженко Г. Ф.* Кулак как объект социальной политики в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008.

5. *Соловьев Э. Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990.

6. *Анфимов А. М., Вылцан М. А.* Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества: межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 1992.

7. *Таранин А. Б., Узрватов А. П.* Дума о кулаке. Кулачество в общественном сознании и политике 20-х годов // ЭКО. 1997. № 1.

8. *Савельев С. И.* Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994.

9. *Иванов А. Б.* Кулацкие хозяйства Ивановской промышленной области накануне коллективизации: характеристика и численный состав // «От мудрости до святости былого» // VII Тихомировские чтения: тез. докл. Ярославль, 1999.

10. *Околотин В. С.* Власть и налоги: Ивановская промышленная область, 1929—1936. Иваново, 2002.

11. *Есиков С. А.* Российская деревня в годы НЭПа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

12. *Современные* концепции аграрного развития: теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4—5.

13. *Кабанов В. В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

14. *Ибрагимова Д. Х.* НЭП и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

15. *Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке. Избр. тр. : в 2 ч. Ч. 2. М., 2011.

16. *Есиков С. А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа (1921—1928 гг.). Тамбов, 2004.

17. *Ильиных В. А.* Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х — 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4.

18. *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010.
19. *Кабанов В. В.* Аграрная революция в России // *ВИ.* 1989. № 11.
20. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу о дифференциации деревни // *Пути сельского хозяйства.* 1927. № 4 (22).
21. *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926.
22. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство: Избр. тр. М., 1989.
23. *Известия ЦК КПСС.* 1989. № 7.
24. *Перспективы развития сельского хозяйства в СССР.* М., 1924. Т. 1.
25. *Доброноженко Г. Ф.* Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX в. — 20-х годах XX в. // *Стратификация в России: история и современность.* Сыктывкар, 1999.
26. *Статистический справочник СССР за 1928 г.* М., 1929.
27. *Роголина Н. Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.
28. *Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков).* М., 1925.
29. *XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б).* М. ; Л., 1926.
30. *Бюллетень оппозиции.* 1929. № 5.
31. *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 :* в 4 т. Т. 3. М., 1990.
32. *Бруцкус Б. Д.* Советская Россия и социализм. СПб., 1995.
33. *Смирнов В. М.* Под знаменем Ленина // *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 :* в 4 т. М., 1990. Т. 3.
34. *Радек К.* Термидорианская опасность и оппозиция // *Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 :* в 4 т. М., 1990. Т. 2.
35. *Известия ВЦИК.* 1925. 22 марта.
36. *Богушевский В. С.* О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии // *Большевик.* 1925. № 9—10.
37. *Бухарин Н. И.* Избр. произведения. М., 1988.
38. *Рыков А. И., Бухарин Н. И.* Партия и оппозиционный блок. 2-е изд. М. ; Л., 1926.

39. *Ларин Ю. М.* Аренда земли и наемный труд // Хозяйство и управление. 1925. № 4.

40. *Смирнов А. П.* Политика Советской власти в деревне и расслоение крестьянства (кулак, бедняк и середняк). М. ; Л., 1926.

41. *Смирнов А. П.* Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства. М., 1925.

42. *Деревня* при НЭПе: Кого считать кулаком, кого — труженником? Что говорят об этом крестьяне? М., 1924.

43. *Чаянов А. В.* Сельскохозяйственная кооперация в СССР // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 41, ч. 3 : Союз ССР.

44. *Бруцкус Б. Д.* Экономические предпосылки возрождения сельского хозяйства // Вестник сельского хозяйства. 1922. № 6—7.

45. *Бруцкус Б. Д.* Аграрное перенаселение и аграрный строй // Сельское и лесное хозяйство. 1922. № 7—8.

46. *Прокопович С. Н.* Типы крестьянского хозяйства и их народно-хозяйственное значение // Русский экономический сборник. Прага, 1925. Вып. 2.

47. *Литошенко Л. Н.* Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. Вестник XI Отдела Русского технического общества. 1922. № 2.

48. *Литошенко Л. Н.* Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923.

49. *Анисимов А., Верменичев И., Наумов К.* К вопросу о социальном составе московской деревни // На аграрном фронте. 1925. № 5—6.

50. *Крицман Л. Н.* Пролетарская революция в деревне. М. ; Л., 1929.

51. *Выступление Л. Н. Крицмана на XV съезде* // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии : стеногр. отчет. М., 1963.

52. *Ларин Ю. М.* Советская деревня. М., 1925.

53. *Зажиточное* крестьянство России в исторической ретроспективе // XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщ. М., 2000.

54. *История советского крестьянства.* Т. 1 : Крестьянство в первое десятилетие Советской власти, 1917—1927. М., 1986.

55. *Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг.* М., 1997.

56. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД.* Документы и материалы : в 4 т. М., 2000. Т. 2 : 1923—1929.

57. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.

58. *Воронков Б. О.* Крестьянство Центрального Черноземья и власть во второй половине 1920-х — первой половине 1930-х гг. Воронеж, 2003.

59. *Мигушенко О. Н.* Молодежь и коллективизация (по материалам Центрально-Черноземной области) // Преподавание истории в школе. 1994. № 5.

60. *Окуда Х.* «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е — начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы международного науч. конф. Москва, 5—7 декабря 2008 г. М., 2011.

61. *Русское крестьянство: этапы духовного освобождения* М., 1988.

62. *Козлов В. А., Хлевнюк О. В.* Начинается с человека: Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988.

63. *Тяжесть обложения в СССР: (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годах) : доклад Комиссии Сов. нар. ком. Союза ССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М., 1929.*

64. *Поляков Ю. А.* Переход к НЭПа и советское крестьянство. М., 1967.

65. *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности: статистические сведения о деятельности ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ СССР (1918—1953). М., 2011.

66. *Маннинг Р.* Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998.

67. *Levin M.* Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975.

68. *Кондрашин В. В.* Историки-аграрники России XX — начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Вып. 1. Прага, 2014.

69. *Кондрашин В. В.* Влияние коллективизации на судьбы России // Российская история. 2018. № 4.

70. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. М., 2000. Т. 2 : Ноябрь 1929 — декабрь 1930.*

71. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. М., 2001. Т. 3 : Конец 1930 — 1933.*

72. *Кондрашин В.В.* Социальная напряженность в советской деревне в годы НЭПа как фактор политической нестабильности и предвестник сталинской коллективизации // Региональное измерение аграрной модернизации России : материалы VIII Всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2020.

73. *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

74. *Российский* государственный архив экономики.

75. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.

В. Н. Томили

Центрально-Черноземная деревня в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Статья посвящена изучению деревни Черноземного центра России в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Рассматриваются вопросы влияния Великой Отечественной войны на сельскохозяйственное производство, а именно на состояние агротехнической культуры и положение колхозников. Особое внимание уделяется вопросу восстановления сельского хозяйства региона после его освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Приводятся материалы, отражающие масштаб помощи, которую оказывали колхозам Центрального Черноземья многие тыловые районы страны.

The article is devoted to the study of the village of the Chernozem center of Russia during the Great Patriotic War and the first postwar years. The author examines the impact of the Great Patriotic War on agricultural production, particularly on the state of agrotechnical practices and the living conditions of collective farmers. Special attention is given to the restoration of agriculture in the region after its liberation from the Nazi occupiers. The article also presents materials that illustrate the scale of assistance provided to the collective farms of the Central Chernozem region by many rear areas of the country.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, колхозы, агротехническая культура, Черноземный центр России

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, collective farms, agrotechnical culture, Chernozem center of Russia

Суровые испытания в годы войны выпали на долю деревень Центрального Черноземья, в состав которого входили Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская области. Уже к концу 1941 г. немецко-фашистские войска захватили бóльшую часть европейской территории нашей страны, в том числе западные районы Центрального Черноземья. Из 66 районов и 23 городов Орловской области только г. Задонск, Задонский и Краснинский районы не подвергались оккупации, то есть фактически почти вся Орловская область временно оказалась занята врагом. Частично оккупирована была и Курская область. Летом 1942 г. разворачивается стратегическое наступление фашистских войск на южном направлении, в результате которого захватчики полностью оккупировали Курскую область, а также 32 района Воронежской области. По итогам наступления советских войск в декабре 1941 — январе 1942 г. были освобождены Становлянский, Елецкий, Долгоруковский, Волынский, Измалковский, Корсаковский, Краснозоренский, Новодеревеньковский районы и г. Елец. Зимой 1943 г. Красная армия освободила Мценский, Новосильский, Верховский, Русско-Бродский, Ливенский, Никольский, Должанский, Копнянский, Дросковский и Покровский районы Орловской области. Таким образом, в Центральном Черноземье три области из четырех подверглись вражеской оккупации. Оккупация Воронежской области продолжалась до января 1943 г., а Курской и Орловской областей — до осени 1943 г. [1, с. 11].

Кровавыми злодеяниями и преступлениями против мирного гражданского населения отмечен путь гитлеровцев по Центральному Черноземью. Только в сельских районах Воронежской области от рук фашистов погибло 4911 мирных граждан, Курской — 18 099, Орловской — более 17 тыс. [2, с. 100]. Гитлеровцы уничтожали жилища колхозников, а нередко и целые деревни. В Воронежской области фашисты сравняли с землей десятки придонских сел. В одном только Землянском районе они уничтожили 25 сел [3, с. 303]. В Становлянском районе

Орловской области захватчики дотла сожгли 46 населенных пунктов, более 3 тыс. семей остались без крова. В колхозах Чернолесского сельсовета было сожжено 216 домов, Краснополянского — 134, Огневского — 400 [2, с. 100]. Оккупанты всего лишь несколько недель находились на территории этого района (с 24 ноября по середину декабря 1941 г.), но совершили массу злодеяний [4, с. 134—135].

В докладной записке секретаря обкома ВКП(б) А. П. Матвеева в СНК РСФСР от 4 сентября 1943 г. содержатся обобщенные сведения о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Орловской области. Ими было сожжено и взорвано в сельской местности 88 389 домов. При этом в ряде районов была уничтожена большая часть домов. Так, в Урицком районе захватчики уничтожили 5966 домов, всего осталось 1500 домов. В районе проживало более 25 тыс. человек, из них 12 тыс. ютились в землянках и шалашах [1, с. 372]. По подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в Воронежской области гитлеровцы отобрали у населения около 114 тыс. голов скота, уничтожили 64 тыс. жилых зданий [2, с. 100].

Захватчики полностью ликвидировали общественное хозяйство колхозов. В Орловской области немцы уничтожили в колхозах почти 115 тыс. различных строений, в том числе жилых домов — 9403, клубов и красных уголков — 2204, детских учреждений — 836, зданий промышленно-производственного назначения — 6227, животноводческих построек — 33 219, зернохранилищ — 30 675, овощехранилищ — 6780, прочих хозяйственных построек — 24 850. Они изъяли более 266 тыс. голов крупного рогатого скота, более 322 тыс. лошадей, более 151 тыс. свиней, около 485 тыс. овец и коз, около 891 тыс. голов различной птицы. Было уничтожено и вывезено в Германию большое количество сельскохозяйственных машин и орудий. Ущерб, причиненный немецкими захватчиками колхозам Орловской области, составил 15,75 млрд руб. [1, с. 135].

Во время вражеской оккупации был нанесен колоссальный ущерб машинно-тракторным станциям. Так, в МТС Орловской области было уничтожено 3907 тракторов, 1573 комбайна, 4695 плугов, 432 луцильника, свыше 600 тракторных борон, 1500 культиваторов, свыше 1500 сеялок, 900 молотилок, 108 двигателей, 283 различных станка, 149 автомобилей [1, с. 135]. Абсолютное большинство МТС области захватчики уничтожили до основания. В первой половине 1943 г., когда была освобождена примерно половина Орловской области, только в 5 из 40 МТС сохранились кое-какие строения, в остальных все здания были сожжены и взорваны. Летом 1943 г. в орловских МТС были восстановлены 321 трактор, 36 сеялок, 40 молотилок, возвращены вывезенные в тыловые районы 600 тракторов, 600 плугов, 200 сеялок [5, с. 14].

Очень сильно пострадала в результате военных действий и вражеской оккупации курская деревня. После освобождения Курской области в ней осталось 3% голов крупного рогатого скота, 3,1% коз и овец, 9,8% лошадей [6, с. 3]. М. П. Губенко пришел к выводу, что сельское хозяйство Курской области понесло наибольшие потери даже в сравнении с сильно пострадавшей Сталинградской областью. Сталинградская область не была полностью оккупирована, поэтому основная часть машинно-тракторного парка осталась на советской территории — 13 345 тракторов из 17 082. МТС, колхозы и совхозы Курской области лишились 66% тракторов и 80,3% комбайнов [7, с. 117].

Особое место в злодеяниях оккупационных властей занимал угон мирного населения на принудительные работы в Германию, к которому гитлеровцы приступили с начала 1942 г. Для работы в промышленности и сельском хозяйстве отбирали главным образом крепких и здоровых крестьян и крестьянок в возрасте от 15 до 50 лет. Из Воронежской, Орловской и Курской областей на каторжные работы в Германию было угнано около 150 тыс. человек [2, с. 101—102].

Ущерб и разрушения, причиненные немецко-фашистскими оккупантами народному хозяйству Центрального Черноземья, были весьма велики. Только колхозы, совхозы и МТС оккупированных районов Курской, Орловской и Воронежской областей понесли ущерб в размере около 50 млрд руб. (в ценах тех лет). Без крова осталось свыше 1 млн человек. После освобождения районов, подвергшихся оккупации, скота и птицы в колхозах осталось менее 10% от довоенного уровня [8, с. 13].

Даже в таких условиях селяне изыскивали возможности для оказания помощи Красной Армии. В результате зимнего наступления советских войск 1942/43 гг. были освобождены Воронежская и частично Курская области. После освобождения своих земель курские колхозники внесли на вооружение Красной армии 31 млн руб. деньгами и облигациями займов, 498 720 пуд. зерна, 134 238 пуд. мяса, много молока, масла и яиц [9, с. 364].

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, на Верхнем Дону, Северном Кавказе гитлеровское командование готовилось взять реванш, с тем чтобы вернуть стратегическую инициативу и в конечном итоге решить судьбу всей кампании. С этой целью оно разработало операцию «Цитадель». Местом ее проведения стал Курский выступ. В подготовке к предстоящим сражениям в районе Курской дуги принимали участие не только войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов, но и население прифронтовых областей. В апреле 1943 г. на строительстве оборонительных рубежей в полосе Центрального и Воронежского фронтов трудилось 105 тыс. курян, в основном колхозников, в июне — 300 тыс. Вместе с курянами на строительстве оборонительных сооружений в полосе Центрального фронта работали трудящиеся Орловской и Воронежской областей. По просьбе Военного совета Степного фронта руководство Орловской области провело мобилизацию населения из Краснинского, Задонского, Чибисовского районов на строительство оборонительных сооружений. За три месяца трудящиеся прифронтовых райо-

нов вырыли по всему Курскому выступу одних только траншей более 5 тыс. км, с их помощью было восстановлено около 250 мостов и более 3 тыс. км шоссейных и грунтовых дорог [10, с. 252—253].

Население освобожденных областей оказало неоценимую помощь в восстановлении и строительстве железных дорог. Меньше чем через месяц была восстановлена железная дорога Воронеж — Касторное — Курск [10, с. 254]. На долю гражданского населения выпала самая трудоемкая часть работ — земляное полотно. Начальник управления военно-восстановительных работ Воронежского фронта П. А. Кабанов писал впоследствии: «Люди копали землю, таскали ее на себе — на носилках, в тачках, фартуках. Лошадей и автомашин не хватало. О тракторах и механизмах не было и речи» [11, с. 191]. Сооружение железной дороги Старый Оскол — Ржава позволило успешно провести операцию по разгрому белгородско-харьковской группировки противника. Таким образом, трудящиеся Курской, Орловской и Воронежской областей внесли весомый вклад в победу советских войск под Курском.

Первейшей задачей сельского хозяйства освобожденных районов Центрального Черноземья было в кратчайший срок возобновить производство. При этом одновременно решались две проблемы: во-первых, необходимо было восстановить материально-техническую базу сельскохозяйственного производства, во-вторых, организовать полевые работы при имеющихся ресурсах. Небольшое количество рабочего и продуктивного скота колхозы получили из эвакуации. В Курскую область было возвращено 1182 лошади, 2529 голов крупного рогатого скота и 5492 овцы. Основной вклад в восстановление общественного хозяйства внесли сами колхозники. Они поставили на животноводческие фермы 79 тыс. голов молодняка крупного рогатого скота, 23 тыс. овец и коз, 120 тыс. голов птицы [9, с. 427].

Вся страна помогала пострадавшим от немецко-фашистской оккупации областям восстанавливать разрушенное хозяй-

ство. Курской области оказывали помощь Азербайджанская, Грузинская, Узбекская, Киргизская ССР, Башкирская, Бурят-Монгольская, Чувашская АССР, Алтайский и Хабаровский края, Архангельская, Ивановская, Иркутская, Калининская, Омская, Пермская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Ульяновская, Читинская, Чкаловская, Ярославская области. Они присылали скот, строительные материалы, машины и оборудование, школьные пособия. Особенно большую помощь курянам оказали трудящиеся Челябинской области, направив 7 эшелонов. Там было все, от станков и оборудования до предметов домашнего обихода и детских игрушек. Всего в порядке государственных закупок и социальной помощи Курская область получила из восточных районов страны около 31 тыс. лошадей и почти 84 тыс. голов крупного рогатого скота, 5,6 тыс. свиней, 49 тыс. овец и более 222 тыс. голов птицы [7, с. 121].

Вся страна, особенно Татария и Пензенская область, оказывали помощь освобожденным районам Орловской области. В Татарии развернулось движение за оказание братской помощи трудящимся Орловщины, пострадавшим от вражеской оккупации. В октябре 1943 г. в Орел прибыло из Казани 33 вагона со станочным оборудованием для МТС и колхозов. Все колхозы Татарской АССР отправляли для колхозов Орловщины по 4—6 голов крупного рогатого скота, много свиней, овец, птицы. Пензенская область направила в Орел эшелон промышленных и хозяйственных товаров в составе 73 вагонов. По решению правительства в порядке возврата эвакуированного скота Орловская область получила 8,4 тыс. лошадей, 21,4 тыс. голов крупного рогатого скота, около 40 тыс. овец и почти 99 тыс. голов птицы [1, с. 377, 387, 400].

В освобожденных районах Воронежской области хозяйство также было совершенно разрушено. Помощь в восстановлении народного хозяйства Воронежской области оказывали Новосибирская, Куйбышевская, Тамбовская и Читинская области. Особенно следует выделить помощь Новосибирской

области, которая внесла наибольший вклад в возрождение разоренной экономики Воронежской области. Только в 1943 г. для развития животноводства воронежские колхозы и совхозы получили 88,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 58 тыс. овец и коз, более 12 тыс. свиней [12, с. 303].

Тамбовская область — единственная в Центральном Черноземье, которая не подверглась вражеской оккупации. Она оказывала большую помощь освобожденным районам соседних областей по налаживанию мирной жизни. Тамбовские колхозники приняли и сохранили эвакуированный скот соседних областей, а 28 августа 1943 г. исполком Тамбовского областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) приняли постановление о возврате эвакуированного скота в освобожденные районы Смоленской, Курской, Орловской и Воронежской областей. О размерах помощи свидетельствует таблица.

**Возвращение эвакуированного скота
из Тамбовской области в 1943 г. (голов)**

Область	КРС	Овцы и козы	Лошади
Смоленская	222	112	—
Курская	1721	2467	829
Орловская	9859	19150	3295
Воронежская	957	3396	648
<i>Итого</i>	12759	25125	4772

Источник: [1, с. 372].

В общей сложности тамбовские колхозы передали в хозяйства других областей 12 759 голов крупного рогатого скота, 25 125 овец и коз, 4 772 лошадей. Немало сельскохозяйственной техники направили тамбовские крестьяне в освобожденные районы. В 1943 г. из Тамбовской области только орловские МТС получили 300 тракторов, 300 тракторных плугов, 100 сеялок [1, с. 372].

Во время Великой Отечественной войны общим для всей страны стал лозунг «Все для фронта, все для победы!». Труженики деревни досрочно сдавали государству хлеб и продукты животноводства, производили сверхплановые посевы в фонд обороны. Мощный импульс патриотическому движению в стране дал почин тамбовских колхозников: в колхозах развернулось движение за сбор средств на постройку боевых самолетов и танковых колонн. Осенью 1942 г. в сельхозартели «Красный выборжец» Избердеевского района родилась мысль собрать средства на строительство танковой колонны. В течение двух недель колхозники Тамбовской области собрали 40 млн руб. на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник». Машинами колонны «Тамбовский колхозник» был полностью укомплектован танковый корпус и ряд других частей [13, с. 281—283].

Девятого декабря 1942 г. «Правда» опубликовала статью «Патриотический почин тамбовских колхозников и колхозниц» и телеграмму И. В. Сталина секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) И. А. Волкову с выражением благодарности трудящимся за оказанную помощь. Вся страна узнала о почине тружеников тамбовского села. Движение, начатое тамбовскими колхозниками, превратилось во всенародное. Во время передачи танков частям Красной армии члены делегации обратились к землякам с призывом собрать средства на строительство 25 эскадрилий боевых самолетов «Тамбовский колхозник». В итоге к 1 января 1943 г. в фонд обороны было направлено 41,5 млн руб., 214 тыс. пуд. хлеба, 59,4 тыс. пуд. картофеля и овощей, 4,7 тыс. пуд. мяса, 6,5 тыс. штук овчин, 3,6 тыс. кг шерсти [13, с. 284].

Почин тамбовских колхозников был поддержан в других областях Черноземья. По инициативе колхозников Таловского района Воронежской области развернулся сбор средств на строительство танковой колонны «Воронежский колхозник». На 9 января 1943 г. по Воронежской области было собрано на танковую колонну 37 млн 348 тыс. руб. и 38,1 тыс. пуд. хлеба.

Вслед за этим в январе 1943 г. по инициативе трудящихся Новохоперского района начался сбор средств на постройку боевых самолетов. С ноября 1942 г. по март 1943 г. воронежцы собрали на танки и самолеты 78 млн 902 тыс. руб. и 108,1 тыс. пуд. хлеба [12, с. 276—277].

На Орловщине шел сбор на танковую колонну «Орловский партизан». Об активности сельского населения свидетельствуют следующие факты. Трудящиеся Краснинского района внесли 906 тыс. руб., Елецкого — 607 тыс., Чибисовского — 141 465 руб. Колхозник сельхозартели «Верный путь» Елецкого района В. Я. Каверин из личных сбережений внес на строительство самолета 100 тыс. руб., Д. И. Пономарев из сельхозартели «Луч свободы» Долгоруковского района — 101,5 тыс. руб. [4, с. 135]. И таких поступков было много. Труженики тыла собирали и отправляли для Красной армии теплые вещи и продукты питания.

В годы Великой Отечественной войны серьезно ослабла материально-техническая база сельского хозяйства в целом по стране, в особенности в районах, подвергавшихся оккупации. Все это привело к снижению объемов сельскохозяйственного производства. В Центральном Черноземье из-за нехватки тракторов и живого тягла произошло значительное сокращение посевных площадей. В колхозах и совхозах Орловской области в 1944 г. посевные площади составляли 41% [1, с. 135], Курской — 59% [9, с. 447], Воронежской — 70% [14, ф. 7486, оп. 1, д. 4079, л. 31] от довоенного уровня. В хозяйствах Тамбовской области, не подвергавшейся оккупации, даже спустя два года после окончания войны посевные площади зерновых культур занимали всего лишь 82,2% площадей, использовавшихся в 1940 г. [14, ф. 7486, оп. 1, д. 4474, л. 32]. Еще в большей степени, чем растениеводство, пострадало животноводство региона. Так, к концу 1944 г. поголовье коров в колхозах Воронежской области было восстановлено на 47,7% от довоенного уровня, овец — на 40,6%, свиней — на 38,9%, лошадей — на 22% [14, ф. 7486, оп. 1, д. 3913, л. 357].

На селе стремились максимально использовать имеющиеся ресурсы. О том, как происходило восстановление машинно-тракторных станций Курской области, свидетельствует корреспонденция старшего механика Лукашевской МТС А. Пральникова, опубликованная в газете «Курская правда» (3 апреля 1943 г.): «Нашу МТС немцы сожгли при отступлении. Пришлось много работать, чтобы ее восстановить. Круглые сутки, не выходя из мастерской, работали трактористы Н. Гриценко, М. Ванин и другие. Теперь мастерская восстановлена. В то же время трактористы организовали сбор частей для тракторов и сельскохозяйственных машин, к мастерской свезли тракторы, сеялки и другие сельхозмашины. Через неделю наша мастерская приняла в ремонт первые машины. 12 тракторов и 10 плугов уже готовы к полевым работам» [9, с. 370]. В таких условиях подготовка техники к весеннему севу — это настоящий трудовой подвиг, именно так воспринимается сообщение областной газеты.

Таким образом, сельское население Черноземного центра России прошло через суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, оно трудилось на пределе своих сил во имя достижения общей победы над врагом.

Список источников и литературы

1. *Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)* : сб. документов и материалов. Орел, 1960.
2. *Карпенко Ю. М.* Крах политики фашистских захватчиков на временно оккупированной территории (По материалам Воронежской, Курской, Орловской областей) // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1976.
3. *История советского крестьянства* : в 5 т. Т. 3 : Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М., 1987.
4. *Очерки истории Липецкой организации КПСС.* Воронеж, 1982.
5. *Тюхов В. В.* МТС Орловской области // МТС. 1943. № 12.
6. *Полякова Е. М.* Некоторые вопросы организационно-хозяйственного укрепления колхозов Курской области в 1943—1958 гг. // Науч. тр. Курского СХИ. Т. III, вып. 5. Воронеж, 1965.

7. *Губенко М.П.* К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. // ИС-ССР. 1962. № 1.

8. *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945—1964 гг.). Воронеж, 1965.

9. *Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.* : сб. материалов и документов : в 2 т. Т. 2. Курск, 1962.

10. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945* : в 6 т. Т. 3 : Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.). М., 1964.

11. *Кабанов П.А.* Стальные перегоны. М., 1973.

12. *Очерки истории Воронежской области* : в 2 т. Т. 2 : Эпоха социализма. Воронеж, 1967.

13. *Очерки истории Тамбовской организации КПСС.* Воронеж, 1970.

14. *Российский государственный архив экономики.*

УДК 94(47).084.8.

П. П. Полх

**Скотоводство в личных хозяйствах жителей
и подсобных хозяйствах предприятий
Калининградской области в период ее заселения
(вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов)**

В статье освещен процесс создания и развития животноводства в личных подсобных хозяйствах граждан и подсобных хозяйствах предприятий Калининградской области в первые послевоенные годы. Рассматривается специфика процесса, происходившего параллельно с заселением области советскими гражданами, в плане перспектив данных форм организации хозяйства после восстановительного периода.

The article examines the process of creating and developing animal husbandry in the private farms of citizens and the subsidiary farms of enterprises in the Kaliningrad region in the first post-war years. It also examines the specifics of the process that occurred in parallel with the settlement of the region by Soviet citizens in terms of the prospects for these forms of economic organization after the reconstruction period.

Ключевые слова: Калининградская область, СССР в послевоенные годы, животноводство, колхозы и совхозы, подсобные хозяйства

Keywords: Kaliningrad region, USSR in the Post-War Years, animal Husbandry, collective and state farms, subsidiary farms

Создание системы социалистического кооперирования сельского хозяйства, которое в свое время подавалось как часть «плана построения социализма», пришлось в СССР глав-

ным образом на 1930-е гг. и ассоциировалось в общественном сознании с коллективизацией. Значительная часть западных районов Союза столкнулась с этим процессом уже в послевоенные годы. Практически везде советская власть, приступая к данным мероприятиям, сталкивалась с дилеммой: максимально увеличить долю общественного сектора вновь создаваемых колхозов (и совхозов), подняв тем самым долю товарности производимой продукции, либо сохранить в личном подворье крестьянина часть земли и скота, которые, с одной стороны, позволили бы крестьянам элементарно выживать, а с другой — дали возможность горожанам приобретать часть продуктов на рынке. В особенности эта проблема была характерна для животноводства: именно обеспечение и снабжение мясом и молоком традиционно оставались одним из слабых мест советской экономической системы.

В годы Великой Отечественной войны проблема снабжения продовольствием находившихся в глубоком тылу городов и рабочих поселков (разместивших у себя значительную часть военных производств) встала со всей остротой: карточные пайки были достаточно скудными, а плановые заготовки хлеба и другой продукции в совхозах и колхозах, а также помощь союзников предназначались прежде всего действующей армии. Государство отчасти «закрыло глаза» на частную инициативу колхозников, дав им возможность по сложившимся достаточно высоким ценам торговать на местных рынках, но одновременно с этим создавало условия и подталкивало промышленные предприятия к созданию подсобных хозяйств, которые могли бы взять на себя обеспечение сельскохозяйственными продуктами (по приемлемым ценам) отделов рабочего снабжения (ОРС), ведавших заводскими столовыми и магазинами. Таким образом складывалась еще одна (понимавшаяся как временная) форма организации аграрного производства.

Оформлявшаяся ситуация нашла своеобразное отражение на территории Калининградской области, образованной в 1946 г. на присоединенных по итогам Второй мировой войны землях части Восточной Пруссии. Уникальность ситуации заключалась

в том, что регион заселялся жителями Центральной России и Белоруссии, которые должны были полностью заменить выселявшееся немецкое население. С колхозной жизнью переселенцы уже были знакомы — кто-то понаслышке, а кто-то и на собственном опыте. Вполне возможно, многие уже пережили трагедии, связанные со сдачей скота в общественное стадо, но теперь на новом месте коровами было не только можно, но и нужно обзаводиться. Организация сельской жизни по советским образцам должна была подтвердить свою жизнеспособность и готовность к воспроизводству на новых территориях. При этом, естественно, никто не отменял задачи создавать и общественное стадо: прибывавшие переселенцы создавали колхозы, в которых должна была сложиться типичная структура землепользования и хозяйства с производством зерновых, картофеля, овощей, а также молочными, свино- и птицефермами со своими кормовыми базами для их содержания. К этому можно добавить достаточно быстро сформировавшуюся сеть подсобных хозяйств сначала воинских частей, а затем и гражданских предприятий, позаимствованную из практики военных лет. Территория новой российской области с ее обилием лугопастбищных угодий была предрасположена к развитию здесь животноводства, в особенности мясомолочного. Угодья были в наличии, людей предполагалось переселить, семена и инвентарь завезти. Откуда же было взяться скоту в больших количествах, с учетом того что далеко не все переселенцы везли с собой коров и свиней? Отдельные случаи перевозки личного скота описаны в исследованиях, посвященных заселению области [3, с. 37], но создавать таким образом колхозные стада и совхозные фермы никто не собирался.

Логичных ответов на поставленный вопрос может быть три: 1) скот мог оставаться в имениях прежних хозяев («юнкеров», как любили их называть с подачи ленинских рассуждений о «прусском» пути развития капитализма в сельском хозяйстве); 2) скот можно было завезти с тех территорий СССР, которые были в меньшей степени разорены войной, и здесь Калининградская область наверняка становилась «в очередь»

других российских и вообще западных регионов; 3) скот поступал в счет репараций из советской зоны оккупации Германии, ставшей в дальнейшем ГДР. Есть все основания полагать, что были задействованы все три варианта, правда, исследовать, какие именно доли каким видам хозяйств (совхозам, колхозам, подсобным хозяйствам предприятий или колхозникам и каким-либо рабочим и служащим) достались, вряд ли получится, тем более что в тех условиях это казалось не очень принципиальным.

Не менее важным представляется вопрос и о том, как обеспечивались сохранность стада и прирост поголовья, актуальный в большей степени для организаций (включая подсобные хозяйства); для личных владельцев он также был важен, но в другой плоскости — как вопрос выживания. Организации и предприятия должны были обеспечить размещение скота, его обслуживание, лечение, и, само собой, кормление, особенно в зимний период. Помимо наличия специалистов-животноводов и кормов, проблему составляла отчасти разрушенная, отчасти непригодная для больших стад инфраструктура скотоводства, к чему добавлялась необходимость обустроить самих переселенцев на новом месте обитания.

Насколько позволяют получить ответы на поставленные вопросы источники? Документальные материалы первых послевоенных лет, хранящиеся в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО), безусловно, несут в себе следы послевоенной неубустроенности (организационной, делопроизводственной, обеспечения сохранности документов), что осложняет информационный поиск. Управления по гражданским делам, сменившие их исполкомы советов, партийные комитеты разных уровней были вынуждены как заниматься масштабными задачами обустройства новой области, так и вникать в отдельные мелочи, что отражалось и в документации, которая не всегда представлена системно, но позволяет найти интересную информацию порой в неожиданном месте. Это вдвойне ценно с учетом того, что специальных архивных фондов подсобных хозяйств предприятий (и тем более воин-

ских частей) не заводилось, а сведений о скоте в личном пользовании в материалах управлений сельским хозяйством, статистических органов и колхозов не так уж много. Нельзя забывать и о том, что управленческая документация делает акцент на организационной стороне дела, уделяя внимание элементам связанной с животноводством повседневности лишь в той мере, в которой было необходимо объяснять проблемные ситуации. Тем не менее определенные массивы информации позволяют многое прояснить в поставленных вопросах.

Начнем с уже заявленного вопроса: все ли переселенцы везли с собой живность, с учетом того что забрать они могли лишь то, что числилось за личным подсобным хозяйством? «Первая волна» вновь прибывших селян, откликнувшихся на знаменитое постановление Совмина СССР № 1522 от 9 июля 1946 г., привезла с собой не так уж мало животных. Из 12000 плановых семей к 1 января 1947 г. в колхозах обустроилось 11937 [4, ф. Р-139, оп. 9, д. 7, л. 14] (по более поздним данным, план завоза семей был все же перевыполнен 12115 семей [4, ф. Р-514, оп. 1, д. 51, л. 196]). Данные о наличии скота сведены в таблице 1.

Таблица 1

**Наличие скота в хозяйствах Калининградской области
на 1 января 1947 г.**

Категория хозяйств (владельцев)	Лошади	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы	Козы
Колхозы	8193	4558	0	2	0
Колхозники	0	11248	1139	8940	739
Рабочие и служащие, другие	16	1596	1031	150	110
Государственно-кооперативные хозяйства	6747	11978	2647	1536	35
Скотобазы	11	9	45	0	0
<i>Итого</i>	14967	29389	4862	10628	884

Составлено на основе [4, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 143].

Из таблицы 1 ясно, что лошадьми колхозы и госорганизации (подсобные хозяйства, военные хозяйства и формирующиеся совхозы) обеспечивались государством — у колхозников своих лошадей быть не могло, и 16 лошадей в личном владении — это странное исключение в советской действительности. А вот коров колхозники и другие переселенцы везли с собой, тогда как колхозные стада только начинали обустраиваться (как и в подсобных хозяйствах) с помощью армии и государства. Свиньи, овцы и козы, без сомнения, также были привезены из мест выхода.

Двадцать первого апреля 1947 г. вышло следующее постановление Совмина (№ 1099) о дополнительном переселении еще 3 тыс. семей [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 32, л. 61]. На 12 июня 1947 г. прибыло 2634 семьи, в которых состояло 13 368 человек, из них неколхозных 21 семья, 21 семья рабочих и служащих. Все семьи привезли с собой 1786 коров, 577 телок, 344 теленка, 386 свиней, 2277 овец, 700 коз, 19 пчелосемей и 4014 голов разной домашней птицы [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 125, л. 19—20]. Зафиксировано 109 бескоровных семей, 69 сопровождающих без справок с места выбытия. Эти данные вызывают сомнения: сопоставление количества семей и коров показывают разницу в 750 между количеством коров и семей, если учесть, что в каждой семье не могло быть более одной коровы (если только наличие телки не засчитывать как потенциальную корову). Но вызывает вопросы не только это. Справка за 19 июня (то есть через неделю) показывает прибытие 2731 семьи (13 910 человек), данных по головам скота здесь не приводится, отмечаются те же 42 неколхозных семьи, но без скота отмечено уже 300 будущих хозяйств. Тут же отмечены 44 семьи демобилизованных (334 человека, из которых 199 записано в бескоровные) [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 125, л. 26]. Очевидно, критерии «бескоровности» оказывались разными. Упомянутое постановление Совета министров, объявившее о начале заселения области сельскими жителями, рекомендовало им брать с

собой скот, но предоставляло возможность сдать имеющуюся живность в колхоз по обменной квитанции, по которой можно было получить адекватную замену на месте, в Калининградской области [5]. В начале октября 1947 г. облисполком направил Министру мясомолочной промышленности СССР И. А. Кузьминых телеграмму о том, что предъявленные переселенцами обменные квитанции на 325 коров, 250 свиней и 300 овец и коз отоваривать нечем [4, ф. 297, оп. 1, д. 125, л. 62]. Таким образом, привезенного из российских и белорусских областей скота было явно недостаточно. Отметим, что осенью прибыли переселенцы в рыболовецкие колхозы, организованные по побережью Калининградского и Куршского заливов; они, как правило, приезжали без коров.

Как видно из таблицы 1, значительная часть скота (прежде всего крупного рогатого) находилась в собственности государственных хозяйств. Здесь особо выделяются подсобные военные хозяйства частей, в функции которых входило не столько даже продовольственное обеспечение воинского контингента (хотя именно с этой целью они формировались в частях Красной, а затем Советской армии, расквартированной на освобожденных от фашизма землях Европы), сколько элементарное обеспечение сохранности пашен, лугов и стад до их передачи новым владельцам. Таким образом решалась и задача трудоустройства немецкого сельского населения, не подлежавшего, в отличие от городского, минимальному карточному снабжению.

Представление о том, сколько скота находилось в собственности военхозов на момент их реорганизации, дает таблица 2, отражающая данные о передаче их имущества совхозам Госплемтреста. Безусловно, это не те домашние животные, которые достались потом работникам совхозов или членам колхозов, но это позволяет судить о том «низком старте», с которого начиналось животноводство области.

Таблица 2

**Экономическое состояние совхозов Госплемтреста,
переданных от Сельскохозяйственного управления
11-й гвардейской армии в 1947 г.**

Номер совхоза	Рабочих и служащих, чел.	Из них немцев, чел.	Крупный рогатый скот	Свины	Лошади	Посев, га	Тракторы	Автомашины
46	753	694	642	13	250	4573	5	13
47	598	514	818	37	274	9434	13	19
48	620	531	548	37	213	5827	13	14
49	253	186	86	6	111	2991	3	7
50	225	177	209	9	103	2675	5	6
51	271	191	304	17	98	3231	6	8
52	242	150	94	6	110	3869	6	5
53	260	190	149	7	62	3274	7	6
54	208	153	311	28	119	2063	5	8
55	230	100	310	25	112	4357	8	6
56	201	89	176	14	11	5935	5	10
72	690	604	615	31	243	5771	15	10
73	738	627	770	22	307	7703	13	12
74	597	492	561	31	256	6816	12	12
75	503	436	553	47	213	5791	11	11
76	700	630	585	13	219	8080	13	11
77	400	254	763	23	239	7567	11	15
132	807	738	738	66	268	6832	17	16
133	557	427	602	52	216	8023	16	14
134	700	600	927	48	223	9834	12	13
135	948	680	1067	92	249	9242	14	14
136	670	560	507	40	270	7594	15	13
137	597	...	601	95	247	6739	20	14
138	396	323	495	19	223	12571	6	11
139	757	659	958	43	217	15359	16	12

Номер совхоза	Рабочих и служащих, чел.	Из них немцев, чел.	Крупный рогатый скот	Свины	Лошади	Посев, га	Тракторы	Автомшины
140	603	493	408	78	230	5804	9	14
141	483	415	568	8	180	9462	9	18
142	565	451	1189	4	239	10581	13	13
143	586	367	1150	24	281	8047	9	16
144	650	500	320	30	267	10755	6	14

Составлено на основе [4, ф. П-1, оп. 1, д. 90, л. 157].

Данная таблица подтверждает наличие немецкого по имуществу состава работников на конец 1947 г., использование лошадей как основной рабочей силы, а также изначально взятую ориентацию на мясомолочную специализацию хозяйств. В источнике с данной таблицей соседствует еще одна — о показателях совхозов Мясомолживтреста, то есть хозяйств, сформированных уже советскими переселенцами. Их было всего 20, количество работников в среднем меньше, и лишь в пяти хозяйствах численность коров, бычков и телок находится в диапазоне 700—800, есть хозяйства, в которых их менее 100 (очевидно, только созданные) [4, ф. П-1, оп. 1, д. 90, л. 150]. Два совхозных треста, имевшие общую хозяйственную специализацию, просуществуют в области до их объединения в 1955 г. Но в первые два послевоенных года военхозы выступали в роли сохранных поголовья.

Сведения о том, как и откуда доставлялись в область коровы, получить сложнее. Однако косвенные свидетельства имеются. Так, из Литвы и Эстонии было законтрактовано в 1948 г. 8 тыс. коров (правда, реально завезли 2600) [4, ф. П-1, оп. 4, д. 57, л. 25]. Есть указания о помещении на карантин по туберкулину 5250 коров, перевезенных из Германии [4, ф. П-1,

оп. 1, д. 90, л. 163]. Более того, карантинные мероприятия проводились довольно часто и в отношении лошадей (инфекционная анемия), принимались достаточно жесткие меры вплоть до запрещения выпаса конского поголовья, уже имевшегося в хозяйствах области. Сама процедура завоза животных зафиксирована в ряде документов Управления по гражданским делам (высшей невоенной власти в области до мая 1947 г.) об организации приемки скота. Как правило, к железнодорожной станции направлялся состав с большим количеством скота (речь шла о сотнях лошадей или крупного рогатого скота), туда же заблаговременно направлялись гонщики — специально подобранные колхозники, рабочие совхозов (или аналогичных предприятий), которым надлежало принять определенное количество голов по счету и обеспечить их перегон до хозяйства или базы. Гражданское управление рекомендовало подбирать для такой работы, во-первых, имеющих опыт и, во-вторых, ответственных людей, поскольку речь шла о серьезных материальных ценностях. Кроме того, направляющие организации должны были обеспечить гонщиков питанием, а колхозы — продумать повышенные ставки трудодней за такую работу [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 31, л. 123]. Отметим также, что направлению на приемку скота предшествовало, как правило, его распределение по районам. Так же поступали с концентрированными кормами для скота и (еще не заготовленным) продовольствием — хлебом и картофелем.

Куда чаще всего доставлялся скот? В Калининградской области существовала с 1946 по 1953 г. база сельскохозяйственного снабжения (помимо отдельных структур по отдельным видам заготовок и поставок) с головной конторой в областном центре и двумя филиалами — на станциях Шиллен (ныне Жилино, Неманский район) и Бокелен (ныне Фрунзенское, Правдинский район) [4, ф. Р-393, оп. 2, д. 2, л. 2, 12, 23]. Первая станция была удобна тем, что находилась на пути из Риги, где располагался штаб Прибалтийского округа (напомним, что именно армия была одним из главных поставщиков скота). Первая комиссия по приемке животных была создана

еще 1 августа 1946 г. (то есть до прибытия первого эшелона с переселенцами), чтобы принять от Министерства Вооруженных сил 6 тыс. лошадей и 5 тыс. коров и телок для будущих колхозников [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 4, л. 65]. Вторая станция располагалась недалеко от железнодорожной таможни на государственной границе, на европейской колее. Документы свидетельствуют о поставке скота (1500 голов крупного рогатого скота, 200 свиней и 500 овец) из Северной группы войск (то есть из Польши) для распределения по колхозам и личным хозяйствам [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 32, л. 97]. Когда осуществлялся массовый привоз скота, то принимали все станции, так как организовывать «передержку» от разгрузки до передачи новым владельцам было негде. Так, в октябре 1946 г. предстояло принять 1100 лошадей на ст. Кёнигсберг, 400 — на ст. Прейсиш-Эйлау (Баграгионовск), 1300 — на ст. Гердауэн (Железнодорожный), 1100 — на ст. Инстербург и 600 — на ст. Тильзит. А ведь помимо лошадей прибывало 900 повозок и соответствующих комплектов упряжи, 4500 щеток и скребниц. Специальная областная комиссия согласно приказу Управления по гражданским делам №456 мобилизовывала колхозников из расчета 1 человек на 15 лошадей, выставляла охрану на выпасы и водоемы и выделяла 30 тыс. рублей: 12 тыс. на обеспечение передержки и 18 тыс. — на перегон [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 8, л. 11].

Итак, животных активно везли в область, при этом вопрос о том, не будет ли их слишком много, не ставился. В документах облисполкома имеется интересная справка о предвоенном экономическом состоянии Восточной Пруссии, где, в частности, указано конское поголовье в 184 тыс. голов, крупного рогатого скота — 283 тыс., свиней — 478 тыс., овец — 108 тыс., коз — 11 тыс., дававших в год 49 тыс. тонн товарного мяса, 771 тыс. тонн молока и 19 тыс. тонн масла [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 125, л. 2].

Понятно, что под сомнение можно поставить вопрос о том, в каких границах производилась оценка (площадь указана

приблизительно верно — 12 тыс. км²) и вообще возможно ли было получить точные данные для новой советской территории. Было очевидно, что потенциальные возможности для расширения стад, в которых на всю область числилось на 10 июня 1946 г. в военхозах 7143 голов крупного рогатого скота, 6712 лошадей, 155 свиней и 171 овца (в совхозах эти показатели соответственно составляли 4450, 1643, 958 и 910 голов) имелись [4, ф. Р-181, оп. 1, д. 10, л. 49].

Сам по себе завоз, увы не означал, что вся переданная живность останется и будет расти и давать приплод. С проблемными особями сталкивались не только по причине инфекционных заболеваний, но и в связи с их общей слабостью. Падёж скота был общей проблемой как в общественных и государственных хозяйствах, так и в личных, хотя в последних не рассматривался как свидетельство нерадивого отношения к общенародному добру. Некоторые сводки производят удручающее впечатление. Зимой 1947—1948 гг. родилось лошадей 625, пало 3710, на 1 февраля всех лошадей было 9314, на 1 марта — 9139; крупного рогатого скота родилось 1567, пало 2203, куплено и получено 16 045, наличие на 1 февраля — 18 029 (то есть практически все — недавно приобретенные) [4, ф. П-1, оп. 2, д. 59, л. 11—14]. В письме обкома партии заместителю председателя Совмина СССР Н. А. Косыгину от 10 апреля 1948 г. говорилось, что рыболовецкие артели не имеют ни коров, ни обменных квитанций. Предлагалось завезти 600 коров из Архангельской области, тем более что министр рыбной промышленности западных районов СССР дал на это согласие [4, ф. П-1, оп. 2, д. 59, л. 59]. Конечно, резонен вопрос, насколько необходимо было пополнять все формы организации животноводства, включая личные (с потенциальной возможностью развития частной инициативы) и подсобные хозяйства предприятий, значительное количество работников которых отвлекалось таким образом от основной производственной деятельности.

Ответы на эти вопросы несложны: послевоенные (да и военные) годы поставили со всей остротой проблему снабжения трудящихся города и деревни и требовали принятия мер для их элементарного выживания в виде организации подсобных хозяйств, которые отчасти уравнивали в праве на их использование колхозников и работников совхозов, а предприятиям давали возможности получения продуктов растениеводства и животноводства для собственных магазинов и столовых. Наверняка многие спрашивали себя о том, как долго может продлиться возможность пользования таким хозяйством и о перспективности данной формы организации аграрного производства в будущем. Понятно, что в послевоенных обстоятельствах эти вопросы казались неактуальными, их можно было отложить на более позднее время, но в калининградских условиях столь же несвоевременным считался и вопрос о перспективах пребывания на новой земле (хотя на официальном уровне на него существовал вполне определенный ответ: навсегда).

Именно поэтому можно предположить, что настойчивое стремление государства помочь населению обзавестись прежде всего коровой (Сельхозбанк давал ссуду на ее приобретение до 3 тыс. руб. со сроком погашения до 5 лет с началом выплат с 3-го года [5], эти условия распространялись не только на зачисленных переселенцев, но и на оставшихся демобилизованных) объяснялось не только искренним желанием помочь ему выжить. Напрашивающаяся мысль о том, что таким образом государство стремилось расширить налогооблагаемую базу, имеет право на существование, но все же к этому надо прибавить и желание закрепить определенный контингент на селе. «Обратничество»¹, устройство на заводы и фабрики, в лесхозы, дорожно-строительные организации (блага паспортами для пребывания в пограничной зоне обеспечива-

¹ Термин введен Ю. В. Костяшовым для обозначения несанкционированных отъездов за пределы области, необязательно в места выхода, семей, успевших получить льготную помощь [2, с. 103].

лись все направляемые в область) — все это представляло собой возможные альтернативы труду и жизни во вновь организуемых калининградских колхозах и требовало дополнительных мер по удержанию населения в деревне. Корова и другая живность могли если не удержать работника от отъезда, то хотя бы усложнить принятие решения и отсрочить его.

Подсобные хозяйства промышленных предприятий формировались практически сразу с началом их деятельности. Сохранилось указание о выделении вагоностроительному заводу сразу 2400 га земли [4, ф. Р-298, оп. 3, д. 9, л. 1], свои хозяйства достаточно быстро, уже в 1946 г., получили завод № 820 (будущий судостроительный завод «Янтарь»), электростанции, трест «Неманлес» и целлюлозно-бумажные комбинаты. Относительно быстро оформлялись при них ОРСы, при лесном тресте их оказалось более 80 [4, ф. Р-181, оп. 8, д. 54, л. 15]. Земельные угодья включали в себя и луга с пастбищами, поэтому понятно, что скот при них был необходим, да и логично было бы его пристраивать именно туда, где его можно пасти и заготавливать корма. Распределение животных по районам происходило примерно так же, как между воинскими частями и совхозами — оформлением бумаг в соответствии с принятым на скорую руку решением управления по гражданским делам. Можно предположить, что скот могли скорее не выпрашивать, а пристраивать, поскольку за ним требовалось кому-то ухаживать. В тех условиях было проще выделить скот для организации хозяйств, чем увеличивать количество работников с особыми условиями снабжения.

Подобная практика становилась нормой. Воссоздание калининградского трамвая в 1946 г. и организация соответствующего треста отражены в документах жилкомхоза о текущих непосредственных нуждах. На первом месте там не оборудование, а жилье для сотрудников и то, что необходимо для создания подсобного хозяйства (скот, включая лошадей, инвентарь для обработки почвы, стройматериалы для постройки помещений для скота) [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 108, л. 249]. Подсобными хозяйствами обзаводились и учреждения здравоохране-

ния. Им определяли размеры угодий и количество скота в зависимости от койкомест [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 107, л. 61—62]. Что интересно, работа таких хозяйств не рассматривалась как внутреннее дело самих предприятий и контролировалась на высоком уровне. В документах калининградского горисполкома отдельным вопросом ставилась подготовка к зимовке скота подсобных предприятий [4, ф. Р-216, оп. 1, д. 23, л. 330]. Областной отдел здравоохранения отчитывал руководство больниц за плохое содержание скота и недостаток усилий в заготовке кормов. Более того, сохранилась отпечатанная в московских типографиях брошюра с министерскими указаниями о том, в каких областях и краях (конкретно — в Челябинской области и в Криворожье) руководство электростанций [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 106, л. 117] добилось высоких показателей в производстве сельскохозяйственной продукции, а в каких регионах дело развалено. Это свидетельствует о том, что аграрное производство при промышленных и социальных предприятиях не было специфическим калининградским явлением и область попадала в число критикуемых наравне со всеми, но исключительных мер в связи с низким качеством работ не принималось — все хорошо понимали, что подсобное хозяйство должно давать хоть какой-то продукт, замещавший недостаток в снабжении.

Наверное, жестких требований не должно было предъявляться и военным, с учетом того что сельское хозяйство — не их специализация. Однако имеющиеся в архиве материалы, в частности приказы сельхозуправления 11-й гвардейской армии, свидетельствуют о том, что и там старались подходить к земледелию и животноводству со знанием дела. Установленные в приказном порядке сроки сева и уборки, начала стойлового содержания скота перемежаются с приказами об отдельных нарушениях дисциплины, в том числе производственной. Так, в связи с задержкой прополки было предписано отправить на место немецкое население (включая официальных труженников военхозов), предварительно выявив и изъяв весь имеющийся у них хлеб, который выдавался обратно по частям при

условии выполнения дневных норм выработки [4, ф. Р-139, оп. 9, д. 2а, л. 16]. За нарушение норм содержания скота начальники военхозов подвергались строгим выговорам, арестам (домашним и с отбыванием на гауптвахте), а то и предупреждениям о неполном служебном соответствии. Особенно строго наказывали за непредоставление пятидневной отчетности по молоку [4, ф. Р-139, оп. 9, д. 2а, л. 25]. Во всех приказах стоит подпись подполковника Н. Ксюнина, который руководил всеми 30 военными совхозами. Кстати, с преобразованием военного управления в Госплемтрест совхозов он остался во главе гражданского ведомства, некоторое время продолжая подписываться как подполковник [4, ф. Р-139, оп. 9, д. 13а, л. 196]. Хотя тональность приказов несколько изменилась, но стиль руководства сохранился и директора совхозов по-прежнему стояли перед подполковником навтыжку [4, ф. П-1, оп. 2, д. 112, л. 60].

Много ли скота содержалось в подсобных, военных и гражданских хозяйствах? Специальная статистика общего плана в документах отсутствует, хотя о значимости учета говорит тот факт, что в стране ежегодно проводились переписи скота, который находился как в собственности государственных, ведомственных и коллективных хозяйств, так и в собственности граждан. Для этой работы готовились специальные обходчики, которых снабжали указаниями о том, что за утайку скота от переписи ответственность может быть вплоть до уголовной. Переписи были действительно всесоюзными: сохранилось несколько случайно подшитых в другие дела бланков переписей скота в воинских частях, оформленных на латышском и русском языках — их, очевидно, прислали из штаба округа в Риге [4, ф. Р-181, оп. 4, д. 10, л. 2—4]. В переписных листах фиксировались в основном лошади, но указан также и крупный рогатый скот, и свиньи, и птицы (куры и гуси). Государство было заинтересовано знать точные цифры имеющихся продовольственных резервов с учетом того, что скот подвергался падежу, приплод не всегда адекватно фиксировался (особенно это касалось свиней) и подобные ситуации предоставляли

возможности для его «разбазаривания». Под последним могли пониматься как прямые хищения с целью обогатиться или просто выжить, так и неофициальная оплата нужных для хозяйства материалов или работ сторонними организациями, а то и необходимость поставить продукты для какого-нибудь совещания партхозактива (категорический запрет такой практики как раз и свидетельствует о ее распространенности).

Не забудем еще одну функцию учета — фискальную. Государство, направляя людей заселять Калининградскую область, гарантировало трехлетнее освобождение от сельхозналогов для колхозов и граждан, делая одну оговорку — кроме молока (что естественно, поскольку коровы должны доиться, а летом надои, как правило, превышают текущие потребности как граждан, так и хозяйств). Постановление ничего не говорило о подсобных хозяйствах, но о них вспомнили уже осенью засушливого 1946 г., предъявив требования о сдаче, помимо 30 кг зерна с га пашни, 2,5 кг топленого масла с коровы [4, ф. Р-298, оп. 1, д. 8, л. 62]. Существовали цифры взаимозачета масла молоком, но, поскольку подсобные хозяйства явно были не приспособлены для хранения и последующей передачи молока, за основу взяли именно масло. Звучали предложения и о более раннем начале сдачи мяса государству: правительственная телеграмма предлагала рассмотреть вопрос о введении в области с 1948 г. обязательных поставок — 10 кг с коровы, 20 кг со свиньи и 3 кг с овцы у колхозов, 40 кг с хозяйства колхозника и 60 кг с хозяйства единоличника (их в области не было, но предлагалось распространить нормы поставок с единоличных хозяйств на рабочих и служащих совхозов с 50%-ной скидкой, правда, предложение принято не было [4, ф. Р-297, оп. 1, д. 116, л. 20]. Сказанное нельзя считать свидетельством того, что молочного скота у подсобных хозяйств было в избытке — скорее это были отчаянные попытки задействовать все скрытые резервы в условиях надвигавшегося на страну голода 1946—1947 гг. (в самой области голода как такового не было, но серьезные трудности с нехваткой питания наблюдались).

Еще раз отметим, что скот был не только допустимым средством выживания переселенцев и их удержания в деревне. Скот требовалось кормить зимой и пасти летом. На 0,5 га (имевшихся не у каждого) приусадебного участка эту задачу самостоятельно решить тяжело. Однако колхозный устав, единый в типовом виде для всей страны, предполагал право выпаса личного скота на общественных пастбищах и некоторую помощь в заготовке сена (например, воспользоваться для его транспортировки колхозной лошадей). Тот же устав обязывал выработать минимум трудодней каждого члена колхоза, а также подростков 12—16 лет (правда, для них норма была чуть меньше). С выработкой и были проблемы. Поэтому периодически поднимался вопрос об исключении нерадивых колхозников, что означало отказ от предоставления им тех самых льгот, включая право пользования приусадебным хозяйством (а другой земли у переселенца быть не могло). Конфликты на почве изъятия льгот возникали и по другим причинам: если человек уходил на работу в МТС или в лесхоз, его семье (особенно престарелым членам) могли не дать лошадь для вспашки огорода, а то и поставить вопрос о выселении (в том числе из колхозного дома). Так что скот являлся еще и средством поддержания дисциплины в колхозах.

Возвращаясь к фискальным составляющим, следует указать, что их принято считать (применительно к личным хозяйствам) самыми жесткими именно в послевоенное время, если брать СССР в целом. Утвержденные в 1939 г. нормы доходности с головы скота изменились в канун реформы 1947 г.: 2800 руб. с головы коровы, 180 руб. с овцы либо козы, 1500 руб. со свиньи (столько же с вола или быка), 300 руб. с улья. Ставка налога были прогрессивной, в ней учитывался не только скот, но и площадь приусадебных посевов зерновых, картофеля и овощей (по разным ставкам) [4, ф. Р-514, оп. 1, д. 51, л. 44]. Обладателю только коровы пришлось бы платить 313 руб. в год, но если облагаемая база «тянула» на 5 тыс. руб., сумма возрастала до 773 руб., что было немало для того времени. Заметим,

что освобождение от налогов действовало 3 года с момента переселения, которые у первых жителей области истекали, когда новые переселенцы еще продолжали прибывать.

Однако в послевоенное время государству предпочтительнее было получать продукты, чем деньги (и не только потому, что этим можно было снять с крестьянина организацию продажи сельхозпродукции). У заготовителей того времени существовали таблицы перевода одних продуктов в другие с указанием размеров соответствующей замены. Очень часто главным заменителем выступало молоко, выяснилось, что неплохо дело обстояло и с шерстью (правда, она в основном была очень грубой, перерабатывать ее было практически негде и от этой практики со временем отказывались). Что же касается мяса, то далеко не все могли предложить родившегося и выжившего бычка или откормленного поросенка. Поэтому приходилось покупать животных в складчину, иногда сталкиваясь с аферистами или просто безответственными посредниками [4, ф. Р-384, оп. 3, д. 24, л. 29]. Поэтому налоговые выплаты были существенным тормозом для расширения поголовья в личном хозяйстве.

Количество имевшегося скота на середину XX в. представлено в таблице 3 ниже.

Таблица 3

Численность скота и прирост поголовья по разным категориям владельцев за 1950 г. (на 1 января 1951 г.)

Показатель	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
Наличие скота в колхозах	44 970	27 373	16 390	17 391
Прирост за 1950 г.	+ 5585	+ 9259	+ 5467	+ 2743
Наличие скота в государственных хозяйствах и ското-базах	39 728	30 415	4373	13 684
Прирост за 1950 г.	+ 769	+ 4419	+ 258	- 288

Окончание табл. 3

Показатель	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
Наличие скота у колхозников	26 973	4976	24 696	0
Прирост за 1950 г.	+534	-3829	+3299	-5
Наличие скота у рабочих и служащих в сельской местности	17 948	4581	3717	+3
Прирост за 1950 г.	+3096	-2645	+1188	
Наличие скота у рабочих и служащих городов	10 777	3776	2274	14
Прирост за 1950 г.	+1658	-2305	+679	+1
По всем категориям наличие скота	140 396	7121	51 450	31 094
Прирост за 1950 г.	+11 642	+4899	+10 891	+2454

Составлено по [4, ф. Р-181, оп. 6, д. 13, л. 5—6].

К сожалению, в источнике отсутствуют данные о том, какое поголовье находилось во владении собственно подсобных хозяйств, а какое — в совхозных стадах (эти показатели даны в сумме как скот государственных предприятий). Однако можно сделать вывод о том, что в личном пользовании находилось 39,7% всего крупного рогатого скота (в колхозах — 32%, доля собственно коров во владении колхозников и других личных собственников была еще выше), 18,7% свиней (в колхозах — 38,5%)¹, 59,6% овец и коз (причем у колхозников — 48%, а в колхозах — 31,9%: козы и овцы были для личных хозяев источником мяса, и в большой степени молока). Некоторые графы таблицы показывают, что в своем хозяйстве колхозники и работники совхозов управлялись лучше, чем с государственным или общественным поголовьем. Поэтому определенное

¹ Эта разница была связана с трудностями обеспечения свиней кормами, также свою роль играл налог по мясу.

беспокойство у руководства имелось. Поводом для этого были не только отвлечение от общего дела или нерадивость по отношению к масштабным задачам, но и стремление к возможному обогащению, что категорически не приветствовалось в идеологическом плане, особенно в случаях руководящих работников. «Партийное лицо корова языком слизала» — такую оценку дали второму секретарю Нестеровского райкома партии, позволившему себе, не взяв с собой из Ленинграда семью, обзавестись коровой и продавать излишки молока [1, с. 13]. Это, безусловно, случай крайний, но соблюдение баланса между нормальным стремлением иметь хозяйство, обеспечивающее индивидуальные потребности (к тому же исправно осуществляющее налоговые выплаты и заготовки), и опасностью не столько обогащения, сколько индивидуальной самодостаточности, так и оставалось нерешенным вопросом.

Присутствовавший на одном из совещаний передовиков сельского хозяйства, прошедшем в конце 1948 г., первый секретарь обкома В. В. Щербаков, покритиковав за разные недостатки отдельные районы, хозяйства и руководителей, бросил такую фразу: «Животноводством у нас не только в области, но и в колхозах и районах по-настоящему еще никто не занимался» [4, ф. Р-139, оп. 9, д. 67, л. 210]. С одной стороны, она звучит странно: по надоям на корову область стала лидером на северо-западе РСФСР. Есть в этом высказывании и другие смыслы: успехи получились отчасти сами собой, следует задействовать еще многие резервы, чтобы создать кормовую базу, мелиоративно-обустроенные пастбища, животноводческие комплексы... Предположим и еще один скрытый аспект — необходимость целенаправленной политики, которая позволила бы сделать животноводство (прежде всего мясомолочное) отраслью, куда стало бы возможным направить все усилия государственных и кооперативных хозяйств, в том числе приложенные пока к скоту в личном пользовании. Вероятно, скот в подсобных хозяйствах предприятий в эту политику тоже очень вписывался.

Несмотря на то что реальные меры в этом направлении будут приняты лишь во второй половине 1950-х гг., следует признать, что при всем внимании к развитию животноводства в личных хозяйствах граждан и предприятий в Калининградской области первых лет ее существования данное направление не рассматривалось как сугубо специфическое или перспективное явление.

Список источников и литературы

1. *История* сельского хозяйства Калининградской области (1945—2006) / ред. Ю. С. Шалимов, В. Н. Маслов, А. Л. Гусев. Калининград, 2006.

2. *Костяшов Ю. В.* «Секретная история» Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.

3. *Маслов В. Н., Баранова Е. В., Лопатин М. М.* «Нам удалось перевезти мебель, и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 году // Журнал фронтальных исследований. 2022. № 3. С. 34—62.

4. *Государственный архив* Калининградской области.

5. *О первоочередных мероприятиях по заселению районов и развитию сельского хозяйства Калининградской области* : постановление Совета министров СССР № 1522 от 09.07.1946 г. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4605.htm?ysclid=mcdhinia7p539601015 (дата обращения: 24.07.2024).

УДК 947.084 (063)

А. И. Шевельков

**О некоторых аспектах
развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны
РСФСР во второй половине XX века**

На основе преимущественно новых архивных документов анализируется аграрная политика государства в условиях нарастания кризиса в сельском хозяйстве. Выявляются основные причины неэффективности аграрного производства АПК Нечерноземной зоны РСФСР.

The article analyzes the state agrarian policy in the context of the growing crisis in agriculture, drawing primarily on newly discovered archival documents. The author identifies the main causes of the inefficiency of agricultural production in the agro-industrial complex of the non-Chernozem zone of the RSFSR.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, нарастание кризиса, неэффективность сельскохозяйственного производства

Keywords: Agricultural politicizes, agriculture, the crisis development, ineffectiveness of the agricultural production

За 1960—1980 гг. в сельское хозяйство страны было направлено 656 млрд руб. бюджетных средств, что позволило значительно укрепить его техническую базу. Общая энерговооруженность труда в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве возросла с 7,7 л. с. в 1965 г. до 32,6 л. с. в 1985 г. С 1970 по 1985 г. в РСФСР производственные фонды сель-

© Шевельков А. И., 2025

хозпредприятий увеличились в 3,4 раза, а энергетические мощности — в 2,3 раза [1, ф. 2, оп. 3, д. 191, л. 78]. В результате различных мероприятий, предпринятых до середины 1970-х гг., фактически был сформирован агропромышленный комплекс Нечерноземной зоны страны, который включал крупные сельскохозяйственные организации, многочисленные перерабатывающие предприятия, имел значительные возможности в обеспечении населения продовольствием, а промышленности — сырьем. И хотя для эффективного ведения сельскохозяйственного производства были созданы практически все необходимые материально-технические условия, темпы роста валовой продукции отрасли постоянно снижались: если в восьмой пятилетке (1966—1970 гг.) по сравнению с предшествующим пятилетием прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 21 %, в девятой — 13 %, в десятой — 8,6 %, а в одиннадцатой — лишь 5,3 %. Несмотря на огромные затраты, объем производства валовой продукции в республике вырос только на 7 %, а в Нечерноземной зоне ее рост вообще прекратился. В 1976—1985 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. более чем вдвое возросло число убыточных хозяйств [2, с. 191]. Неэффективность аграрного производства была не только результатом разрушительной Великой Отечественной войны, низкой материально-технической обеспеченности сельского хозяйства и недофинансирования отрасли. Прежде всего, она стала следствием насильственной коллективизации 1920—1930-х гг., когда земля лишилась настоящего хозяина, а также сложившихся неравноправных экономических взаимоотношений между государством и колхозами, социального и правового ущемления интересов крестьянства. Только в период 1946—1953 гг. из 298 млрд руб. национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве, 105 млрд руб. были направлены в другие отрасли экономики. Сначала через прямые налоги, а затем, в условиях усиления административно-командной системы и другими методами, происходило изъятие произведенной сельскими тружениками продукции, прибыли хозяйств.

Нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве в начале 1950-х гг. потребовало изменений в аграрной политике государства. Сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС были приняты достаточно радикальные меры, направленные на улучшение экономического положения сельского хозяйства и его тружеников. Серьезное внимание было уделено повышению материальной заинтересованности хозяйств, увеличению капиталовложений в аграрный сектор, росту оплаты труда колхозников. Были введены более высокие закупочные цены на сельхозпродукцию, сокращены нормы ее обязательных поставок государству, снижены ставки натуроплаты за работы МТС. Эти и другие меры позволили в 1954—1958 гг. увеличить среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства до 8,6%, против 1,3% в предыдущем пятилетии [3, с. 34]. Однако в последующие годы обозначилось резкое снижение среднегодовых темпов развития сельхозпроизводства. Вместо запланированных 7—9% прирост валовой продукции составил 1,7% [1, ф. 3, оп. 12, д. 100, л. 3]. Среди причин нарастания проблем в аграрной сфере во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. следует назвать отход от решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, включая сокращение финансирования. Если в 1954—1958 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство составили 11,3% от общего объема финансирования народного хозяйства, то в 1959—1965 гг. — лишь 7,5%. Это особенно пагубно отражалось на плодородии пашни, урожайности зерновых, которая снизилась во многих хозяйствах Нечерноземной зоны РСФСР с 10—12 до 5—6 ц/га. Ухудшалось и качество сельхозпродукции. Колхозы и совхозы остро нуждались в улучшении технической оснащенности. На заседании Президиума ЦК КПСС в октябре 1960 г. Н. С. Хрущев прямо признал: «Насыщенность техникой сельского хозяйства не такая, как мы предполагали. Нужны гербициды или надо пропашной клин развивать, иначе дело придет к краху. Наш картофель потребитель не покупает, так как продаем навоз» [4, л. 28, 37].

Постоянный срыв планов производства сельхозпродукции, в том числе сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности, сдерживал не только развитие выпуска товаров народного потребления, рост товарооборота, но и повышение уровня жизни населения. Для выхода из нарастающего кризиса в сельском хозяйстве государством вновь были приняты меры административного характера. Во-первых, ускорилось укрупнение колхозов, их преобразование в совхозы, что легло тяжелым финансовым бременем на государство. Поэтому и настаивал Н.С. Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС (март 1957 г.): «Надо отказаться от выплаты за движимую и недвижимую собственность колхозов. Надо, чтобы собственность колхозов передавалась на добровольных началах совхозам» [1, ф. 2, оп. 3, д. 173, л. 12]. По постановлению февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС был начат процесс реорганизации МТС. Колхозы обязали выкупить у МТС и РТС помещения и оборудование, а также технику, большая часть которой была изношена и требовала значительных финансовых вложений на ее ремонт. Хозяйства были вынуждены брать кредиты в Госбанке СССР, и большинство, не имея возможности по ним расплатиться, становились убыточными или низкорентабельными. Только по решению мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС с колхозов была списана задолженность в объеме 2010 млн руб., в том числе 120 млн руб. за выкупленную у МТС технику. На 1 января 1965 г. долги колхозов достигли 5355 млн руб. [1, ф. 2, оп. 1, д. 768, л. 98]. На этом же пленуме ЦК были названы основные причины падения аграрного производства. Во-первых, это игнорирование экономических законов планомерного и пропорционального развития расширенного воспроизводства, принципов сочетания общественных и личных интересов, материальной заинтересованности тружеников села. Во-вторых, применение в планировании, ценообразовании, финансировании и кредитовании методов «волевого характера». В-третьих, использование в практи-

ке руководства сельским хозяйством административно-командных методов. В-четвертых, завышение планов производства сельхозпродукции, которые не подкреплялись экономическими мерами: соблюдением диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, укреплением материально-технической базы, достаточным финансированием. В-пятых, невыполнение необходимых агротехнических мероприятий, включая заботу о повышении плодородия почвы и т. д. [1, ф. 3, оп. 12, д. 1011, л. 7, 8]. Несмотря на это, опубликованные статистические данные о производстве валовой продукции 1966—1970 гг. показывали, что объем производства сельхозпродукции по сравнению с предшествующим пятилетием вырос на 18 %.

Особенно тяжелым было положение в зерновом хозяйстве. План по производству зерна не выполнялся, а по уровню потребления отдельных продуктов питания на душу населения страна откатилась к 1960 г. Среди факторов снижения эффективности сельского хозяйства вновь назовем как недофинансирование отрасли (за пятилетку сельское хозяйство недополучило более 12 млрд руб., или 23 % от общего объема вложений), так и недопоставки почти 1 млн единиц техники [1, ф. 2, оп. 3, д. 190, л. 12, 36]. В итоге сельское хозяйство страны серьезно отставало по своей технической оснащенности от сельского хозяйства зарубежных стран. Так, в США за период 1953—1968 гг. урожайность зерновых (без кукурузы) повысилась с 12 до 20,6 ц/га. При этом американцы увеличили количество тракторов с 26 до 63 на 1000 га пашни, а применение минеральных удобрений у них выросло более чем в 2 раза — с 31 до 72 кг на 1 га пашни. В этот же период в нашей стране урожайность зерновых составляла около 10,4 ц/га, а в отдельных районах — 5—6 ц/га; на 1000 га работало 15 тракторов, на 1 га пашни вносилось 35 кг удобрений [1, ф. 2, оп. 3, д. 195, л. 283, 285].

По нашему мнению, на рубеже 1960—1970-х гг. завершается процесс формирования государственной системы изъятия

средств, заработанных сельскими тружениками. И делалось это в завуалированной форме, прежде всего посредством занижения цен на сельхозпродукцию и обязательного страхования. Только через механизм цен и систему налога с оборота государство ежегодно изымало из доходов хозяйств от 43 до 56 млн руб. [5, с. 94]. Последствия несоответствия закупочных цен на мясо и затрат на его производство очевидны из «рабочего», не озвученного варианта доклада Л.И. Брежнева на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС. Только в 1962—1963 гг. потери колхозов и совхозов от реализации мяса составили более 4,5 млрд руб. Нерентабельность производства по причине низких закупочных цен, незаинтересованность колхозов в производстве мяса приводили к резкому сокращению поголовья скота. К примеру, в 1966 г. количество свиней сократилось на 58 млн голов, в 1969 г. — на 49 млн [1, ф. 2, оп. 1, д. 783, л. 34], в том числе из-за отсутствия условий для их содержания. Как свидетельствуют архивные документы, сыграло свою роль и отношение государства к решению данной проблемы. Так, выступая на заседании Президиума ЦК КПСС (1960 г.), Н.С. Хрущев возмущался: «Я спрашиваю, товарищи, какой умный, не говоря, что он не умный, кто нам навязал строить свинарники для поросят, где для каждой свиньи отдельное стойло с зеркалом. Где это есть, где это было? Нигде. У нас... Мы для каждой коровы станок, каждой вилку и нож, автопоилка отдельная у каждой. Что это за идиотизм! Это страшно дорого. Теперь это ломается» [1, ф. 2, оп. 3, д. 173, л. 16]. Во второй половине 1960-х гг. непригодных для содержания животных помещений было более 50%. Только в 1969 г. из-за низких зимних температур, бескормицы, отсутствия условий для содержания погибло 12 млн голов овец. Несмотря на принимавшиеся меры, и в середине 1970-х гг. обеспеченность скота типовыми помещениями составляла лишь от 51 до 78% от потребностей [1, ф. 5, оп. 74, д. 234, л. 27]. Главная причина отсутствия помещений для содержания жи-

вотных заключалась в постоянном росте стоимости строительства производственных объектов. За 1965—1969 гг. стоимость одного скотоместа в помещениях возросла почти в 2 раза, а для свиней и овец — в 2,7—3,4 раза. В 1970—1980-е гг. рост цен в сельском строительстве сохранился. Так, средняя стоимость скотоместа в помещениях для крупного рогатого скота с 1976 по 1985 г. увеличилась на 22%, свиней — в 1,5 раза, овец — 1,4 раза. В результате удорожания строительства в 1971—1975 гг. колхозам и совхозам РСФСР пришлось дополнительно истратить 21,6 млрд руб. [1, ф. 5, оп. 64, д. 432, л. 24—26].

Монопольное право промышленных предприятий самостоятельно устанавливать стоимость своей продукции на практике привело к неконтролируемому росту цен. К примеру, только в 1972 г. по сравнению с 1966 г. дополнительные затраты колхозов РСФСР составили по горюче-смазочным материалам — 218 млн руб., по минеральным удобрениям — 72 млн руб., по запасным частям — 29 млн руб. В результате роста стоимости запчастей в 2—2,5 раза резко повысились и цены на сельхозтехнику. За 1971—1985 гг. доля материальных затрат в сельхозпродукции увеличилась с 43,5 до 60,1%. Необоснованный рост цен на сельхозтехнику только в 1984—1986 гг. привел к дополнительным затратам хозяйств почти на 6 млрд руб. В то же время увеличение цен вызвало рост себестоимости производства продукции: с 1980 по 1987 г. она выросла от 6,5 до 26,3%. Общая же сумма удорожания валовой продукции превысила 54 млрд руб. [1, ф. 2, оп. 3, д. 191, л. 70—72]. Закупочные цены на сельхозпродукцию поднимались несопоставимо медленнее, более быстрыми темпами увеличивались издержки хозяйств. К примеру, в 1972 г. по сравнению с 1965 г. сумма издержек в производстве сельхозпродукции в колхозах РСФСР возросла на 5,6 млрд руб., или на 67%. Если в 1966—1970 гг. по колхозам республики темпы роста издержек производства превышали темпы роста валовой продукции в 1,4 раза, то в первой половине 1970-х гг. — в 2,2 раза. В итоге за пери-

од 1965—1975 гг. себестоимость производства всех сельхозпродуктов, кроме яиц кур, повысилась более чем в 1,3—1,5 раза [1, ф. 2, оп. 3, д. 192, л. 8].

Одним из способов изъятия государством доходов хозяйств являлся постоянный рост амортизационных отчислений. В 1970 г. в РСФСР была проведена инвентаризация и переоценка основных фондов колхозов, что сразу привело к искусственному повышению стоимости основных фондов сельского хозяйства на 6%, а в колхозах — на 12%. В свою очередь, такое повышение обусловило рост суммы ежегодных амортизационных выплат хозяйств на 90 млн руб.

В 1968 г. был введен новый порядок государственного страхования имущества колхозов, а в 1970 г. было установлено обязательное отчисление их средств в централизованный фонд социального страхования колхозников. В результате в 1972 г. по сравнению с 1967 г., размеры страховых платежей колхозов РСФСР возросли более чем вдвое, а по страхованию сельскохозяйственных культур — в 4 раза. В общей сложности в 1972 г. колхозы внесли страховых платежей на 405 млн руб. больше, чем в 1967 г. Кроме того, в союзный фонд соцстрахования колхозников было отчислено 129 млн руб. Только по этим причинам издержки на производство сельхозпродукции увеличились на 938 млн руб., что составляло 7% от общей суммы производственных затрат [6, ф. А-259, оп. 46, д. 2281, л. 46, 129].

На протяжении всей второй половины XX в. материально-техническая база колхозов и совхозов хронически отставала от потребностей сельского хозяйства. Даже к середине 1980-х гг. из 3896 технических средств, предусмотренных утвержденной системой машин, почти $\frac{1}{3}$ находилась в стадии разработки. Из 1956 технических средств, предназначенных для растениеводства, были освоены только 44% наименований, а для животноводства из 1949 наименований — лишь 59%. Расчеты показывали, что для уборки зерновых культур в оптимальные сроки (за 10—12 дней) требовалось 830 тыс. комбайнов, а в нали-

чии было только 517 тыс. Из-за нехватки комбайнов и другой техники уборка зерновых продолжалась 30—40 дней, что приводило к большим потерям урожая. Только из-за несвоевременного выполнения полевых работ, запаздывания с уборкой хлебов ежегодно терялось 15—16 млн т зерна [6, ф. А-259, оп. 46, д. 2281, л. 34].

Эффективность сельхозпроизводства в немалой степени зависела от соблюдения хозяйствами необходимых агротехнических мероприятий, заботы о плодородии земли. Однако в начале 1970-х гг. в Нечерноземной зоне РСФСР севообороты были освоены только на 77,2 млн га, или 61 % общей площади пашни. В целом ряде областей и автономных республик систематически не выполнялись планы вспашки зяби и паров, а многие агротехнические работы проводились с нарушением научно обоснованных технологий. К примеру, в 1971 г. вспашка зяби в оптимальные сроки была проведена на 35 млн га, что составляло 52 % общей площади, а для хозяйств Центрального района — только 31 %. В ряде областей Нечерноземья план подъема зяби был выполнен лишь на 6—20 %. В итоге в 1971 г. из 18,2 млн га общей площади посевов озимых на зерно в оптимальные сроки было засеяно только 8,4 млн га, или 45 %, а в хозяйствах Нечерноземной зоны РСФСР — всего 15—40 %. По данным НИИ сельского хозяйства Центральных районов Нечерноземья, урожайность озимых, посеянных 5 сентября, снижается на 23 % по сравнению с озимыми, высеванными в оптимальные сроки — до 15 августа. В среднем по РСФСР прополка колосовых культур проводилась только на 20 % площадей посевов, а в ряде областей Нечерноземья — от 2 до 10 % [6, ф. А-259, оп. 1, д. 2931, л. 12, 48—51].

Наращение трудностей в аграрном производстве на протяжении всех послевоенных десятилетий привело к тому, что в конце 1980-х гг. сельское хозяйство страны, прежде всего Нечерноземной зоны РСФСР, представляло собой одну из наиболее трудоемких и наименее производительных отраслей экономики.

Список источников и литературы

1. *Российский* государственный архив новейшей истории.
2. *Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрная политика России — XX век. М., 2002.
3. *Сельское хозяйство СССР* : стат. сб. М., 1971.
4. *Пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г.* : стеногр. отчет. М., 1965.
5. *Тихонов В.А.* У истоков // Погружение в трясины (Анатомия застоя). М., 1991.
6. *Государственный архив Российской Федерации.*

**Трудности первого этапа реорганизации
колхозов и совхозов в 1990-е годы
(на материалах областей Центрального Черноземья)**

В статье на основе архивных данных и материалов местной периодической печати выявляются трудности первого этапа реорганизации колхозов и совхозов в областях Центрального Черноземья в первой половине 1990-х гг.

The article, based on archival data and materials from the local periodical press, identifies the difficulties of the initial stage of the reorganization of collective and state farms in the regions of the Central Chernozem region during the first half of the 1990s.

Ключевые слова: аграрная реформа, 1990-е годы, реорганизация колхозов и совхозов, Центральное Черноземье

Keywords: agrarian reform, 1990s, reorganization of collective farms and state farms, Central Chernozem region

Процесс реорганизации колхозов и совхозов является ключевым мероприятием аграрной реформы 1990-х гг. Его целью стало совершенствование земельных отношений, повышение эффективности сельскохозяйственного производства и создание условий для развития предпринимательства на селе. Однако реализация данного процесса проходила нелегко. Колхозам и совхозам, от которых требовалось изменить форму собственности и хозяйствования, пришлось столкнуться с большим количеством трудностей.

1. *Жесткие сроки проведения реорганизации.* Данное обстоятельство повлекло за собой необходимость осуществлять реорганизацию в два этапа, что изначально не планировалось. В постановлении Правительства РФ № 86 от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» говорилось, что все сельхозпредприятия должны провести реорганизацию и перерегистрироваться до 1 января 1993 г. Однако на деле в большинстве случаев реорганизация прошла формально. К 1 марта 1993 г. лишь 87% колхозов и совхозов перерегистрировались, из них более трети сохранили свой прежний статус. Завершение перерегистрации не означало, что новые типы хозяйств, выбранные коллективами сельхозпредприятий, успешно функционировали. Преобразования зачастую сводились к смене вывески, а не к поиску резервов и путей увеличения производства продукции, повышения рентабельности и улучшения социально-бытовых условий работников хозяйств.

2. *Консерватизм сельских жителей.* У большинства селян, оказавшихся в ходе реорганизации владельцами земли и имущества, даже после реформирования сельхозпредприятий сохранилось прежнее мышление и отношение к собственности, прежняя психология «колхозного иждивенчества». За столь короткое время они не успели адаптироваться к новым условиям и психологически перестроиться. В результате наступил момент, когда государственный контроль за использованием земли и имущества сельхозпредприятий уже был утрачен, а их работники еще не почувствовали себя хозяевами средств производства. Не удивительно, что уровень хозяйственной деятельности многих реорганизованных предприятий стал резко падать: снизились трудовая дисциплина, ответственность за производство продукции, сохранность техники, сельскохозяйственного инвентаря, поголовья скота; не был налажен контроль за использованием энергетических ресурсов (в то время как цены на них сильно возросли).

3. *«Безжалостная» налоговая и кредитная политика государства.* В отличие от крестьянских (фермерских) хозяйств

сельхозпредприятия не пользовались большим количеством льгот при уплате налогов и получении кредитов. Помимо подоходного налога и налога на добавленную стоимость они должны были платить налоги на прибыль, на имущество, на землю, на транспорт, за дороги, отчисления в пенсионный и страховой фонды, а также региональные и местные налоги (сбор на нужды образовательных учреждений, налог на содержание жилищного фонда, сбор на содержание милиции и др.). В результате существенно возросло общее бремя налогообложения сельхозпредприятий, исчисляемое как отношение налогов к сумме выручки от реализации сельскохозяйственной продукции. В 1991—1995 гг. процент отчислений налогов к выручке от реализации увеличился с 2,9 до 9,3% [1, с. 278]. В 1992 г. сельскохозяйственный кооператив «Восход» Мичуринского района Тамбовской области заплатил 30 млн руб. налогов, что, по словам его председателя, значительно превысило сумму, пошедшую на выплату заработной платы [2]. Если в 1992 г. сельхозпредприятия получали кредиты в банках под 125% годовых, то в 1993 г. ставка по кредитам возросла в 1,8—2 раза и составила 230—250%.

4. *Диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.* Был нанесен серьезный удар по сельскохозяйственным предприятиям. В 1993 г. производство каждого центнера молока обходилось хозяйствам в 200 руб., а государство закупало его по 125 руб. за центнер. Стоимость одного седла составляла 560 тыс. руб., в то время как сама лошадь, если сдать ее на мясо, стоила не более 340 тыс. руб. [3]. Диспаритет цен вызывал рост затрат на приобретение и использование материально-технических ресурсов. Положение усугублялось тем, что покупатели сельскохозяйственной продукции (в том числе государственные заготовительные организации) хронически задерживали выплаты за нее.

5. *Снижение рентабельности производства.* Названные выше факторы оказали отрицательное воздействие на экономику сельхозпредприятий. Стала снижаться рентабельность их

производства. В начале 1990-х гг. она составляла в Воронежской области 24 %, в Липецкой — 25 %, в Курской — 29 % [4, с. 20].

Наметилась тенденция к увеличению числа убыточных хозяйств, среди которых можно назвать АО «Новая жизнь» Пристенского района Курской области, АО «Искра» Уваровского района Тамбовской области, АКХ «Бирюза» Становлянского района Липецкой области [5—7]. Иначе говоря, для многих реорганизованных хозяйств объединение условно выделенных земельных и имущественных долей в коллективно-долевою собственность не дало толчка к увеличению или хотя бы сохранению объемов производства сельхозпродукции.

6. *Расхищение имущества сельхозпредприятий.* Как отмечает А. В. Петриков, в первые годы аграрной реформы стал развиваться «процесс так называемой стихийной реорганизации», которая выражалась, «во-первых, в номенклатурной приватизации и вызванном ею росте влияния в реорганизованных хозяйствах их руководителей и специалистов — главных представителей сельской элиты; во-вторых, в “народной” приватизации, так называемом разбазаривании общественного имущества... перекачке средств из сельскохозяйственных предприятий в личные подсобные хозяйства населения» [8, с. 108].

Немаловажную роль в этом негативном процессе зачастую играли руководители хозяйств. В Лебедянском районе Липецкой области руководитель ТОО «Рассвет» Н. Маковкин, вся деятельность которого заключалась в личном обогащении за счет имущества вкладчиков и прибавочной стоимости их труда, построил для себя в г. Ставрополь двухэтажный особняк. Убегая в Ставрополье, он прихватил с собой бортовую машину УАЗ, легковой автомобиль «Москвич», трактор Т-40. И учредители хозяйства спокойно это перенесли. Тот факт, что владельцы земельных долей и имущественных паев никак не реагировали на расхищение имущества предприятий их руководителями, а порой и сами принимали участие в «растаци-

ловке» с целью укрепления своих личных подсобных хозяйств, свидетельствовал о том, что они пока еще не ощущали себя собственниками, не научились разумно использовать землю, основные и оборотные средства предприятия для расширенного воспроизводства сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, действительно, за 2—3 года работникам коллективных хозяйств трудно было психологически перестроиться, поскольку для этого требуется более длительный период времени (невозможно в одночасье перечеркнуть многолетний опыт ведения хозяйства). С другой стороны, представители местных органов власти и юридических служб, руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий (как наиболее грамотная часть сельского населения) призваны были ускорить данный процесс путем проведения разъяснительной работы в хозяйствах. Однако в большинстве случаев они не справились с возложенной на них задачей. В результате одной из причин снижения экономического потенциала ряда сельскохозяйственных предприятий стало то, что и руководители, и работники предприятия боялись развала хозяйства как структуры, но не придавали значимости ее экономической целесообразности, адаптации в совершенно новых хозяйственных взаимоотношениях как внутри самого хозяйства, так и по горизонтальным и вертикальным хозяйственным связям.

7. *Выход из коллективных предприятий работников, желающих организовать единолично фермерское хозяйство.* Проблема заключалась в том, что большинство из них составляли специалисты и квалифицированные работники хозяйств: агрономы, экономисты, механизаторы, обладавшие высоким уровнем знаний и опытом. Их уход негативно сказывался на качестве ведения сельскохозяйственного производства в коллективных предприятиях.

8. *Сокращение землепользования сельскохозяйственных предприятий.* Проводимый в рамках аграрной реформы процесс перераспределения и приватизации земель привел к со-

кращению землепользования сельскохозяйственных предприятий. Уже на первом этапе реформы у них были изъяты не только неиспользуемые ими земли, но и 10% закрепленных за ними сельскохозяйственных угодий [9, п. 1]. Затем в 1992 г. было предписано включить в фонды перераспределения земель участки, оставшиеся после бесплатной передачи земель (по среднерайонным нормам) коллективам сельскохозяйственных предприятий [10, п. 5]. В результате в особо тяжелом положении оказались хозяйства с недостатком трудовых ресурсов, так как размеры сохраняемых за коллективными хозяйствами земельных площадей определялись в том числе и численностью их работников. В особенности это коснулось тех предприятий, которые находились в отдалении от областных и районных центров. Обезземеливание многих сельскохозяйственных предприятий также зачастую отрицательно сказывалось на развитии их производства.

Положение коллективных хозяйств осложнилось и будущей неопределенностью в отношении земельных участков, выделенных пенсионерам и работникам социальной сферы. Эти земли оказались наименее надежными для организации на них устойчивого производства, поскольку имели место случаи изъятия их своими владельцами из землепользования сельхозпредприятий и передачи в аренду лицам, организующим крестьянские (фермерские) хозяйства. Не была застрахована от сокращения и площадь земель фонда работающих, так как за всеми работниками закреплялось право выхода из хозяйства со своей земельной долей. К тому же появление требуемого кадрового пополнения было затруднено из-за отсутствия источника получения земельных долей, поскольку раздел земли на пай уже был произведен и каждый условно выделенный земельный участок имел своего владельца. Без этого же и так непривлекательная для многих работа в деревне могла стать еще менее заманчивой.

Сокращению землепользования коллективных хозяйств способствовал и процесс их разукрупнения, суть которого сво-

дидлась к выведению из хозяйства больших размеров производственного участка или отделения с целью создания нового сельскохозяйственного предприятия. Как правило, вновь образованные хозяйства быстро набирали силу и становились высокорентабельными, как, например, сельхозкооператив «Колос» Борисовского района Белгородской области, отделившийся от колхоза имени Ленина [11]. Но случалось и обратное: подобный раздел в 1992 г. колхоза «Красный октябрь» Обоянского района Курской области через год привел к полному развалу одной из половин этого хозяйства — кооператива «Садовая роща» [12].

9. *Трудности сбыта произведенной продукции.* Не считая обязательных поставок продовольствия государству, размеры которых существенно сократились, единственным каналом сбыта продукции для сельхозпредприятий оставались перерабатывающие предприятия. Это приводило к тому, что сельские товаропроизводители были вынуждены ориентировать свой севооборот на объекты переработки, имевшиеся в районе. Так, строительство завода по переработке гречихи в Ровенском районе Белгородской области стало причиной значительного увеличения гречишного поля в хозяйствах района [13]. Кроме того, перерабатывающие предприятия, пользуясь своей монополией на переработку, зачастую оказывали давление на сельских товаропроизводителей, диктуя им свои условия. Отрицательное воздействие на развитие коллективных хозяйств также имели низкие закупочные цены на сельхозпродукцию, не позволявшие окупить расходы на ее производство.

Вышеназванные факторы (а именно проблема сбыта продукции, монополия перерабатывающих предприятий и низкие закупочные цены) послужили основанием к тому, что многие коллективные хозяйства начиная с 1993 г. (а особенно в 1994 г.) стали покупать перерабатывающие мини-цеха, мельницы, маслобойки и оборудование к ним, открывать собственные пекарни и магазины. В некоторых районах эта тенденция приобрела массовый характер. Так, в Таловском районе Воро-

нежской области уже к концу 1993 г. 6 хозяйств имели собственные маслобойки и за сутки выпускали 6—9 тонн масла; 5 хозяйств приобрели крупорушки, 5 открыли свои пекарни, а в ТОО «Русь» заработал собственный колбасный цех [14]. Однако следует оговориться, что из-за высоких цен на перерабатывающее оборудование такую «роскошь» могли себе позволить только экономически крепкие предприятия. Кроме того, в условиях нехватки финансовых средств важное значение для сельхозпредприятий приобрела возможность иметь в обороте «живые» деньги от продажи продукции на рынке. Поэтому с 1993 г. некоторые хозяйства стали открывать собственные магазины и палатки в районных и областных центрах. Среди прочих так поступили АО «Кочегуровское» Чернянского района Белгородской области, колхоз «Рассвет» Лискинского района Воронежской области, ТОО «Вольная заря» Касторненского района Курской области [15—17]. Приведенные данные свидетельствуют о начале укрепления рыночных отношений в аграрном секторе экономики и все более четко проявляющейся взаимосвязи между состоянием рынка и производством сельхозпродукции.

К 1994 г. первая волна реорганизации колхозов и совхозов была закончена. В Центрально-Черноземном регионе перерегистрацию прошли практически все сельскохозяйственные предприятия. В результате произошли значительные изменения в социально-экономической структуре сельского хозяйства: появились новые формы сельскохозяйственных предприятий. Однако главная цель реорганизации — преодоление отчужденности работников от средств производства, превращение их в совладельцев предприятий и формирование на этой основе новых стимулов к повышению эффективности производства — не была достигнута. В большинстве случаев преобразования носили внешний характер, а для возникновения в аграрном секторе действительно рыночных отношений этого было недостаточно.

Список источников и литературы

1. *Концепция* аграрной политики России в 1997—2000 годах / под ред. Е. С. Строева. М., 1997.
2. *Тамбовская жизнь*. 1993. 20 июня.
3. *Липецкая газета*. 1994. 26 авг.
4. *Эпштейн Д.* Паритет экономических отношений сельского хозяйства с другими отраслями и оценка финансовых потерь от их отсутствия // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2002. №2.
5. *Курская правда*. 1994. 9 февр.
6. *Липецкая газета*. 1993. 20 февр.
7. *Тамбовская жизнь*. 1993. 3 марта.
8. *Петриков А. В.* Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М., 1995.
9. *О дополнительных мерах по ускорению проведения земельной реформы в РСФСР* : постановление ПВС и СМ РСФСР от 15 марта 1991 г. // *Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР*. 1991. №12.
10. *О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы* : указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. // *Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ*. 1992. №1.
11. *Белгородская правда*. 1994. 15 марта.
12. *Курская правда*. 1994. 23 февр.
13. *Белгородская правда*. 1994. 20 сент.
14. *Коммуна*. 1993. 11 дек.
15. *Белгородская правда*. 1994. 8 февр.
16. *Коммуна*. 1993. 1 апр.
17. *Курская правда*. 1994. 12 февр.

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль.

E-mail: anm1812@mail.ru

Барина Екатерина Петровна, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Кабытов Пётр Серафимович, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Кондрашин Виктор Викторович, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: vikont37@yandex.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: nikulin@mail.ru

Полх Павел Петрович, канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: p.polkh@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа.

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Степанова Лилия Геннадиевна, д-р ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Томилин Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

E-mail: tomlin58@mail.ru

Филимонов Анатолий Васильевич, канд. ист. наук, Псковский государственный университет, Псков.

E-mail: kafotist@pskgu.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Шевельков Анатолий Иванович, канд. ист. наук, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва.

E-mail: Shevelkov51@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 31

Под редакцией
Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Д. А. Малеваная*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 12.10.2025 г.
Дата выхода в свет 11.11.2025 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,6
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14